

Научный журнал
«ЭПОМЕН»

Epomen
Scientific Journal

электронное периодическое политематическое научное издание

№ 28, июнь 2019
No. 28, June 2019

Учредитель: ООО «Эпомен»

Адрес редакции: 350073, Краснодарский край, г. Краснодар, п. Краснодарский, проезд 2-й Апшеронский, д. 11а

Адрес электронной почты: info@epomen.ru

© ООО «Эпомен», 2019

Состав редакции журнала

Главный редактор:

Усенко Сергей Валентинович, канд. юрид. наук, доцент

Редакторы тематических разделов:

Адаменко Александр Александрович, д-р экон. наук, профессор

Бурда Алексей Григорьевич, д-р экон. наук, профессор

Данилова Марина Ивановна, д-р филос. наук, профессор ВАК

Дашин Алексей Викторович, д-р юрид. наук, канд. ист. наук, профессор

Дикаев Салмат Умарович, д-р юрид. наук, профессор

Курдюк Петр Михайлович, д-р юрид. наук, профессор

Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, профессор

Непшекуева Тамара Сагидовна, д-р филол. наук, профессор

Самойлов Сергей Федорович, д-р филос. наук, профессор

Сапфирова Аполлиария Александровна, д-р юрид. наук, доцент

Тюпаков Константин Эдуардович, д-р экон. наук, профессор

Халифаева Анжела Курбановна, д-р юрид. наук, профессор

Харченко Игорь Яковлевич, д-р техн. наук, профессор

Башкатов Вадим Викторович, канд. экон. наук, доцент

Еникеев Анатолий Анатольевич, канд. филос. наук, доцент ВАК

Гущина Людмила Ивановна, канд. ист. наук, доцент

Кондратьева Татьяна Сергеевна, канд. филол. наук, доцент

Масленникова Людмила Владимировна, канд. юрид. наук, доцент ВАК

Очаковский Виктор Александрович, канд. юрид. наук, доцент

Руденко Евгения Юрьевна, канд. юрид. наук

Нетишинская Любовь Фёдоровна, канд. юрид. наук, доцент

Франциско Ольга Юрьевна, канд. экон. наук, доцент

Франческо Дзекка (Италия), доцент, специалист в области агропродовольственной экономики

Казарян Эдуард Сергеевич (Армения), д-р экон. наук, профессор

Трясунова Ольга Евгеньевна (Беларусь), старший преподаватель экономического факультета Белорусского государственного университета

Помощник главного редактора: **Нешко Екатерина Максимовна**

Младший редактор: **Гудзенко Полина Руслановна**

Editorial Staff

Editor-in-Chief:

Usenko Sergey Valentinovich, Candidate of Law, assistant professor

Topic editors:

Adamenko Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Economics, professor

Burda Aleksey Grigoryevich, Doctor of Economics, professor

Danilova Marina Ivanovna, Doctor of Philosophy, VAK¹ professor

Dashin Aleksey Viktorovich, Doctor of Law, Candidate of History, professor

Dikayev Salmat Umarovich, Doctor of Law, professor

Kurdyuk Petr Mikhaylovich, Doctor of Law, professor

Mamitova Nataliya Viktorovna, Doctor of Law, professor

Nepshekuyeva Tamara Sagidovna, Doctor of Philology, professor

Samoylov Sergey Fedorovich, Doctor of Philosophy, professor

Sapfirova Apollinariya Aleksandrovna, Doctor of Law, assistant professor

Tyupakov Konstantin Eduardovich, Doctor of Economics, professor

Khalifayeva Anzhela Kurbanovna, Doctor of Law, professor

Kharchenko Igor Yakovlevich, Doctor of Technical Sciences, professor

Bashkatov Vadim Viktorovich, Candidate of Economics, assistant professor

Yenikeyev Anatoliy Anatolyevich, Candidate of Philosophy, VAK assistant professor

Gushchina Lyudmila Ivanovna, Candidate of History, assistant professor

Kondratyeva Tatyana Sergeyevna, Candidate of Philology, assistant professor

Maslennikova Lyudmila Vladimirovna, Candidate of Law, VAK assistant professor

Ochakovskiy Viktor Aleksandrovich, Candidate of Law, assistant professor

Rudenko Yevgeniya Yuryevna, Candidate of Law

Netishinskaya Lyubov Fedorovna, Candidate of Law, assistant professor

Frantsisko Olga Yuryevna, Candidate of Economics, assistant professor

Francesco Zecca (Italy), Associate Professor in Agri-Food Economics

Eduard Ghazaryan (Armenia), Doctor of Economics, professor

Tryasunova Olga Yevgenyevna (Belarus), senior lecturer of the Faculty of Economics of the Belarusian State University

Assistant Editor-in-Chief: Neshko Yekaterina Maksimovna

Junior editor: Gudzenko Polina Ruslanovna

¹Higher Attestation Commission (Russian: Высшая аттестационная комиссия, ВАК)

Содержание

Агеев Н. В., Усова В. В.

К вопросу о физическом и психическом насилии как способе совершения преступления (стр. 10–15)

Акульшина К. Г., Исаева М. Э.

Некоторые уголовно-правовые аспекты характеристики регистрации незаконных сделок с недвижимым имуществом (стр. 16–20)

Бородинова О. С., Ембулаева Л. С.

Биомедицинская этика в ветеринарии: философские аспекты (стр. 21–25)

Данилова М. И., Обчинникова Ю. А.

Философия здорового образа жизни (стр. 26–30)

Донцова А. Е., Степанова К. В.

Женщина как специальный субъект преступления в уголовном праве (стр. 31–37)

Ембулаева Л. С., Кожухаренко О. Р., Нийонгабо Э., Панкратова А. А.

Кровь как жизнь: философские и медицинские аспекты (стр. 38–45)

Жучкова А. М.

Организационный договор в российском гражданском праве (стр. 46–52)

Заболотнов А. А., Медведев С. С.

Особенности квалификации преступлений связанных с возбуждением ненависти либо вражды, а также унижением человеческого достоинства (стр. 53–57)

Заболоцкий Ф. П., Медведев С. С.

Смертная казнь в России: аргументы за и против (стр. 58–63)

Иванченко И. Н.

Административная преюдиция в уголовном праве (стр. 64–70)

Исмаилов Ш. М.

Проблемы правового регулирования внешнеторговых бартерных сделок (стр. 71–76)

Коротченко А. С., Масленникова Л. В.

Роль нотариуса в различных процедурах банкротства (стр. 77–87)

Любушина Е. А.

Методические рекомендации при обследовании объектов метростроения в рамках проведения судебной строительно-технической экспертизы (стр. 88–94)

Медведев С. С., Морозова Р. И.

Особенности института соучастия в российском уголовном праве (стр. 95–101)

Медведев С. С., Саакян М. А.

Проблемы правового регулирования посредничества во взяточничестве (стр. 102–107)

Медведев С. С., Топчиева С. К.

Уголовно-правовое значение крайней необходимости (стр. 108–114)

Медведев С. С., Юрченко Е. В.

Проблемы квалификации и отграничения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью от смежных составов преступлений (стр. 115–125)

Мельникова А. С.

Смягчающие ответственность обстоятельства в административном и налоговом праве (стр. 126–133)

Никулина С. А., Степанова К. В.

Проблемы признания юридического лица субъектом преступления: зарубежный опыт и перспективы в Российской Федерации (стр. 134–141)

Обмоина А. В., Папикян А. А., Папикян Т. А.

Традиции питания в авраамических конфессиях (стр. 142–148)

Обмоина А. В., Папикян А. А., Папикян Т. А.

Некоторые философские аспекты питания (стр. 149–154)

Погорелов Н. А.

Актуальные вопросы квалификации террористического акта (стр. 155–161)

Порожняк М. В.

Основные черты механизма реализации норм непосредственного применения в Российской Федерации и в зарубежных странах (стр. 162–168)

Прилипко А. Г., Суховеров К. А.

Административный прецедент в системе источников административного права: проблемы теории и практики (стр. 169–174)

Прилипко А. Г., Суховеров К. А.

О принципах административного процесса (стр. 174–180)

Репухова Д. А.

Отличие предмета преступления от средства и орудия совершения преступления (стр. 181–189)

Саакян М. А.

К вопросу о некоторых проблемах фактического землепользования (стр. 190–194)

Стародубцева Н. В.

Спорные вопросы сферы вещного права в действующем законодательстве Российской Федерации (стр. 195–200)

Степанова К. В., Щербань И. С.

Проблема ответственности за незаконное пересечение государственной границы Российской Федерации (стр. 201–206)

Чебурахина А. А.

Рациональное использование химических удобрений (стр. 207–212)

Чуяко А. А.

К вопросу об особенностях гражданско-правовой ответственности управляющей организации, осуществляющей деятельность в сфере ЖКХ (стр. 213–218)

Щербань И. С.

Проблема профилактики безнадзорности и совершения правонарушений несовершеннолетними на территории Краснодарского края (стр. 219–223)

Table of Contents

Ageyev N. V., Usova V. V.

On the Issue of Physical and Mental Violence as a Method of Committing a Crime (pp. 10–12)

Akulshina K. G., Isayeva M. E.

Some Criminal and Legal Aspects of the Characteristics of the Registration of Illegal Real Estate Transactions (pp. 16–20)

Borodinova O. S., Yembulayeva L. S.

Biomedical Ethics in Veterinary Medicine: Philosophical Aspects (pp. 21–25)

Danilova M. I., Ovchinnikova Yu. A.

The Philosophy of a Healthy Lifestyle (pp. 26–30)

Dontsova A. Ye., Stepanova K. V.

Woman as a Special Subject of Crime in Criminal Law (pp. 31–37)

Yembulayeva L. S., Kozukharenko O. R., Niyongabo H., Pankratova A. A.

Blood as Life: Philosophical and Medical Aspects (pp. 38–45)

Zhuchkova A. M.

Organizational Contract in Russian Civil Law (pp. 46–52)

Zabolotnov A. A., Medvedev S. S.

Features of Qualification of the Crimes Connected With Arousing Hatred or Hostility, and Abasement of Human Dignity (pp. 53–57)

Zabolotskiy F. P., Medvedev S. S.

Mortal Penalty in Russia: Arguments for and Against (pp. 58–63)

Ivanchenko I. N.

Administrative Prejudice in Criminal Law (pp. 64–70)

Ismailov Sh. M.

Problems of Legal Regulation of Foreign Trade Barter Transactions (pp. 71–76)

Korotchenko A. S., Maslennikova L. V.

The Role of the Notary in Various Bankruptcy Procedures (pp. 77–87)

Lyubushina Ye. A.

Methodological Recommendations in the Survey of Metro-Construction Objects Within the Framework of Judicial Construction Technical Examination (pp. 88–94)

Medvedev S. S., Morozova R. I.

Peculiarities of the Institution of Complicity in Russian Criminal Law (pp. 95–101)

Medvedev S. S., Saakyan M. A.

Problems of Legal Regulation of Mediation in Bribery (pp. 102–107)

Medvedev S. S., Topchiyeva S. K.

Criminal and Legal Meaning of Extreme Necessity (pp. 108–114)

Medvedev S. S., Yurchenko Ye. V.

Problems of Qualification and Delimitation of Intentional Infliction of Grievous Bodily Harm From Related Offences (pp. 115–125)

Melnikova A. S.

Mitigating Circumstances in Administrative and Tax Law (pp. 126–133)

Nikulina S. A., Stepanova K. V.

Problems of Recognition of a Legal Person by a Subject of Crime: Foreign Experience and Prospects in the Russian Federation (pp. 134–141)

Obmoina A. V., Papikyan A. A., Papikyan T. A.

Food Traditions in the Abrahamic Faiths (pp. 142–148)

Obmoina A. V., Papikyan A. A., Papikyan T. A.

Some Philosophical Aspects of Nutrition (pp. 149–154)

Pogorelov N. A.

Topical Issues of Qualifying a Terrorist Act (pp. 155–161)

Porozhnyak M. V.

The Main Features of the Mechanism of Implementation of the Norms of Direct Application in the Russian Federation and in Foreign Countries (pp. 162–168)

Prilipko A. G., Sukhoverov K. A.

Administrative Precedent in the System of Sources of Administrative Law: Problems of Theory and Practice (pp. 169–173)

Prilipko A. G., Sukhoverov K. A.

On the Principles of the Administrative Process (pp. 174–180)

Repukhova D. A.

The Difference Between the Object of a Crime and the Means and Instrument of a Crime (pp. 181–189)

Saakyan M. A.

On the Issue of Some Problems of Actual Land Use (pp. 190–194)

Starodubtseva N. V.

Controversial Issues in the Field of Property Law in the Current Legislation of the Russian Federation (pp. 195–200)

Stepanova K. V., Shcherban I. S.

The Problem of Responsibility for Illegal Crossing of the State Border of the Russian Federation (pp. 201–206)

Cheburakhina A. A.

Rational Use of Chemical Fertilizers (pp. 207–212)

Chuyako A. A.

On the Issue of Civil Liability Features of the Managing Organization Operating in the Housing and Utilities Sector (pp. 213–218)

Shcherban I. S.

The Problem of Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency in Krasnodar Krai (pp. 219–223)

УДК/UDC 342.235.2

К вопросу о физическом и психическом насилии как способе совершения преступления

Агеев Николай Владиславович

старший преподаватель кафедры уголовного права

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: nikolasbass@yandex.ru

Усова Валерия Владимировна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: valera_us1701@mail.ru

Аннотация

В век доступности источников информации, беспрепятственного перемещения информационных потоков, в том числе и негативного содержания, облегчается вероятность совершения преступлений посредством влияния на психику людей в отсутствие реального контакта. Психологическая безопасность людей ставится под угрозу, следовательно, вопрос о психическом насилии над людьми, информационном воздействии на них требует повышенного внимания, в том числе и как способ совершения преступления. Для предотвращения психического насилия авторы приходят к выводу о необходимости принятия мер по созданию атмосферы нетерпимости по отношению психическому насилию в социальных учреждениях, организации мониторинга общественных и создании групп психологической поддержки жертв и групп для работы с агрессорами.

Ключевые слова: психическое насилие, преступление, психика.

On the Issue of Physical and Mental Violence as a Method of Committing a Crime

Ageyev Nikolay Vladislavovich
senior lecturer of the Department of Criminal Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: nikolasbass@yandex.ru

Usova Valeriya Vladimirovna
student of the faculty of law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: valera_us1701@mail.ru

Abstract

In the age of availability of information sources, unimpeded movement of information flows, including negative content, the probability of committing crimes is facilitated by influencing the state of mind of a person in the absence of a real contact. Psychological safety of people is put at risk, therefore, the issue of mental violence against people, informational influence on them requires increased attention, including as a way to commit a crime. To prevent mental violence, the authors come to the conclusion that it is necessary to take measures to create an atmosphere of intolerance towards mental violence in social institutions, to organize public monitoring, and to create psychological support groups for victims and groups to work with aggressors.

Key words: mental violence, crime, psyche.

В юридической литературе термину «психическое насилие» уделяется меньше внимания, чем «физическому насилию». Этот термин не используется в национальном законодательстве. Но следует отметить, что в практике судебных органов используется термин «психическое насилие», в частности в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 № 11 [1].

«Психическое насилие» — это угроза физического насилия с целью заставить лицо совершить действия преступного характера либо воздер-

жаться от действий, выполнение которых является обязанностью лица. Как уже отмечалось, термин «психическое насилие» не используется в законодательстве непосредственно, применяется более общее понятие «насилие», а также «угроза применения насилия». Так, формулировка «с применением насилия или с угрозой его применения» фигурирует в качестве квалифицирующего признака во многих статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: например, в п. «е» ч. 2 ст. 127.1 («Торговля людьми»), п. «г» ч. 2 ст. 127.2 («Использование рабского труда»), ч. 2 ст. 139 («Нарушение неприкосновенности жилища»), ст. 151 («Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий») и т. д. [2].

В других нормах эта формулировка включена непосредственно в диспозицию статьи, например в ст. 131 («Изнасилование»), ст. 132 («Насильственные действия сексуального характера»); ст. 162 («Грабеж») и т. д. Также в ряде статей Уголовного кодекса предусмотрена более строгая ответственность в случае угрозы определенным категориям граждан, например в ст. 296 («Угроза или насильственные действия в связи с отправлением правосудия или предварительным расследованием»). Угроза убийством или причинением вреда здоровью является преступлением, которое трудно квалифицировать. Такое обвинение не может быть выдвинуто только на основании субъективного мнения потерпевшего и его опасений относительно реальности осуществления угрозы. Должны учитываться обстоятельства, создающие риск ее осуществления, ситуация, в которой было совершено преступление, взаимоотношения между исполнителем и жертвой и многое другое [2].

Угроза может быть не только высказана, но и передана через третьих лиц, посредством почтовой связи и т. д. Угроза уничтожения имущества или причинения иного вреда, неопределенной угрозы, а также требование погашения долга под угрозой обращения в полицию или в суд за взысканием задолженности не образует состава этого преступления.

Также в трудовом законодательстве угроза может быть связана с

использованием принудительного труда и вынужденной подачей заявления об увольнении по собственному желанию. Принудительный труд включает работу, выполняемую под угрозой наказания [3].

Такая разновидность общественно-опасного деяния, как «психическое насилие», зачастую применяется в отношении несовершеннолетних лиц. Так, в тех странах, где имеет место дифференцированная регистрация индивидуальных форм жестокого обращения с детьми, процент психологического насилия относительно невелик. Так, в США психическое насилие составляет 17%, а в Великобритании — 1,5% от общего числа зарегистрированных случаев жестокого обращения с детьми. Опыт практического оказания помощи детям, пострадавшим от жестокого обращения, свидетельствует о гораздо более широком распространении психического насилия, которое также является неотъемлемой частью других форм жестокого обращения с детьми [4].

Его низкая выявляемость, очевидно, связана со сложностями диагностики и неполной регистрацией. Если при диагностике ориентироваться на неблагоприятные последствия психического насилия, то неизбежно возникает следующая трудность. Сразу после психической травмы состояние ребенка определяется острой реакцией на стресс. Психические и эмоциональные расстройства, характерные для психического насилия, происходят через некоторое время после психической травмы, поэтому они отсутствуют, если ребенок попал в поле зрения специалистов сразу после ее получения [5].

Существуют факторы риска психического насилия, так, Healthopedia (онлайн-энциклопедия проблем со здоровьем) предполагает, что некоторые люди подвергаются большему риску психического насилия в отношении других. К факторам риска психического насилия относится следующее: «...быть наркоманом или алкоголиком или иметь партнера, который является одним из них; быть женщиной, особенно в возрасте от 17 до 34 лет; быть замужем или в отношениях, в которых один человек является более доминирующим, чем другой; быть беременной; быть социально и эмоционально изолированной; быть безработной; иметь де-

нежные проблемы или плохие жилищные условия» [6].

Наиболее распространенными последствиями психического насилия являются: снижение интеллекта, агрессивность, импульсивность, отсутствие способности контролировать собственное поведение, низкая самооценка и повышенная тревожность, неспособность установить доверительные, эмоционально теплые отношения [7].

Для предотвращения психического насилия необходимо принять следующие меры:

- создание атмосферы нетерпимости по отношению к любому акту психического насилия как в школах, так и в других учреждениях и организациях;
- организация мониторинга общественных мест, таких как залы в учреждениях, организациях, комнаты отдыха, столовые;
- создание групп психологической поддержки жертв и групп для работы с агрессорами.

Таким образом, в уголовном законодательстве наблюдается очевидный дисбаланс между уголовно-правовой оценкой психического и физического насилия, ввиду чего разнородные формы противоправного воздействия на человеческую психику не находят своего адекватного отражения в уголовном законодательстве как самостоятельного преступления, а только упоминаются как способ преступных посягательств на иные объекты: правосудие, собственность, половую свободы и др. При этом данное положение с учетом конституционной догмы о правах и свободах человека и гражданина как высшей ценности неприемлемо. Видна необходимость в расширении границ уголовно-правовой защиты психического здоровья личности от преступного посягательства.

Список литературы

1. «О преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 № 11 // Российская газета. № 136. 29.06.2004.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

3. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. № 256. 31.12.2001.

4. Е. И. Цымбал. Жестокое обращение с детьми: причины, проявления, последствия. Изд. 2-е, испр. и доп. М: РБФ НАН, 2010. 286 с.

5. Шаратов Р. Д. Теоретические основы квалификации насильственных преступлений. Тюмень: Тюменский филиал Академии права и управления, 2005. 184 с.

6. Healthopedia // URL: <https://healthopedia.weebly.com/>.

7. Скорченко П. Т. Расследование изнасилований. М.: Былина, 2004. 224 с.

УДК/UDC 343.2/.7

Некоторые уголовно-правовые аспекты характеристики регистрации незаконных сделок с недвижимым имуществом

Акульшина Ксения Григорьевна

студентка юридический факультет

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: akulshina99@bk.ru

Исаева Марина Эдуардовна

студентка юридический факультет

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: marina-isaeva-1999@mail.ru

Аннотация

Ценность земли как вовлеченного в гражданский оборот недвижимого имущества подчеркивает необходимость ее уголовно-правовой охраны от преступных посягательств собственников и других субъектов земельных отношений. В сложившихся на сегодняшний день условиях видна необходимость в усилении мер уголовно-правовой защиты земельных отношений посредством осуществления криминализации определенных действий и бездействий, которые связаны с осуществлением незаконных сделок с землей, земельными участками и частями земельных участков. По мнению авторов, необходимо закрепить более детальное описание объективных признаков преступления, совершаемого в форме умышленного занижения кадастровой стоимости объектов недвижимости и регистрации заведомо незаконных сделок с недвижимым имуществом, в целях установления уголовной ответственности за однократные деяния по занижению размера платы за земельные участки и регистрации незаконной сделки.

Ключевые слова: земля, земельный участок, привлечение к уголовной ответственности, состав преступления.

Some Criminal and Legal Aspects of the Characteristics of the Registration of Illegal Real Estate Transactions

Akulshina Kseniya Grigoryevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: akulshina99@bk.ru

Isayeva Marina Eduardovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: marina-isaeva-1999@mail.ru

Abstract

The value of land as an immovable property involved in the civil turnover emphasizes the need for its criminal law protection against criminal encroachments of owners and other subjects of land relations. Under current conditions, there is a need to strengthen criminal law measures to protect land relations by criminalizing certain actions and omissions that are associated with illegal transactions with land, land plots and parts of land plots. According to the authors, it is necessary to consolidate a more detailed description of objective evidence of a crime committed in the form of deliberate understating of the cadastral value of real estate objects and registration of knowingly illegal real estate transactions in order to establish criminal liability for one-time actions to underpay for land and register an illegal transaction.

Key words: land, land, criminal prosecution, corpus delicti.

Защита в Российской Федерации института собственности является одной из главных составляющих для нормального функционирования социума в условиях рыночной экономической системе [1]. Законодательное обеспечение единства разрозненной системы постановки на кадастровый учет земельных участков и технического учета других объектов

недвижимого имущества направлено на создание многоцелевой информационной системы [2].

Однако неполное формирование Государственного кадастра недвижимости, отсутствие конкретных сведений о реальной стоимости земли, неправильное применение норм уголовного законодательства правоохранительными и судебными органами, а также несовершенство земельного законодательства, регулирующего переход земельных участков в частную форму собственности [3], создали предпосылки для совершения преступлений в данной области, характеризующиеся высокой степенью латентности.

В свете существующих на сегодняшний день криминологических проблем обращает на себя внимание проблематика охраны оборота земли. Так, в науке уголовного права поднимаются вопросы обоснованности и целесообразности установления уголовной ответственности за умышленное занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости, искажение сведений Государственного кадастра недвижимости и (или) Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, регистрацию незаконных сделок с земельными участками.

Например, ряд ученых отмечают, что регистрация сделок с землей, земельными участками или частью земельного участка создает избыточный запрет, т. к. содержащиеся в положениях ст. 170 УК РФ [5] деяния охватываются составом злоупотребления должностными полномочиями [6, 7].

Необходимость криминализации связанных с незаконным оборотом земель деяний обуславливается наличием:

- коррупционной составляющей в деянии государственного или муниципального служащего;
- прямого умысла;
- факта причинения экологического и экономического ущерба землям и другим тяжких, наступающих в результате общественного опасного поведения, последствий;
- аморального и противоправного способа совершения преступ-

- ления (подлог или подделка документов);
- потерпевшего (в этом качестве могут выступать, наравне с физическими и юридическими лицами, государственные органы и органы местного самоуправления);
- экологической и экономической ценности объекта преступного посягательства — земли, земельного участка, части земельного участка [8].

Содержащаяся в ст. 170 УК РФ диспозиция указывает на наличие трех составов преступления, отличных по содержанию:

- умышленное занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости;
- умышленное искажение сведений Государственного кадастра недвижимости и (или) Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним;
- регистрация заведомо незаконных сделок с недвижимым имуществом.

Все вышеуказанные составы преступлений обладают своим непосредственным объектом преступления. Так, объектом умышленного занижения кадастровой стоимости объектов недвижимости является порядок взимания платежей за землю, объектом умышленного искажения сведений Государственного кадастра недвижимости и (или) Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним является порядок учета недвижимого имущества. Причем изменение сведений государственного кадастра недвижимости может быть совершено как действием, так и бездействием. А само искажение сведений может проявляться не только посредством подчисток и заведомо ложных сведений, но и посредством невнесения в государственный кадастр недвижимости действительных сведений. Объектом регистрации заведомо незаконных сделок с недвижимым имуществом является порядок оборота земель.

Таким образом, в сложившихся на сегодняшний день условиях видна необходимость в усилении мер уголовно-правовой защиты земельных

отношений посредством осуществления криминализации определенных действий и бездействий, которые связаны с осуществлением незаконных сделок с землей, земельными участками и частями земельных участков. На наш взгляд, необходимо закрепить более детальное описание объективных признаков преступления, совершаемого в форме умышленное занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости и регистрация заведомо незаконных сделок с недвижимым имуществом в целях установления уголовной ответственности за однократные деяния по занижению размера платы за земельные участки и регистрации незаконной сделки.

Список литературы

1. Филимонов О. А., Мустафина С. А. Способы защиты частной собственности на земельный участок в нормах земельного и жилищного законодательства // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: Сборник статей по материалам 73-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2017 год / Ответственный за выпуск: А. Г. Коцаев. 2018. С. 1248–1250.
2. Гряда Э. А. К вопросу о гражданско-правовом значении государственного кадастрового учета земельных участков // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 2. С. 42–45.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
4. Мирзаев З. М. Уголовно-правовые и криминологические проблемы регистрации незаконных сделок с землей (по материалам Республики Дагестан): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Махачкала, 2006. С. 18.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Жариков Ю. Г. Земельное право России. М.: Кнорус, 2006. С. 35.
7. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб., 2002. С. 268.
8. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный). Особенная часть. М., 2005. С. 203.

УДК/UDC 17.0

Биомедицинская этика в ветеринарии: философские аспекты

Бородинова Ольга Сергеевна

студентка факультета ветеринарной медицины

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

Ембулаева Людмила Сергеевна

кандидат философских наук, доцент ВАК, профессор кафедры философии

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: nembulaeva@mail.ru

Аннотация

Ветеринарные врачи в своей работе постоянно решают вопросы, связанные с системой отношений: врача и животного, врача и хозяина животного, врача и врача-коллеги. Каждый медик имеет свое личное отношение к проблеме жизни и смерти. Тем более, что в настоящее время пробивает себе дорогу новая этика животных, требующая принципиально нового отношения к животным. В работе раскрыто определение биоэтики, биомедицинской этики, этики животных, деонтологии. Также выделяются основные модели медицинской этики, которые помогают увидеть преобразование моральных принципов в медицине, связанных с изменением общества. Внимание уделено развитию медицины, деятельности ветеринарных врачей и гуманности их действий. Исследованы основные принципы, лежащие в основе биоэтики. Обоснована необходимость биоэтики как учебной дисциплины.

Ключевые слова: биомедицинская этика, ветеринария, этика животных, медицина, врач.

Biomedical Ethics in Veterinary Medicine: Philosophical Aspects

Borodinova Olga Sergeyevna
student of the Faculty of Veterinary Medicine
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

Yembulayeva Lyudmila Sergeyevna
Candidate of Philosophy, VAK assistant professor, professor of the Department of
Philosophy
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: nembulaeva@mail.ru

Abstract

Veterinarians in their work constantly solve issues related to the system of relations: between a doctor and an animal, a doctor and an owner of an animal, a doctor and a fellow doctor. Each physician has his own personal attitude to the problem of life and death. Moreover, nowadays a new ethic of animals, which demands a fundamentally new attitude towards animals, is making its way. The paper discloses the definition of bioethics, biomedical ethics, animal ethics, deontology. It also highlights the main models of medical ethics that help to see the transformation of moral principles in medicine associated with the change of society. Attention is paid to the development of medicine, the activities of veterinarians and the humanity of their actions. The basic principles underlying bioethics are investigated. The necessity of bioethics as an academic discipline is grounded.

Key words: biomedical ethics, veterinary medicine, animal ethics, medicine, doctor.

Проблему биомедицинской этики в ветеринарии будем рассматривать через аристотелевскую установку, которая делает упор на практическую науку и нормативную науку. С этих позиций и этика будет исследоваться как практическая и нормативная. Другими словами, этическая оценка ветеринарной медицины рассматривает животное во всей его полноте. Когда исследуем животное в рамках связывающих его отношений, то «такой подход» означает переход к новой этике животных, новому типу ветеринарной медицины .

Философское, этическое осмысление проблем биоэтики совершенно необходимо для ветеринарного врача, который не только имеет соответствующую этическую подготовку, а обладает надежным этическим сознанием. Биоэтику рассматривают как дисциплину, центром которой является отношение жизни к смерти. В ее основе лежат современные технологические достижения в биологии, медицине, генной инженерии и других науках. Биоэтика прошла трудный путь развития: от прикладной сферы в медицине человека до включения в биоэтику животных, что вывело ее на уровень ценностей культуры и философии. Биомедицинская этика — это этика, представляющая часть биоэтики, которая занимается решением частных проблем, возникающих в биомедицине. Она отличается движением от характеристики описания морали врачей к философскому пониманию нравственности в сфере биомедицинских исследований.

Следует отметить, что биомедицинская этика берет начало с древних времен, когда формировалось общество, а человек из простого потребителя превращался в производителя благ, в то время, когда закладывались традиционные формы и методы врачевания людей и животных. Со временем живые медицинские технологии вступали в конфликт со старыми культурными ценностями. Так произошли фундаментальные изменения в определении смерти.

В ходе истории сложилось четыре основные модели биомедицинской этики.

Модель Гиппократов, которой уже 24 века: «... в какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного... Употреблю все свои силы для помощи больным и воспрепятствую несправедливости и нанесению вреда» [1]. Гиппократ сформулировал основное требование — «не навреди», сущность которого в гарантии защиты человека в медицине. Следовательно, все действия врача должны идти на благо пациенту, важно сохранять врачебную тайну и уважать человеческую жизнь.

Деонтологическая модель предполагает безупречное поведение медика, представляет свод правил для взаимоотношения пациента и врача.

Основной задачей является соблюдение долга, поставленного перед профессионалом.

Модель Парацельса на первый план выдвигает этические принципы: гуманизм, милосердие, благодеяние. Главное требование в деятельности медиков — «делай добро» и проявляй любовь к ближнему.

Биомедицинская модель опирается на уважение прав пациента и подразумевает внедрение новых форм взаимоотношений, опирающихся на права пациента, на его информированное согласие и конфиденциальность всей информации, отказ от выполнения некоторых действий по требованиям совести, «отбор» пациентов [2].

Биоэтика в ветеринарии связана с утверждением новой этики животных, признающей их право на жизнь, утверждающей нормы отношения к ним и запреты на экспериментальную практику над животными и с их использованием. Главная проблема биомедицинской этики предстает перед ветеринарным врачом в виде «молчания» их пациентов. Биомедицинскую этику ветеринарному врачу чаще всего приходится применять в отношении владельцев животных. Нередко работа с владельцем является самым тяжелым этапом в лечении животного.

Не менее важным способом решения проблемы в отношениях «врач — животное — человек» является создание биоэтических комитетов, которые обеспечивают взаимодействие ветеринарного врача с пациентом и его хозяином. В сложных ситуациях можно обратиться за помощью к философам, священникам, общественным деятелям и организациям по защите животных. Биоэтические комитеты рассматривают такие вопросы, как обсуждение моральных проблем, контроль за соблюдением прав пациента, они проводят консультации по биоэтическим проблемам: эвтаназии, трансплантологии и ксенотрансплантологии, испытания лекарств и современных способов лечения.

В настоящее время и в нашей стране появляется все больше сторонников знаменитых принципов «3 R: replace — замещение; reduce — сокращение; refine — усовершенствование, требующих запретить медицинские опыты на животных, заменить их другими методами исследований,

усовершенствовать технологии в области медицины, реконструировать ткани человека и животных» [3].

Ученые, врачи, осознающие свою ответственность перед фактом жизни и человека, и животного, признают эти принципы как основополагающие. Уже 2001 г. в нашей стране в государственные стандарты профессионального медицинского образования был введен курс биоэтики [4].

Обобщая вышеизложенные доводы, следует сделать вывод о том, что каждый ветеринарный врач в профессиональной деятельности обязан осознавать в полной мере свою роль и ответственность, его действия должны подчиняться этическим нормам [5]. Это первый этап к урегулированию этических взаимоотношений в коллективе врачей, а также между врачом и пациентами. И только тогда вторым этапом будет являться деятельность биоэтических комитетов, к которым обращаются в случае нарушения первого. Важно помнить, что свойство ошибаться относится к абсолютному большинству врачей, делать выводы о его работе на основании сообщений владельцев животных преждевременно и неоправданно.

Современный прогресс клинической медицины поставил перед обществом задачу переосмысления и уточнения принципа гуманизма. В этих условиях биоэтика стала мостом в будущее, вектором к созданию глобальной этики человечества.

Список литературы

1. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. ТОО ТК «Петрополис», 1994. 336 с. С. 89.
2. Сгречча Э., Тамбоне В. Биоэтика: учебник / Пер. с итал. М. 2002. 413 с.
3. Цаценко Л. В. Биоэтика и основы биобезопасности: учебное пособие. 3-е изд., стер. СПб.: Издательство «Лань», 2018. 92 с. С. 77–78.
4. Яровинский М. Я. Медицинская этика (биоэтика) / Под ред. А. М. Сточика. М.: ОАО Издательство «Медицина», 2006. 448 с. С. 4.
5. Шамов И. А., Абусуев С. А. Биоэтика: учебное пособие. Махачкала: Изд-во ДГМА, 2001. 416 с. С. 48.

УДК/UDC 1.001

Философия здорового образа жизни

Данилова Марина Ивановна

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

Краснодар, Россия

e-mail: madary@mail.ru

SPIN-код: 2909-7629

Овчинникова Юлия Андреевна

магистрант

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: ovchinnickova.iulya2015@yandex.ru

SPIN-код: 4738-2936

Аннотация

Проблема здорового образа жизни всегда являлась актуальной. В последнее время можно наблюдать некую моду на данный образ, его активную пропаганду и нацеленность на заботу о себе и своем физическом состоянии. Здоровье, не только физическое, но и духовное, рассматривается как характеристика человека, успешного во всех сферах. Однако при существующей моде все еще остаются люди с противоположными установками. В данной статье описаны противоречия между пониманием положительного влияния здорового образа и отсутствием мотивации к его ведению, возможные пути решения данной проблемы с помощью системы образования, института семьи, социальных сетей, а также средств массовой информации. Приведены примеры ограничивающих убеждений и побуждение к поиску альтернативных решений.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, философия, мода, социальные сети, средства массовой информации, влияние, физическое и духовное здоровье.

The Philosophy of a Healthy Lifestyle

Danilova Marina Ivanovna

Doctor of Philosophy, professor, head of a chair of the Department of Philosophy

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: madary@mail.ru

SPIN code: 2909-7629

Ovchinnikova Yuliya Andreyevna

student in the master's programme

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: ovchinnikova.iulya2015@yandex.ru

SPIN code: 4738-2936

Abstract

The problem of a healthy lifestyle has always been relevant. Recently, one can observe a certain fashion for such a lifestyle, its active propaganda, and a focus on taking care of yourself and your physical condition. Health, not only physical, but also spiritual, is considered as a characteristic of a person, successful in all spheres. However, with the existing fashion, there are still people with opposite settings. This article describes the contradictions between the understanding of the positive impact of a healthy image and the lack of motivation for its management, possible solutions to this problem with the help of the education system, the institution of the family, social networks, and the media. Examples of limiting beliefs and motivation to search for alternative solutions are given.

Key words: healthy lifestyle, philosophy, fashion, social networks, media, influence, physical and spiritual health.

Тема здорового образа жизни всегда оставалась актуальной во многих сферах человеческой жизни и культуры. В последнее время можно наблюдать некую моду на данный образ жизни, активную пропаганду и нацеленность на заботу о себе и своем физическом состоянии. Здоровье, не только физическое, но и духовное, рассматривается как характеристика человека, успешного во всех сферах. Поэтому задачей становится

рассмотреть данный феномен с точки зрения современных научных тенденций.

В социальных сетях и средствах массовой информации все чаще можно встретить образ успешного человека, одной из основной моделью поведения которого становится хорошее состояние здоровья, отсутствие каких-либо болезней, стремление к сохранению молодости, а также включение элементов демонстративного поведения. К таким элементам относится посещение фитнес-клуба, путешествия, пропаганда правильного питания, включающего сбалансированный рацион и отсутствие в рационе вредных продуктов. Данная модель становится мотивирующей установкой в современном обществе и все больше появляется приверженных ей [1].

Из социологического опроса Всероссийского центра общественного мнения можно узнать, какие базовые составляющие здоровья выделяют жители России. По данным на 2019 год, выделяют такие составляющие, как качество продуктов питания (55% опрошенных), экологическая обстановка (18%), возраст (25%), влияние работы и стресса (33%). Эти данные свидетельствуют о том, что в общественном сознании укоренились модели здорового образа жизни [2].

Однако, несмотря на моду и осознание правильности ведения здорового образа, все еще существуют личности, демонстрирующие саморазрушающее поведение. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 32% опрошенных привержены курению. Алкоголизм и наркомания также существует и вызывает дискуссии в современном обществе [3].

Приведенные данные свидетельствуют о противоречии убеждений и практического поведения российского общества. Можно сделать вывод, что люди отдают себе отчет в правильности ведения здорового образа жизни, но зачастую пренебрегают им.

Причина может крыться в отсутствии достаточной мотивации и отсутствии силы своего духа на пути к здоровому образу жизни, некоторые связывают свое девиантное поведение с материальной составляющей, на-

пример, отсутствие средств на покупку абонеента или установка, что правильное питание – это дорогое удовольствие, некоторые недовольны качеством медицинских услуг в стране. По данным ВЦИОМ на 2019 год, еще треть людей (33%) предпочитают заниматься самолечением, 15% ходят в частные клиники, хотя два года назад эта доля составляла 11% [4].

Поэтому возникает потребность перейти от общественного осознания пользы здорового образа жизни к практическим навыкам. С точки зрения философии, здоровый образ жизни предполагает нахождение человека в гармонии с окружающим миром и собственным телом, достижение своих целей не в ущерб своему физическому и духовному здоровью, оптимистичное отношение к своему будущему, умение различать границы пользы и вреда, формирование собственной устойчивой системы ценностей, норм морали и следование им [5].

Для формирования данных аспектов необходимое влияние могут оказать общественные институты, главным образом система образования. Более углубленное изучение философских наук будет способствовать формированию собственной точки зрения с различием хорошего и дурного, а также умение отстаивать свое мнение, особенно в подростковом возрасте, когда человек, попадая в неблагополучную компанию перенимает поведение своих сверстников и «моду» на вредные привычки в данной группе.

Необходимо формирование системы стимулирования общества к подобному образу жизни, в культуре питания это может быть активная пропаганда здоровых продуктов питания с помощью социальных сетей и СМИ, наиболее частое проведение марафонов по ведению активного образа жизни и создание лекционных видеоматериалов для институтов. Культура здорового образа внутри семьи будет способствовать взаимной поддержке и формированию ценностей, начиная с младшего поколения. Необходимо разрушение ограничивающих убеждений о том, что ведение здорового образа жизни — это материально затратно, а также поиск альтернативных решений данных убеждений.

Таким образом, уже существуют предпосылки в сторону созна-

тельного поворота общества к здоровому образу жизни. Это становится моделью поведения, к которому стремятся многие. Однако, при существующем модном течении существуют поклонники противоположного образа жизни. Воздействие различных социальных институтов, средств массовой информации будет способствовать формированию культуры и мотивации к здоровому образу жизни.

Традиция в понимании здорового образа жизни нашла свое закрепление в самых глубоких основаниях философских и религиозных систем. Однако, несмотря на множественную природу, они имеют едиными представлениями, что позволяет выделить фундаментальные, устойчивые, повторяющиеся смыслы. Здоровый образ жизни традиционно понимается:

- 1) как способ осуществления всей полноты жизни;
- 2) проявление мудрости;
- 3) нравственное, правильное поведение и необходимое условие благой человеческой жизни;
- 4) способ достижения человеческой целостности и гармонии, объединение человеческого духа и тела, единство мира и человека;
- 5) путь к отсутствию болезней.

Список литературы

1. Гобозов И. А. Социальная философия. М.: Академический проспект, 2010. 352 с.
2. Здоровье, экология, хорошее питание: что россияне понимают под качеством жизни? // Всероссийский центр изучения общественного мнения: пресс-релиз № 2562. URL: https://wciom.ru/news/tematicheskij_catalog/katalogi_i_poisk_po_dannym/.
3. Курение в России: мониторинг // Всероссийский центр изучения общественного мнения: пресс-релиз № 3954. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1439>.
4. Тяжелый труд, бедность и старость. Три причины болезней в России // Всероссийский центр изучения общественного мнения: пресс-релиз № 3954. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9687>.
5. Базелюк Н. Н. Социально-философские аспекты здоровья и здорового образа жизни // Вестник Волгоградского университета. Серия 7, «Философия». 2008. № 2 (8). С. 237–239.

УДК/UDC 343.2

Женщина как специальный субъект преступления в уголовном праве

Донцова Анна Евгеньевна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: anna1noer@icloud.com

Степанова Кристина Витальевна

преподаватель кафедры уголовного права

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

Аннотация

Сегодня существует большая потребность в изучении преступности среди женщин, так как асоциальные действия женщин оказывают разрушающее воздействие на подрастающее поколение и на общество в целом. В данной статье рассматривается такой субъект уголовно-правовых отношений, как женщина, теоретический и исторический аспект совершения ими преступлений, а также причины роста женской преступности. Приводится раскрытие проблематики данной темы по мнению разных авторов, историков и правоведов. Целью статьи является рассмотрение основных аспектов, связанных с понятием специального субъекта преступления. Анализируются различные точки зрения относительно определения понятия специального субъекта преступления, признаки, характеризующие специальный субъект преступления. Также разбираются отдельно признаки женщины как специального субъекта преступления по Особенной части уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: специальный субъект, уголовная ответственность, признаки субъекта, криминология, антисоциальное поведение.

Woman as a Special Subject of Crime in Criminal Law

Dontsova Anna Yevgenyevna
student of the Faculty of Law
Kuban state agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: anna1noer@icloud.com

Stepanova Kristina Vitalievna
Lecturer of the Department of criminal law
Kuban state agrarian University
Krasnodar, Russia

Abstract

Today there is a great need to study crime among women, as the antisocial actions of women have devastating impact on the younger generation and on society as a whole. This article deals with such a subject of criminal law relations as a woman, the theoretical and historical aspect of their crimes, and the reasons for the growth of female crime. The authors discuss this topic relying on the opinions of different authors, historians, and jurists. The purpose of the article is to consider the main aspects related to the concept of a special subject of the crime. Various points of view concerning the definition of the concept of a special subject of a crime and the signs characterizing the special subject of a crime are analysed. The authors also examine the features of a woman as a special subject of a crime on a Special Part of the Criminal Code of Russia.

Key words: special subject, criminal liability, signs of the subject, criminology, antisocial behaviour.

Актуальность и проблемы. Обозначая проблематику предлагаемой статьи, согласимся с высказыванием И. И. Карпеца, что «преступность — это плата за неэффективную экономическую и социальную политику, за пренебрежение к снижению уровня культуры, образованности, воспитанности людей, за безразличие к человеческой личности, ее правам и интересам, за политику попустительства в отношении нравственного разложения людей» [1]. Государство, его органы, являясь основным субъек-

ектом предупреждения преступности, сталкиваются с многочисленным комплексом проблем при осуществлении этой деятельности [2].

Статистика. Важно рассмотреть криминальную статистику за 2017–2018 гг. женщин-преступниц, которая выглядит следующим образом: в возрасте от 14 до 17 лет лицами женского пола было совершено порядка 3% от общего числа преступлений; в возрасте от 18 до 24 лет — 12%; в возрасте от 25 до 29 лет — 16%; в возрасте от 30 до 49 лет — 55%, в возрасте старше 50 лет — 14% [3].

Мнение авторов. Также в теории уголовного права существует понятие не только общего субъекта преступления, но и так называемого специального субъекта. Этот субъект преступления, кроме признаков, характеризующих его как физическое, вменяемое и достигшее определенного возраста человека, характеризуется также дополнительными признаками, предусмотренными Особенной частью УК РФ [4, 5]. Эти признаки могут быть классифицированы следующим образом (рис. 1):

Классификация признаков специальных субъектов Особенной части

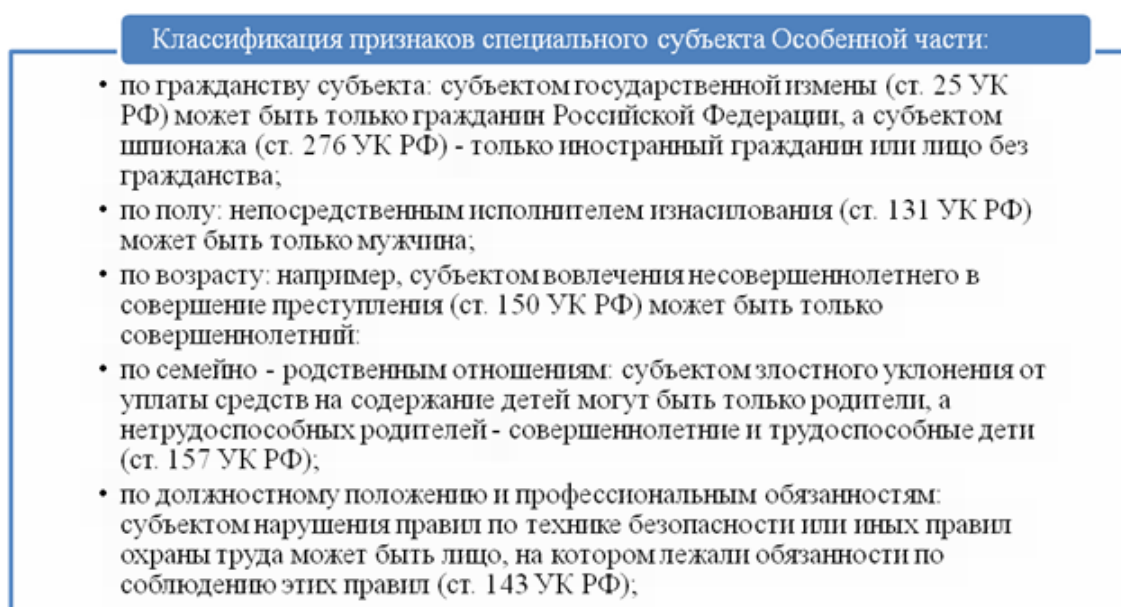

Рисунок 1

Сегодня существует большая потребность в изучении преступности среди женщин, а именно необходимо анализировать, какие источни-

ки подпитывают этот вид преступности в целом, каковы причины преступного поведения женщин и почему они допускают такие действия. Асоциальные действия женщин оказывают самое разрушающее воздействие на подрастающее поколение: понятно, что те, кто ворует, постоянно пьют и т. д., не могут обеспечить надлежащее воспитание своих детей. Таким образом, установлена тесная связь между женской преступностью и преступностью несовершеннолетних [5].

Женская преступность как самостоятельная проблема стала развиваться в особенности в последние годы. Развитие исследования проблемы женской преступности определяется не только логикой развития криминологии, но и потребностями общественной практики, особенно масштабами и опасными последствиями антиобщественных действий женщин.

Женская преступность имеет ряд особенностей, поскольку женщины обладают рядом отличительных психологических особенностей, в том числе связанных с их физиологическими особенностями. Такие характеристики не могут оказывать заметного влияния на их действия, характер реакций на возникающие ситуации, на условия жизни. Зависть, ревность, месть, жадность — этот стандартный набор мотиваций в женском аспекте имеет свои специфические пристрастия [2].

Преступления женщин отличаются от преступлений мужчин своим масштабом, характером преступлений, их последствиями, масштабом, в котором они совершаются, ролью, которую играют в этом женщины, выбором жертвы преступного посягательства, воздействием на их преступления, связанные с бытовыми и смежными обстоятельствами. Исследуя структуру женской преступности, следует отметить, что наиболее распространенными преступлениями женщин являются кражи личного, государственного и общественного имущества, кражи из-за злоупотребления доверием на железнодорожном транспорте и в квартирах, взятничестве, злоупотреблении служебным положением, мошенничестве, насильственных и корыстных насильственных преступлений. Типичным преступлением для женщин является убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ), и, в отличие от других видов убийства, лишение

жизни новорожденного имеет значительное распространение в сельских районах. Как правило, такие действия совершают молодые женщины, которые еще слабо адаптированы, то есть у них нет ни семьи, ни достаточной материальной поддержки, ни собственного дома [4].

Существует еще одна категория женщин-преступников, известная уже давно и во всем мире, но в большинстве стран соответствующее уголовное наказание не предусмотрено. Мы говорим об насильственных действиях сексуального характера. Данное преступное деяние отражается в ст. 132 УК РФ, где виновные наказываются лишением свободы на срок от трех до шести лет, независимо от гендерных различий.

Можно выделить следующие явления и процессы, которые влияют на рост женской преступности (рис. 2):

Причины роста женской преступности

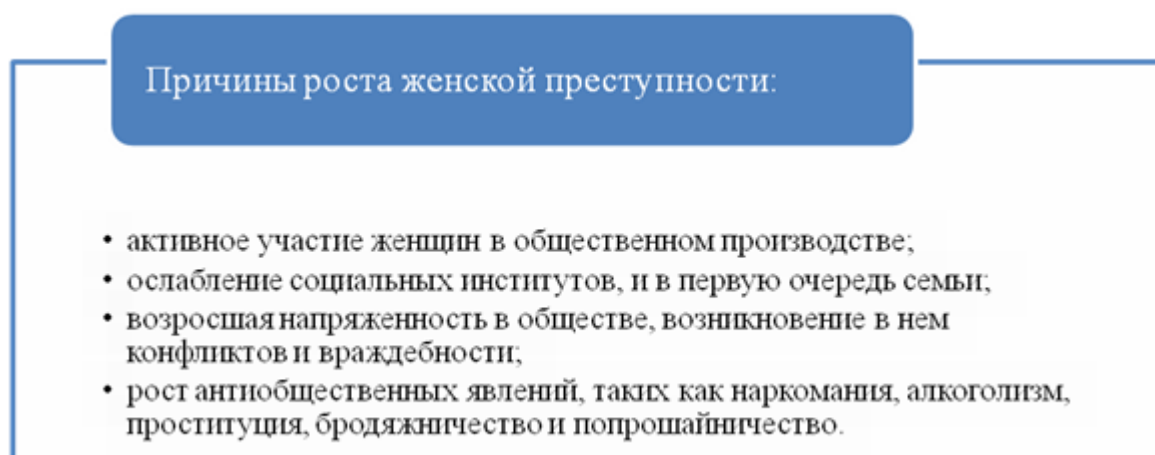

Рисунок 2

Решение проблем. Многие описанные причины существования женской тесно переплетаются между собой, и данная криминальная тенденция постепенно развивается посредством социальных, экономических, культурных изменений [5].

Для решения данной ситуации можно предложить ввести в штат органов внутренних дел новые должности, такие как семейный инспектор или психолог по работе с гражданами. Правильнее будет подбирать на эти должности женский пол, так как не всегда женщина может до-

верить какие-то проблемы мужчине, в особенности если преступное поведение женщины являлось следствием отношения мужчины к ней. Это поможет продуктивнее организовать работу правоохранительных органов.

Также к решению проблем женской преступности нужно разработать специальные региональные программы по предупреждению проявлений противоправного поведения. В частности, программы регионов по данной категории не содержат конкретных мер по профилактике проявления преступлений, и ответственные органы также ко всему не указаны в программе. Для решения этой проблемы, на наш взгляд, необходимо заложить данный вид расходов в федеральный бюджет Российской Федерации, разработать план привлечения спонсорства.

Заключение. Преступное поведение женщин показывает импульсивность, они более чувствительны и менее логичны, чем мужчины. Личность преступников имеет ряд отличительных особенностей — демографических, нравственных, уголовно-правовых, психологических. В связи с изменением социального положения женщины имеют все шансы быть готовыми к совершению преступлений, связанных с государственным имуществом, сокрытием последствий преступных деяний, продажей похищенного имущества.

Усредненный портрет совершивших преступление женщин, сформированный на основании анализа элементов структуры личности преступниц, — женщина в возрасте 30-49 лет, без определенного места жительства и постоянного источника дохода, не состоящая в браке, имеющая неполным средним образованием, обладающая импульсивностью и эмоциональностью, совершающая преступления корыстно.

Список литературы

1. Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М.: Российское право, 1992. 432 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25.

3. Преступность в регионах // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total.

4. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка: учеб. пособие / Н. А. Лопашенко, А. В. Шульга [и др.]. М., 2017. Сер. 69. Бакалавр и магистр. Модуль. (1-е изд.) С. 22, 56.

5. Хабибулин Р. Г., Денисюк Д. А. Девиантное поведение в женской среде // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2015. Т. 9. №. 5-2. С. 51–56.

6. Алексеева Е. С., Казачек Е. Ю. Женская преступность в России // Проблемы квалификации и расследования преступлений: сборник научных трудов / под науч. ред. В. А. Авдеева. Хабаровск, 2017. С. 104–111.

УДК/UDC 612.11

Кровь как жизнь: философские и медицинские аспекты

Ембулаева Людмила Сергеевна

кандидат философских наук, доцент ВАК, профессор кафедры философии

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: nembulaeva@mail.ru

Кожухаренко Оксана Романовна

студентка факультета ветеринарной медицины

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

Нийонгабо Эрменежилд

студент факультета ветеринарной медицины

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

Панкратова Алина Андреевна

студентка факультета ветеринарной медицины

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: pankratova.lina@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается феномен крови через призму медицины, физиологии, философии и культуры. Дается определение крови с медицинской, физиологической точки зрения. Исследовано понимание крови исходя из религиозных, философских, культурологических начал. Анализируется структура и функции крови, социокультурный смысл крови в различных исторических пластах и традициях, в том числе в мифологии и религии. Определено значение крови в политической сфере, а именно для легализации и легитимации власти, передачи государственной власти по наследству в монархических государствах. Исследован вопрос о значении крови в различных религиях: иудаизме, христианстве, буддизме, исламе. Сделан вывод о необходимости рассмотрения и изучения крови не только в медицинском аспекте, но

и во взаимосвязи с философским и культурологическим ее пониманием.

Ключевые слова: кровь, душа, жизнь, смерть, религия, культура, жидкость жизни, телесность, здоровье, болезнь.

Blood as Life: Philosophical and Medical Aspects

Yembulayeva Lyudmila Sergeevna

Candidate of Philosophy, VAK assistant professor, professor of the Department of Philosophy

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: nembulaeva@mail.ru

Kozukharenko Oksana Romanovna

student of the Faculty of Veterinary Medicine

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

Niyongabo, Herménégilde

student of the Faculty of Veterinary Medicine

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

Pankratova Alina Andreyevna

student of the Faculty of Veterinary Medicine

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: pancratova.lina@yandex.ru

Abstract

The article discusses the phenomenon of blood through the prism of medicine, physiology, philosophy and culture. The definition of blood from a medical, physiological point of view is given. Investigated the understanding of blood on the basis of religious, philosophical, cultural principles. The structure and functions of blood, the sociocultural meaning of blood in various historical strata and traditions, including mythology and religion, are analyzed. The importance of blood in the political sphere, namely for the legalization and legitimation of power, the inheritance of state power in monarchist states has been determined. The question of the value of blood in various religions: Judaism,

Christianity, Buddhism, Islam. It is concluded that it is necessary to consider and study blood not only in the medical aspect, but also in conjunction with its philosophical and cultural understanding.

Key words: blood, soul, life, death, religion, culture, fluid of life, physicality, health, illness.

Интерес к крови, которая понимается как жизнь и душа, был всегда. Ее осмысливали с древности и философы, и медики, и культурологи, подходя к ней как к символу, как к ткани, только жидкой, как к этической категории.

Кровь и сегодня считается символом родства, единства и связи людей, а также основанием для отличий друг от друга. В то же время медики понимают кровь как особую жидкость, состоящую из плазмы и взвешенных в ней клеточных элементов: эритроцитов, лейкоцитов и тромбоцитов. Кровь циркулирует в кровеносной системе и переносит газы и другие растворенные вещества, стимулируя процессы метаболизма [1].

Из вышеперечисленного следует вывод, что кровь — это жидкость жизни. Изучение научно-медицинского потенциала крови, проникновение в философский смысл обрядов и традиций древности, религиозное отношение к феномену крови делает эту тему весьма актуальной. Тем более, что в наши дни особый интерес вызывают темы, реабилитирующие телесность человека, его здоровье и перспективы существования вообще [2].

Кровь, являясь универсальным индикатором человека, изучается, прежде всего, медиками и физиологами. Их интересует кровь человека здорового и больного, состав и строение, основные функции и группы крови. Кровь неоднородна, хоть нам так и не кажется. В ней 55% плазмы, содержащей воду, органические и неорганические минеральные и биологически активные вещества. Плазма содержит примерно сто белков.

Огромную роль в составе крови играют гормоны — «биологически активные сигнальные вещества, которые секретируют эндокринные

железы» [3], а также ферменты, синтезирующиеся в клетках и запускающие уникальные специфические биохимические реакции в организме. Исключительно важными компонентами крови являются глюкоза, отражающая углеводный обмен в организме, и неорганические вещества, растворенные в плазме, — это железо, кальций, натрий, магний, калий, хлор, фтор. Плазма включает в себя форменные элементы — эритроциты, лейкоциты и тромбоциты. Красные кровяные тельца (эритроциты) составляют 45% объема крови, в день у взрослого человека образуется вновь и разрушается 200 млрд эритроцитов.

0,5–1% объема крови составляют лейкоциты. Они защищают организм, убивая бактерии, вирусы, клетки, реагируя на любую патологию. За свертывание крови отвечают тромбоциты — особые пластинки, а за производство кровяных клеток — красный костный мозг. Таким образом, кровь объединяет организм и выполняет в нем важнейшие функции: регуляторную, защитную и транспортировочную. Плазма и форменные элементы обеспечивают организм кислородом, питательными веществами и выводит из него продукты жизнедеятельности. Защитная функция связана с лейкоцитами и особыми белками плазмы — иммуноглобулинами. К виду защитных реакций относится свертывание крови, сохраняющее в теле постоянный объем крови. Регуляторные функции крови выявляются в поддержании постоянной температуры тела, теплообмене и гомеостазе жидкостей. Исследуя кровь, ученые обнаружили разные ее свойства, что позволило установить четыре основные группы крови: О (I), А (II), В (III), В (IV). Важнейшее открытие законов склеивания эритроцитов одного человека сывороткой другого и характеристику разных свойств крови сделали венский бактериолог К. Ландштейнер (1901) и польский врач Я. Янский (1907). Это открытие дало жизнь такому методу оздоровления и спасения жизни организма как переливание.

В результате многочисленных экспериментов были разработаны правила переливания крови на основе групповой принадлежности и учета резус-фактора, который говорит о патологическом разрушении эритроцитов. У 85% людей фиксируется положительный резус-фактор, то

есть в их организме присутствует белок, находящийся на поверхности эритроцитов. У остальных 15% людей данный белок отсутствует, следовательно, они имеют отрицательный резус-фактор. О чем говорит этот показатель? Что он определяет? На здоровье человека резус-фактор не оказывает влияния. Опасность резус-конфликта может возникнуть в ситуации с беременностью. Так, женщина с отрицательным резус-фактором, вынашивающая плод с положительным резус-фактором, подвергается огромному риску (возникает высокая вероятность выкидыша и развития аномалий плода).

Согласно философскому высказыванию Горация: «Час увлекает за собой день» [4] — с каждым годом человечество продвигается вперед. В 2012 году ученые открыли V и VI группы крови под названиями «Джунниор» и «Ленджерис» соответственно. Компонентами новых групп крови стали противоопухолевые белки. Первыми обладателями данных групп крови стали японцы. Связано это с тем, что вследствие трагедии в Хиросиме и Нагасаки, большая часть населения была подвержена радиационному облучению. Современная медицина продвинулась так далеко, что стало возможно по группе крови персонально для каждого человека определить предрасположенность к тем или иным заболеваниям, охарактеризовать состояние иммунной системы и скорости усвоения питательных веществ организмом.

Большой интерес трансфузиологов в ноябре 2018 года вызвало открытие канадских ученых из университета города Виктория: они обнаружили активный фермент, расщепляющий ацетилгалактозамины на поверхности эритроцитов с получением «универсальной» нулевой группы крови [5].

Дополняют образ крови работы философов, культурологов и богословов. В древних источниках кровь — это синоним души. Кровь богов нередко использовалась для создания людей. Такой пример находим в шумерской культуре («Поэма об Астрахасисе»). В древнегреческой мифологии символом единства дыхания и души стала Психея. Пифагор указывал на то, что Психея — душа питается кровью, являющейся «се-

далищем души» [6].

Кровавые жертвоприношения, каннибализм, существовавшие в древности, тесно сплетены с понятием силы жизни и души. Посредством потребления крови человек овладевал силой богов, обретая власть. В древних обществах существовали экзоканнибализм и эндоканнибализм, жертвами которого становились члены одного племени, нередко тотемные животные этого племени. Когда древние люди съедали бога или тотемное (божественное) животное, это означало приобретение ими священной силы. Существовал и обратный процесс: созданные людьми боги требовали жертвенной крови. Так люди управляли богами. Например, в мифологии ацтеков находили описания зависимости людей от воли богов, особенно олицетворяющих силы природы. Эти боги требовали постоянных жертвоприношений, питающих кровью землю. В Карфагене были приняты детские жертвоприношения, там найдено кладбище с телами двадцати тысяч детей.

В культуре разных народов наблюдается различное отношение к образу крови. В древних племенах и в монархиях через кровь передавалась власть. Появилось понятие «голубой крови», которое было распространено в средневековой Европе. В Китае кровь являлась символом клятвы, поэтому ею смазывали рот при заключении союза. Сегодня в некоторых азиатских странах набирает популярность практика Кэцуэки-гата, с помощью которой можно по группе крови узнать наклонности человека и даже встретить свою любовь. В Древней Греции существовал миф об Адонисе, говорящий о том, что кровь бога превращается в первый весенний цветок-анемон, являющийся символом пробуждения природы от зимнего сна. Известно, что греки давали стекать крови в могилы умерших для усиления их жизненных сил после смерти. В племена австралийцев считалось, что кровь наделена очищающими способностями и содержит небывалую силу, поэтому люди обмазывали ею тело для оздоровления и пропитывали ею землю для повышения плодородия. Древние майя приписывали крови целительные свойства и полагали, что кровь из пениса обладает магическими свойствами, делая человека неуязвимым.

В тоже время в ряде древних традиций кровь менструальная, считалась нечистой и рассматривалась как символ болезни и несчастья. Интересно то, что в Древней Руси кровь являлась средоточием и символом жизни. Такое толкование крови являлось основанием для обряда кровного братания-единения на духовном уровне двух воинов. С Русью же связана кровная месть или вендетта. Упоминание о данном явлении присутствует в Русской Правде (XI–XII вв.) [7], где, в частности, оговаривается, кто имеет право мстить за убийство родственника. Сегодня находим такую практику в странах Ближнего Востока и в культуре кавказских народов. Там человек воспринимается как часть кровного объединения, а понятие личной чести заменяется на честь всего родового союза. В чудодейственную силу крови люди верили. Именно феномен веры привел к формированию разных форм верований, которые по-разному понимают и по-разному интерпретируют кровь.

В древнейшей религии евреев, иудаизме, кровь является душой. Также Иешуа предлагает принять жизнь вечную, выпив его крови Нового Завета «за многих изливаемую во оставление грехов». В другой национальной религии, конфуцианстве, кровь — это густое физическое воплощение энергии ци, благодаря которой в организме происходит постоянное движение, позволяющее создавать баланс инь и ян. В христианстве пролитая кровь Христа обладает силой спасения и искупления человеческих грехов. «Кровь и вода», вылившиеся из раны, символизируют евхаристию и крещение. Ни в буддизме, ни в исламе нет точного определения крови. В исламе иногда она понимается как символ родства и отличия. В Коране существует понятие кровь-наджаса, то есть нечистая, запрещенная к употреблению и не только по этическим соображениям, но и из-за большой вероятности заражения. Зачастую в исламе можно встретить понятие хиджама — это лечение с помощью кровопускания, позволяющее обновить организм и избавиться от застоя кровотока.

Таким образом, философское и культурологическое понимание крови включает в себя осмысление крови как души, жизни и смерти, здоровья и нездоровья, единения и побратимства с божественными си-

лами природы, животными, растениями, людьми через военные союзы, тесную дружбу, обязательства взаимопомощи и венчальные ритуалы. Во всех этих практиках кровь понимается как великая река жизни со всеми ее загадками и тайнами. Кровь — это подвижное понятие, кровь — это процесс, дающий кому-то надежду, кому-то печаль и горечь разочарования. Развивающийся стремительно мир все больше будет нуждаться в крови и ее продуктах, без которых жизнь невозможна. Будут меняться и усложняться социокультурные последствия от результатов исследования и применения крови в медицинской практике. Человек живет надеждами и верит, что кровь, говоря словами И. Ф. Гете, есть совсем особый сок.

Список литературы

1. Большой медицинский словарь. М, 2000.
2. Кузин Н. В. Страдание и признание тела // Человек. 2013. № 3. С. 133–145.
3. Кириленко Е. Н. Модели медицины в поликультурном мире // Человек. 2011. № 3. С. 111–124.
4. Гораций. Собрание сочинений. СПб.: Студия биографика, 1993. 448 с.
5. Махиянова Е. Б. Анализ крови. Физиология и культурология // Человек. 2012. № 6. С. 154–171.
6. Лалаянц И. Универсальная группа крови. Кишечная палочка стала «суррогатной матерью» для выращивания первых ферментов // Независимая газета «Наука». 28.11.2018. С. 14.
7. Русская Правда // Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература. 1984. С. 27–80.

УДК/UDC 347.44

Организационный договор в российском гражданском праве

Жучкова Анастасия Максимовна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: zhuchkova.2010@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрен организационный договор по российскому гражданскому праву, дана характеристика актуальных теоретических концепций относительно договора, в соответствии с законом указаны отдельные соглашения, содержащие признаки организационного договора. Исследуется судебная практика и тенденция законодателя к признанию организационного договора. Указывается неоднозначный подход теоретиков к поставленной проблеме, выявлено, что на данный момент нет общепринятого четкого определения, мнения ученых разделяются; дискуссионным является вопрос о правовой природе организационного договора. Выявлено, что правоприменитель достаточно активно использует указанное понятие в судебных актах, а законодатель идет по пути включения в закон отдельных договоров, содержащих признаки организационного. Сделан вывод, что данный договор прочно закрепился в отечественной правовой действительности и необходимы дальнейшие исследования по проблеме.

Ключевые слова: организационный договор, организационные отношения, предварительный договор, опционный договор.

Organizational Contract in Russian Civil Law

Zhuchkova Anastasiya Maksimovna

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: zhuchkova.2010@mail.ru

Abstract

The article deals with the organizational agreement on Russian civil law, the characteristic of the current theoretical concepts regarding the contract, in accordance with the law, the individual agreements containing the features of the organizational contract are specified. The judicial practice and the trend of the legislator to the recognition of the organizational contract are investigated. The ambiguous approach of theorists to the problem is specified, it is revealed that at the moment there is no generally accepted clear definition, opinions of scientists are divided; the question of the legal nature of the organizational contract is debatable. It is revealed that the law enforcement agent actively uses the specified concept in judicial acts, and the legislator goes on the way of inclusion in the law of the separate contracts containing signs of organizational. It is concluded that this agreement is firmly entrenched in the domestic legal reality and further research on the problem is needed.

Key words: organizational contract, organizational relations, preliminary agreement, option agreement.

Организационные договоры, как показывает практика, имеют широкое применение в гражданских правоотношениях. В Гражданском кодексе Российской Федерации нет специальной нормы, посвященной организационному договору, однако отдельные статьи закона прямо предусматривают необходимость заключения подобного рода соглашения, например ст. 798 о договоре об организации перевозок. Гл. 55 Гражданского кодекса РФ посвящена договору простого товарищества, который также содержит признаки организационного договора [1]. Кроме того, в результате реформы гражданского законодательства, были введены такие соглашения как опционный договор и опцион на заключение договора, рамочный договор, корпоративный договор, которые, без сомнения, имеют организационное начало [2].

Дискуссии на теоретическом уровне о необходимости такого рода соглашения велись еще в цивилистике советского периода. Первым ученым-юристом, обратившим внимание на наличие конструкции организационного договора, был О. А. Красавчиков, признавший дифференциацию на организационные и имущественные начала в гражданских

правоотношениях [3].

В настоящее время ученые теоретики по большей части разделяют точку зрения о наличии организационного начала в гражданских правоотношениях и соответствующей конструкции договора, призванной регламентировать названные правоотношения. Среди современных ученых можно выделить Н. В. Васева [4], Е. А. Суханова [5].

Учитывая имеющиеся объемы теоретических научных трудов и сложившейся практики, можно охарактеризовать организационный договор. Как и любое соглашение, организационный договор имеет свою правовую цель, а именно: разработка условий для длительного, партнерского содействия контрагентов. Легального определения понятия закон не содержит. В теории современные ученые исходят из следующего: «... организационный договор можно определить как соглашение об организации длительных правовых связей в виде потока разнообразных деловых отношений, направленных на повышение эффективности соответствующего вида предпринимательской деятельности» [6].

Другое определение дает Е. Б. Подузова, посвятившая вопросу большое количество научных трудов: «... организационным является договор, по которому стороны обязуются заключить между собой в определенный срок основной договор (несколько основных договоров), некоторые условия которого содержатся в организационном договоре, и (или) совершить действия, способствующие заключению между теми же сторонами основного договора (нескольких основных договоров) [7].

Примечательно, что иностранные правовые порядки признали конструкцию организационного соглашения в своем законодательстве.

Исходя из анализа правовой действительности отечественного и иностранного правовых порядков, делаем вывод о самостоятельном значении организационного договора, которое проявляется в усилении организованности субъектов.

В связи с отношениями, регулируемым организационным договором, назревает вопрос о характере этих правоотношений, то есть порождает ли организационный договор организационное правоотношение? На

самом деле концепция организационного гражданско-правового отношения была выведена еще О. А. Красавчиковым [8], а такие ученые как С. Н. Братусь [9], Б. И. Пугинский [10] вывели признаки организационного правоотношения; суть последнего сводится к тому, что организационное правоотношение обслуживающее, является условием выработки другого правоотношения. Юридическое значение, а соответственно, и юридическую силу договора оно имеет, когда создает правовые последствия, права и обязанности. Решение вопроса о регулировании договора зависит от конкретных обстоятельств, в том числе от законодательного закрепления такого договора, например, предварительный договор [11].

Как правило, к организационным договорам относят предварительный договор, рамочный, договор на проведение торгов, соглашение о процедуре переговоров. Исходя из определения организационного договора и учитывая, что согласно последнему создаются длительные правоотношения, то признаками, характеристиками такого соглашения являются стороны и условия о предмете, сроках, правах и обязанностях.

Судебная практика неоднозначна в вопросе квалификации договора как организационного, но, тем не менее идет следом за доктриной, признавая их наличие. Во-первых, правоприменитель относит к организационному договору предварительный договор и договор простого товарищества [12]. Во-вторых, организационным считают договор об организации перевозки грузов [13]. В-третьих, организационными называют соглашения, устанавливающие порядок совершения и исполнения в будущем разовых агентских сделок [14]. Соглашение об организации взаиморасчетов рассматривается как организационное соглашение [15].

О внедрении в правовую действительность организационного договора свидетельствует и направленность изменений гражданского законодательства, речь идет о новелле Гражданского кодекса рамочном договоре, поскольку о последнем речь шла еще в Концепции развития гражданского законодательства [16].

Несмотря на обращение теории к поставленному вопросу и наличием организационного договора в практике судов, тема остается акту-

альной и спорной, существуют проблемы, требующие разрешения.

Так, не все ученые согласны с действующей принятой классификацией договоров на организационные и имущественные, подчеркивается, что это деление условно и размыто, поскольку оба названных выше договора порождают организационное отношение [17]. Спорным является вопрос о природе организационного договора, является ли он видом договора или договорной конструкцией. Большинство ученых сходится во мнении, что организационный договор является собой отдельный гражданско-правовой договор со своими существенными условиями, предметом, правами и обязанностями, механизмом защиты в случае нарушения, недействительность, то есть он рассматривается не иначе как составляющая системы гражданско-правовых договоров [18].

Если рассматривать организационный договор как конструкцию, речи не может быть о выделении предмета, существенных условий. Сторонники такой позиции считают, что «представляя собой искусственную категорию, объединяющую однотипные договоры, направленные на упорядочивание иных общественных отношений, организационные договоры не могут иметь предмет в том смысле, который мы вкладываем в предмет договора в традиционном смысле» [19].

Таким образом, организационный договор нашел свое место в научных дискуссиях цивилистов, суды достаточно активно оперируют этим понятием, действующее законодательство уже включает в себя отдельные договоры, договорные конструкции, содержащие признаки организационного соглашения. Остается еще немало вопросов, которые необходимо решать на теоретическом уровне, отслеживать практику применения в соответствующей сфере и, возможно, поставленная проблема найдет свое отражение в законе.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

2. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
3. Красавчиков О. А. Антология уральской цивилистики. 1925–1989: Сборник статей. М., 2001. С. 165.
4. Васева Н. В. Имущественные и организационные гражданско-правовые договоры // Гражданско-правовой договор и его функции: Межвуз. сб. научных трудов. Свердловск, 1980. С. 53.
5. Гражданское право: Обязательственное право: Учебник. В 4 т. / Отв.ред. Е. А. Суханов. Т.1. М.: ВолтерсКлувер, 2005. С. 40–42.
6. Сафонова Е. Ю. Место и роль организационных договоров в системе гражданско-правовых договоров // Юридическая наука. 2012. № 3. С. 50.
7. Подузова Е. Б. Организационный договор в современном гражданском праве и законодательстве // Гражданское право. 2013. № 3. С. 13.
8. Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Советское государство и право. 1966. № 10. С. 56.
9. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 91–92.
10. Пугинский Б. И. Коммерческое право России. М.: Юрайт, 2010. С. 312–320.
11. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 10.10.2011 по делу № А70-5494/2011. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.02.2014 № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договора незаключенным», п. 9 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
12. Новикова С. В. Функции задатка в предварительном договоре // Политический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 100. С. 1698–1715.
13. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 30 ноября 2010 г. по делу № А43-8233 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
14. Постановление ФАС Уральского округа от 2 декабря 2009 г. № Ф09-9813/09 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
15. Постановление ФАС Уральского округа от 24 апреля 2001г. по делу № Ф09-604/01-ГК // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
16. «Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
17. Кирсанов К. А. Гражданско-правовое регулирование организационных отношений: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 189 с.

18. Подузова Е. Б. Организационный договор и его виды: дисс. . . . канд. юрид. наук. М., 2012. 237 с.

19. Ананьева А. А. Об организационных договорах, упорядочивающих отношения между перевозчиками смешанного сообщения // Право и бизнес: конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности: Сб. науч. трудов конференции. 2015. С. 728–735.

УДК/UDC 343.34

Особенности квалификации преступлений связанных с возбуждением ненависти либо вражды, а также унижением человеческого достоинства

Заболотнов Александр Алексеевич

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: madrid201214@yandex.ru

Медведев Сергей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: medvedewss@mail.ru

SPIN-код: 6447-6169

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с квалификацией преступлений, относящихся к возбуждению ненависти либо вражды, а также унижению человеческого достоинства, путем анализа современного законодательства и норм уголовного права. Авторы анализируют важность фрагментарной декриминализации статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также правовой потребности в назначении административной ответственности за противоправные деяния лицу, ранее не привлеченному к ответственности за аналогичное правонарушение. Авторы разбирают и дискуссионный вопрос о добавлении преюдиции в иные статьи главы 29 Уголовного кодекса Российской Федерации (преступления против основ конституционного строя и безопасности государства), в частности в статью 280. В заключение авторы подводят краткий итог проделанной работы по рассмотрению актуальных вопросов особенности квалификации преступлений, связанных с возбуждением ненависти либо вражды, а также унижением человеческого достоинства.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, ненависть, вражда, человеческое достоинство, преступления экстремистской направленности.

Features of Qualification of the Crimes Connected With Arousing Hatred or Hostility, and Abasement of Human Dignity

Zabolotnov Aleksandr Alekseyevich

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: madrid201214@yandex.ru

Medvedev Sergey Sergeyeovich

Candidate of Law, assistant professor of the Department of Criminal Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: medvedewss@mail.ru

SPIN Code: 6447-6169

Abstract

In the present article the authors consider the topical issues connected with qualification of the crimes relating to arousing hatred or hostility, and abasement of human dignity by the analysis of the modern legislation and norms of criminal law. The authors analyse the importance of fragmentary decriminalization of Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation and also legal requirement in purpose of administrative responsibility for illegal acts by the person who was earlier not made responsible for similar offense. The authors also discuss a debatable question of addition of pre-judiction in other articles of Chapter 29 of the Criminal Code of the Russian Federation (crimes against bases of the constitutional system and safety of the state), in particular in Article 280. In conclusion, the authors sum up the short result of the done work connected with consideration of topical issues of feature of qualification of the crimes connected with arousing hatred or hostility, and abasement of human dignity.

Key words: extremism, extremist activity, hatred, hostility, human dignity, crimes of extremist nature.

Конституция РФ в п. 2 ст. 29 указывает, что в Российской Федерации «не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду» [1]. До недавнего времени возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение человеческого достоинства рассматривались исключительно как деяния преступного характера и закреплялись в ст. 282 Уголовного кодекса РФ [2]. Впрочем, сегодня динамически развивающееся российское право предлагает нам комплексный подход к квалификации преступлений, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие недопущение экстремистской деятельности.

В первую очередь, речь идет о принятии 27 декабря 2018 г. Федерального закона № 521-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [3]. Законодатель ввел в КоАП РФ статью 20.3.1 [4], в которой отражена диспозиция ст. 282 УК РФ и которая предусматривает административную ответственность лицам, имевшим целью возбудить ненависть или вражду, так же как и унижить достоинство человека, если данное деяние совершенно впервые.

Для более детального исследования необходимо понимать, что является основным объектом ст. 282 УК РФ и ст. 20.3.1 КоАП РФ. Прежде всего объектом выступают общественные отношения в сфере обеспечения конституционных основ гарантированности национальных, расовых и религиозных интересов. Это подтверждает описанная нами ранее ст. 29 Конституции РФ.

Объективная сторона данного преступления заключается в действиях субъекта направленных на возбуждение ненависти и вражды, а также унижения достоинства человека путем социальной, расовой, национальной или религиозной розни.

Субъект данного преступления реализует объективную сторону через публичное распространения экстремистских материалов с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. Под экстремистскими материалами ФЗ «О противодействии экстремистской деятель-

ности» понимает предназначенные для обнародования документы либо информацию на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности и направленные на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы [5].

Следовательно, любой человек, пересылающий публикацию сообщения (записи) с экстремистскими материалами, размещенную другим пользователем в социальной сети, блоге, а также комментирующий ее путем выражения своего мнения относительно позиции автора публикации, должен понести уголовное наказание? Конечно же нет. Однако судебная практика показывает крайне низкий показатель оправдательных приговоров по ст. 282 УК РФ. Так стоит ли считать людей, зачастую не отдающих отчет в содержании публично пересылающей ими информации, отчасти ввиду юридической безграмотности, экстремистами и уж тем более преступниками?

Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 20.09.2018 № 32 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», дает четкий ответ на данный вопрос. Так, общественно опасное деяние может быть квалифицировано по ст. 282 УК РФ только в случаях, когда установлено, что лицо, разместившее такой материал, осознавало направленность деяния на нарушение основ конституционного строя, а также имело цель возбудить ненависть или вражду либо унижить достоинство человека [6]. При всем этом лица, дважды за один календарный год уличенные в действиях, подпадающих под состав ст. 282 ст. УК РФ, и единожды привлеченные к административной ответственности по ст. 20.3.1 КоАП РФ, будут нести уголовное наказание.

На наш взгляд, частично декриминализировать одну лишь ст. 282 УК РФ недостаточно. Фактически современное уголовное право России допускает очевидную конкуренцию составов преступления ст. ст. 280 и 282. А это может вести к тому, что правоприменители в своей деятельности

будут всячески избегать административной ответственности, квалифицируя деяния по ст. 280 УК РФ с целью повышения статистики и раскрываемости уголовных дел. Поэтому считаем нужным, аналогично ст. 282, добавить в ст. 280 УК РФ поправки, которые ввели бы механизм административной преюдиции. Данное нововведение поможет не только изъять описанный ранее пробел в законе, но и избежать многим лицам и без того массовой стигмы — преступник.

Таким образом, дополнив КоАП РФ статьей 20.3.1, законодатель частично декриминализировал ст. 282 УК РФ, тем самым снизив и без того высокую нагрузку на уголовно-исполнительную систему Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) / Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 27.12.2018 № 521-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8447.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. № 256. 31.12.2001.
5. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // Российская газета. № 138–139. 30.07.2002.
6. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.09.2018 № 32 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 11. Ноябрь, 2018.

УДК/UDC 343.25

Смертная казнь в России: аргументы за и против

Заболоцкий Фёдор Павлович

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: fernando-2010@mail.ru

Медведев Сергей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: medvedewss@mail.ru

SPIN-код: 6447-6169

Аннотация

Ввиду роста уровня преступности в современной России особенно остро стоит вопрос об отмене моратория смертной казни. Смертная казнь устанавливается в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. Юридическое закрепление моратория на смертную казнь следует считать с момента принятия Конституционным судом постановления № 3-П, в котором запрещалось применять смертную казнь до появления на всей территории России судов с участием присяжных заседателей. Авторы отмечают экономическую и социальную необходимость во введении смертной казни как меры наказания, а также в расширении спектра статей уголовного законодательства, предусматривающих санкцию в виде смертной казни.

Ключевые слова: смертная казнь, мораторий, наказание, Совет Европы, право на жизнь.

Mortal Penalty in Russia: Arguments for and Against

Zabolotskiy Fedor Pavlovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: fernando-2010@mail.ru

Medvedev Sergey Sergeevich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Criminal Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: medvedewss@mail.ru
SPIN Code: 6447-6169

Abstract

In view of the rising crime rate, the question of the abolition of the death penalty moratorium is particularly acute in modern Russia. The death penalty is established as an exceptional measure of punishment for especially grave crimes against life when the accused person is granted the right to a jury trial of his case. The legal establishment of a moratorium on the death penalty should be considered from the moment when the Constitutional Court adopted Resolution No. 3-P, which prohibited the use of the death penalty until jury trials took place throughout Russia. The authors note the economic and social need for the introduction of the death penalty as a measure of punishment and for expanding the range of articles of criminal law, providing for the death penalty.

Key words: death penalty, moratorium, punishment, Council of Europe, right to life.

Ст. 20 Конституции РФ включает в себя такой вид наказания, как смертная казнь, которая устанавливается в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей [1].

Таким образом, сегодня в России существует такой вид наказания, как смертная казнь, однако на нее наложен мораторий. При этом она имеет законодательное закрепление не только в Конституции РФ, но и

в УК РФ [2], УПК РФ [3] и УИК РФ [4].

Так, согласно ст. 59 УК РФ смертная казнь представляет собой исключительную меру наказания, которая может устанавливаться только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь.

В других же статьях она прописывается как санкция за преступления:

- ст. 105 ч. 2 — квалифицированное убийство;
- ст. 277 — посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля;
- ст. 295 — посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование;
- ст. 317 — посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа;
- ст. 357 — геноцид.

Но ввиду наложения моратория на смертную казнь данные санкции не применяются.

Сам процесс наложения моратория начался 28 февраля 1996 г., когда Россия вошла в Совет Европы, следовательно, обязалась подписать и ратифицировать Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, отменяющие смертную казнь. В итоге президент РФ 16 мая 1996 г. издал указ «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» [5]. Стоит отметить, что по некоторым данным 2 августа 1996 г. последний раз применили смертную казнь в отношении насильника и убийцы мальчиков на территории Московской области — Сергея Головкина. Однако по другим сообщениям, последняя смертная казнь в России была осуществлена 2 сентября 1996 г. [6]

16 апреля 1997 г. был подписан протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которому «смертная казнь отменяется, и никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен, государство в свою очередь может предусмотреть в своем законодательстве смертную казнь за действия, совершенные во время войны

или при неизбежной угрозе войны» [7]. Россия должна была ратифицировать данный протокол до мая 1999 г., но так и не сделала этого. Однако по международным правилам после подписания договора страна должна вести себя так, как в случае его ратификации, и в итоге на смертную казнь в России наложен мораторий с 16 апреля 1997 г. [8, с. 50].

Таким образом, в 1997 г. смертные приговоры перестали осуществляться, хотя продолжались выноситься. Данный аспект обуславливался тем, что законодательная процедура, в соответствии со ст. 184 УИК РФ, закрепляла факт рассмотрения приговоров Президентом РФ, что им не осуществлялось во исполнение подписанных международных актов. И в итоге такие приговоры не исполнялись.

На наш взгляд, юридическое закрепление моратория на смертную казнь следует считать с момента принятия Конституционным судом постановления № 3-П, в котором запрещалось применять смертную казнь до появления на всей территории России судов с участием присяжных заседателей. Но этого сразу не было сделано в связи с тем, что присяжный суд в данное время отсутствовал в Чеченской Республике [9].

Но впоследствии Конституционный суд разъяснил, что в результате длительного моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого — с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя РФ, — происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни [10].

Возникает вопрос: если наложен мораторий, а не полная отмена смертной казни, то есть возможность возвращения данного вида наказания? До сих пор не утихают дискуссии об отмене моратория на смертную казнь и о ее плюсах и минусах. Так, к аргументам против возвращения смертной казни относят:

- 1) невозможность реабилитации (судебные ошибки);
- 2) не ведет к исправлению, так как подлинное назначение наказа-

- ния — это стремление к тому, чтобы преступник исправился;
- 3) существование палачей — подразумевают, что нужно будет создать отдельный институт, который нужно будет финансировать, и эти же палачи будут мало чем отличаться от убийц;
 - 4) не всегда будет являться сдерживающим фактором, то есть преступник, зная, что его ждет смертная казнь, продолжит, например, убивать;
 - 5) порождение жестокости в обществе, так это будет тоже убийство, но только узаконенное.

Что касается аргументов, которые высказываются за смертную казнь, то к ним относятся:

- 1) справедливое наказание;
- 2) фактор сдерживания;
- 3) экономическая несправедливость пожизненного заключения.

Со своей стороны, мы поддерживаем идею отмены моратория на смертную казнь. Видна необходимость в том, чтобы данная санкция применялась не только в вышеперечисленных статьях, но и была включена в другие статьи Уголовного кодекса РФ, в первую очередь — в некоторые статьи, посвященные преступлениям:

- против жизни и здоровья (гл. 16 УК РФ);
- половой неприкосновенности и половой свободы личности (гл. 18 УК РФ);
- общественной безопасности и общественного порядка (гл. 24 УК РФ);
- здоровья населения и общественной нравственности (гл. 25 УК РФ);
- государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30 УК РФ).

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с изм. от 21.07.2014) // Российская газета. 25.12.1993; Собрание

законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

5. О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы: Указ Президента Российской Федерации от 16.05.1996 № 724 // Российская газета. 1996. № 94.

6. Десятые Всероссийские Державинские чтения (Москва, 12–13 декабря, 2014 года): сб. ст. В 7 кн. Кн. 5: Проблемы уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и уголовного права, криминалистики и криминологии / отв. ред. Н. Г. Иванов, И. А. Попов, С. А. Борсученко; РПА Минюста России. М. : РПА Минюста России, 2015. 360 с.

7. Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни ETS № 114 (Страсбург, 28 апреля 1983 г.) (с изменениями и дополнениями) // Справочно-правовая система «Гарант».

8. Досюкова Т. В. К вопросу смертной казни как виде уголовного наказания // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: юридические науки. 2017. № 4 (13). С. 49–53.

УДК/UDC 343

Административная преюдиция в уголовном праве

Иванченко Иван Николаевич

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: ivanchenkobob1999@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается административная преюдиция как специфическая юридическая конструкция. Затрагиваются положительные и отрицательные стороны административной преюдиции. Приводятся исторические, научные и политические основания введения данной конструкции в УК РФ. Указываются различные мнения ученых по поводу административной преюдиции. Выделяются некоторые практические и теоретические проблемы рассматриваемой конструкции. Приводится соотношение некоторых составляющих административной преюдиции с принципами уголовного права. Помимо этого, выделяется значимость личности преступника в преступлениях с преюдицией, подчеркивается ее эффективность в борьбе с преступностью. Соотносится производство административного и уголовного процесса по делам с административной преюдицией. Приводится опыт зарубежных стран в сфере уголовного и административного регулирования, связанного с преюдициальностью. Также выделяются некоторые факторы, которые требуют внимания при решении вопроса о введении или исключении административной преюдиции в УК РФ.

Ключевые слова: преюдиция, уголовное законодательство, административное правонарушение, уголовное преступление, личность преступника, неоднократность.

Administrative Prejudice in Criminal Law

Ivanchenko Ivan Nikolayevich

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: ivanchenkobob1999@mail.ru

Abstract

The article deals with the administrative prejudice as a specific legal structure. The positive and negative aspects of administrative prejudice are touched upon. Historical, scientific, and political reasons for the introduction of this design in the criminal code are given. Different opinions of scientists on administrative prejudice are indicated. Some practical and theoretical problems of the considered design are highlighted. The correlation of some components of administrative prejudice with the principles of criminal law is given. In addition, the importance of the offender in crimes with prejudice is highlighted, its effectiveness in the fight against crime is emphasized. The relationship between the production of administrative and criminal proceedings against administrative collateral estoppel. The experience of foreign countries in the field of criminal and administrative regulation associated with prejudice is given. Also, there are some factors that require attention when deciding on the introduction or exclusion of administrative prejudice in the criminal code.

Key words: prejudice, criminal law, administrative offense, criminal offense, criminal personality, repeatability.

Институт преюдиции используется российским законодателем во многих отраслях права. Административная преюдиция в уголовном праве содержит ряд спорных правовых вопросов, а также является одной из самых актуальных проблем в уголовном праве.

УК РСФСР 1922 г. впервые для отечественной истории права включил в себя такой институт, как преюдиция. В ч. 1 ст. 79 данного закона было предусмотрено наказание за административное правонарушение. Но более выразительный признак преюдициальности можно выделить в ч. 2 ст. 79 указанного закона: в данной норме значилось уголовное наказание за совершенное ранее тождественное административное правонарушение [1].

Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета Народных Комиссаров РСФСР от 15 декабря 1924 г. «Об изменении статьи 139-а УК Р. С. Ф. С. Р.» вносил изменения в указанную статью и предписывал уголовное наказание за повторное однородное административное правонарушение [2].

В УК РСФСР 1926 г. [3] и 1960 г. институт административной преюдиции получил распространение, расширился новыми формулировками, содержащимися в уголовно-правовых нормах. Таким образом, в УК 1960 г. в ред. 30.07.1996 г. выделяется множество статей, устанавливающих преюдициальные нормы. Из них можно выделить ст. 162-4 (незаконное предпринимательство), ст. 166 (незаконная охота), ст. 197-1 (нарушение иностранными гражданами и лицами без гражданства правил пребывания в СССР и транзитного проезда через территорию СССР) и др. [4]

Административная преюдиция в уголовном праве остается одним из самых сложных и дискуссионных вопросов среди правоведов. Существует огромное количество точек зрения как «за», так и «против» закрепления и укоренения данного института в УК РФ 1996 г. [5]

В ряде статей уголовного закона (ст. ст. 151.1, 154, 180 УК РФ) административная преюдиция завуалирована под понятием неоднократности. В перечисленных выше статьях уголовной ответственности подлежат лица, совершившие ряд тождественных административных правонарушений повторно (неоднократно).

В теории уголовного права существует позиция, согласно которой институт административной преюдиции является фактором повышающим репрессивность и жесткость уголовного закона [6]. Стоит дополнить, что как в уголовной доктрине, так и в уголовном законе не имеется единообразного определения административной преюдиции. Это свидетельствует о том, что данный институт является неисследованным и нуждается в более детальном и подробном изучении.

Нормы, содержащие административную преюдицию в УК РФ, вызывают споры и разногласия среди авторов. Подкрепляют они свое мнение размягчением границ между уголовным преступлением и административным правонарушением. Как считает ряд отечественных ученых, «признание некоторых проступков преступными в силу повторности противоречит принципу уголовного права, согласно которому преступлением считается только общественно опасное деяние, которое само по себе содержит все признаки состава, независимо от иных обстоятельств, в

частности, от того, было ли лицо подвергнуто мерам административного характера за совершенный ранее проступок» [7].

Это происходит из-за того, что административные правонарушения не содержат признаков состава преступления. Границей, отделяющей правонарушение от преступления, выступает наложение административного взыскания. Но, так или иначе, невозможно изменить тот факт, что административное правонарушение никогда не будет иметь признаков состава преступления, как до совершения правонарушения, так и после. Также, в соответствии с мнением А. А. Юнусова, природа преступника заключается в его осознании собственного чувства безнаказанности, что негативно сказывается на его поведении в обществе. Таким образом, чувствуя «мягкость» со стороны законодателя, правонарушитель, начиная с малого, не остановится в своих противоправных действиях и в будущем и рано или поздно совершит преступление [6]. Учитывая данную точку зрения, мы считаем, что административная преюдиция имела бы положительную роль в предупреждении ряда повторных правонарушений. В случае введения преюдиции правонарушитель осознавал бы серьезность последствий, которые могут наступить за совершение административного правонарушения (уголовная ответственность, судимость), и в большинстве случаев воздерживался бы от такого противоправного поведения.

Следует затронуть значимый для института административной преюдиции фактор — личность преступника. В. П. Малков полагает, что преступник, совершая повторные правонарушения, демонстрирует свое бесстрашие перед наказанием, «бросает вызов» обществу и государству, что впоследствии приводит к формированию у виновного преступного пристрастия и профессионализма. Таким образом, лицо становится «заядлым», «неизлечимым» преступником [8]. А. Г. Безверхов считает, что преступник, игнорируя административную ответственность, не останавливается в совершении противоправных действий, причем совершает их он, как правило, в относительно небольшой временной период, что сигнализирует о злостности, наглости личности преступника [9].

Ссылаясь на опыт зарубежных стран, необходимо сказать, что большинство государств Европы не признают институт административной преюдиции, как таковой. Это объясняется тем, что в законодательстве этих государств отсутствует соприкосновение в регулировании уголовной и административной сферы. Другими словами, в значительной части Европы границы регулирования уголовных и административных правоотношений четко определены, что исключает применение такого института, как преюдиция.

Как было сказано ранее, институт административной преюдиции в некоторой степени не согласуется с принципами уголовного права. Не соответствует сущность административной преюдиции, в частности, ч. 2 ст. 6 УК РФ, в которой закреплено: «Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление». Необходимо отметить, что еще В. Д. Спасович говорил о необходимости упразднения преюдиции. Он обосновывал свое мнение тем, что указанный институт противоречит одному из важнейших принципов, в соответствии с которым никто не может быть наказываться за одно и то же преступление дважды [10].

Необходимо затронуть и принцип равенства граждан перед законом, т. к. административная преюдиция является предметом спора и в этой области. Административные правонарушения представляются высоколатентными деяниями. Стоит ли говорить, что львиная доля всех совершаемых правонарушений является латентной. Соответственно, правонарушения, за повторное совершение которых предусмотрена уже уголовная ответственность, являются еще более латентными [11]. Данные обстоятельства склоняют правоприменителей к выборочному применению преюдициальных норм уголовного права.

Рассматриваемая конструкция также имеет неоднозначные положения, относящиеся к принципу вины. Возложение административной ответственности имеет ряд отличий от возложения уголовной. По большей части это касается некоторых конституционных, процессуальных и иных гарантий, которые имеются при возложении уголовной ответствен-

ности, но отсутствуют при возложении административной ответственности. Производство по административным делам ведется, как правило, не доходя до суда, чаще всего органами, должностными лицами исполнительной власти. Следовательно, производство по таким делам будет иметь упрощенный, ускоренный характер, а значит неминуемо возрастет шанс проявления субъективного, а возможно и коррупционного фактора.

Отходя от негативных моментов, мы считаем необходимым выделить и положительные стороны рассматриваемого института, которые можно выделить, как основания для закрепления и укоренения административной преюдиции в УК РФ.

В п. 43 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 9 июня 2010 года № 690, отмечена эффективность и целесообразность введения преюдициальных норм в УК РФ [12].

Не стоит забывать, что, несмотря на противоречивость рассматриваемой конструкции, главной задачей уголовной политики является борьба с преступностью, а преюдиция является эффективным инструментом по предупреждению преступности [13]. Следовательно, необходимо укреплять и развивать исследуемую конструкцию. Введение административной преюдиции могло бы способствовать снижению уровня рецидива, более эффективному реагированию на совершаемые правонарушения, дифференциации уголовной и административной ответственности.

В заключение необходимо отметить, что на данный момент российское уголовное законодательство находится на стадии развития. Прежде чем отказываться от административной преюдиции или же согласиться с ее введением в УК РФ, необходимо достичь понимания многих процессов, в частности: политических, экономических, социальных, культурно-духовных, демографических и пр. Помимо этого, необходимо четкое осознание причин, свойств и особенностей реальной преступности, что возможно только в ходе практического применения норм, регулирующих уголовно-правовые отношения.

Список литературы

1. О введении в действие Уголовного Кодекса Р. С. Ф. С. Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р. С. Ф. С. Р.»): Постановление ВЦИК от 01.06.1922 // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
2. Об изменении статьи 139-а Уголовного Кодекса Р. С. Ф. С. Р.: Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 15.12.1924 // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 17. 21.01.1925.
3. О введении в действие Уголовного Кодекса Р. С. Ф. С. Р. редакции 1926 года (вместе с «Уголовным Кодексом Р. С. Ф. С. Р.»): Постановление ВЦИК от 22.11.1926 // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
4. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 497.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 19.02.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 47. Ст. 7141.
6. Юнусов А. А., Серкова Т. В. Административная преюдиция в российском уголовном праве // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1 (33). С. 278–282.
7. Шульга А. В., Кашапова Ю. Д. К вопросу об уголовной ответственности за побои // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 128. С. 1187–1197.
8. Малков В. П. Административная преюдиция: за и против // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 3 (23). С. 58–64.
9. Безверхов А. Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2011. № 2 (10). С. 39–52.
10. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Т. 1 Вып. 1. Спб., 1863. С. 295–296.
11. Шульга А. В. Имущество как предмет преступлений против собственности и его влияние на содержание объекта данных преступлений // Российский следователь. 2012. № 2. С. 30.
12. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 09.06.2010 N 690 // Российская газета. № 128, 15.06.2010.
13. Серкова Т. В. К вопросу об административной преюдиции в уголовном законодательстве России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. №1 (29). С. 315–317.

УДК/UDC 347

Проблемы правового регулирования внешнеторговых бартерных сделок

Исмаилов Шамиль Магомедович

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

Аннотация

Важным инструментом регулирования международной коммерческой деятельности, основанной на товарообмене, в настоящее время, является встречная торговля. Товарообменные сделки, центральное место в которых занимают внешнеторговые сделки, содействуют развитию экономического сотрудничества между странами, стабилизации и упорядочения международных расчетов. Встречная торговля позволяет увеличивать товарооборот и количество экспортных операций. В российском законодательстве сформулировано понятие внешнеторговая бартерная сделка. Однако указанное определение не раскрывает существенные признаки данной категории сделок. Отсутствует в законе и классификация внешнеторговых бартерных сделок. Как следствие, сложности в правовом регулировании указанных отношений не могут не оказать влияния на практику заключения и исполнения внешнеторговых бартерных контрактов.

Ключевые слова: международный договор, внешняя торговля, внешнеторговый бартерный контракт, международные коммерческие контракты, международная купля-продажа товаров.

Problems of Legal Regulation of Foreign Trade Barter Transactions

Ismailov Shamil Magomedovich

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

Abstract

An important tool for regulating international commercial activities based on barter is currently countertrade. Commodity exchange transactions, in which foreign trade deals occupy a central place, contribute to the development of economic cooperation between countries, the stabilization and streamlining of international payments. Countertrade allows you to increase trade and the number of export operations. In the Russian legislation the concept of a foreign trade barter deal is formulated. However, this definition does not reveal the essential features of this category of transactions. There is also no classification of foreign trade barter transactions in the law. As a result, difficulties in the legal regulation of these relations cannot but influence the practice of concluding and executing foreign trade barter contracts.

Key words: international agreement, foreign trade, foreign trade barter contract, international commercial contracts, international sale of goods.

Анализ российского законодательства позволяет сделать вывод об отсутствии системы в употреблении термина «внешнеторговая бартерная сделка». Как следствие, в российском праве нет четкого определения «внешнеторговая бартерная сделка», и поэтому следует совершенствовать понятийный аппарат по указанному вопросу.

Если следовать определению понятия «внешнеторговая деятельность», данному в законе «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» [1], в качестве обязательного признака внешнеторговой бартерной сделки следовало бы назвать различную государственную принадлежность сторон сделки. В то же время различная государственная принадлежность сторон как признак внешнеторговой сделки должен быть в российском законодательстве отражен более последовательно. Определения, имеющие место в законе, должны быть более четкими и недвусмысленно указывать на данный признак в том случае, если законодатель использует данный признак в качестве признака внешнеторговой сделки.

Наиболее точным признаком внешнеторговой бартерной сделки, на наш взгляд, является местонахождение коммерческих предприятий сто-

рон в различных странах. Однако признак «местонахождение коммерческих предприятий сторон в разных государствах» не отражен в российском законодательстве в качестве обязательного признака как внешне-торговой сделки в целом, так и внешнеторговой бартерной сделки. Указание на международные договоры Российской Федерации, в которых отражен признак «местонахождение коммерческих предприятий сторон в разных государствах», определяющий их сферу действия, с целью его признания квалифицирующим признаком внешне-торговой бартерной сделки, не всегда обоснованно. Помимо этого, ни Закон РФ «О международном коммерческом арбитраже» [2], ни примеры практики МКАС при ТПП РФ не дают оснований утверждать, что «местонахождение коммерческих предприятий сторон в разных государствах» является обязательным признаком внешне-торговой сделки [3].

Практическая реализация критерия «местонахождение коммерческих предприятий сторон в разных государствах» будет заключаться в том, что под коммерческим предприятием стороны следует понимать подразделение стороны. Как следствие, под местонахождением коммерческого предприятия следует понимать местонахождение подразделения. Место жительства лица будет основным критерием в том случае, если стороной внешне-торгового бартерного контракта является физическое лицо. По этой причине признак «местонахождение коммерческих предприятий сторон в разных государствах» не распространяется на юридических и физических лиц одновременно.

Большинство ученых обязательным критерием внешне-торговой сделки считают ее предпринимательский характер, однако определиться с вопросом, в чем заключается предпринимательский, коммерческий, торговый характер внешне-торговой сделки, они не могут [4]. В отечественной доктрине предпринимательский характер внешне-торговой бартерной сделки связывает с ее возмездностью, как обязательным признаком внешне-торговой сделки [5].

Признак возмездности в качестве обязательного признака внешне-торговой сделки, включая внешне-торговые бартерные сделки, в норма-

тивных актах не закреплен. Поскольку внешнеторговые бартерные сделки не могут быть односторонними, им присущ возмездный характер. В соответствии с российским законодательством возмездный характер присущ всем двусторонним предпринимательским сделкам. Таким образом, предпринимательский характер следует рассматривать в качестве обязательного признака внешнеторговой бартерной сделки.

Проблематичным является вопрос о возможности применения международных договоров, разработанных в сфере международной купли-продажи товаров, к внешнеторговым бартерным сделкам, в частности Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. [6]

Арбитры Международного коммерческого арбитража при Торгово-промышленной палате Российской Федерации неоднократно обращали внимание на корректность применения Венской конвенции к бартеру. По их мнению, Конвенция не акцентирует внимание на то, что цена должна быть выражена в денежном эквиваленте. Таким образом, каждая из сторон может быть признана и продавцом товара, который она обязуется передать, и покупателем товара, который она обязуется принять.

Полагаем, разработчики Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г., представители различных государств, создавая Конвенцию, видели ее конечной целью применение к отношениям, вытекающим из договора международной купли-продажи товаров. Таким образом, можно сделать вывод, что договор мены не может быть квалифицирован в качестве договора купли-продажи, подлежащий регулированию посредством Венской конвенции.

Следует отметить, что только в одном международном документе — Правовом руководстве по международным встречным торговым сделкам — закреплено понятие сделок по встречной торговле и дается их перечень [7]. Международные договоры, посвященные встречным торговым сделкам, включая внешнеторговые бартерные сделки, в настоящее время отсутствуют. Поэтому к отношениям, вытекающим из внешнеторговых бартерных сделок, в первую очередь применяются рекомендатель-

ные международные акты, которые были созданы в результате частно-правовой унификации, например, Принципы УНИДРУА [8].

Однако полный отказ от коллизионного права в современных условиях невозможен, так как создание государствами общих норм во всех сферах регулируемых отношений практически сложно реализовать [9]. По этой причине к внешнеторговым бартерным сделкам принцип наиболее тесной связи применяется как универсальная правовая конструкция. Данный принцип представляет собой общее начало в международном частном праве. Использование принципа тесной связи при разрешении спора в сфере внешней торговли, включая бартерные сделки, обеспечивает гибкость регулирования, позволяет привлечь во внимание конкретные обстоятельства. В этом случае судья обязан установить критерий тесной связи и применить материальные нормы правовой системы избранной в соответствии с данным критерием. Однако, не стоит преувеличивать значение принципа наиболее тесной связи в силу его некоторой абстрактности, непредсказуемости регулирования по причине свободы усмотрения суда.

Список литературы

1. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4850.
2. О международном коммерческом арбитраже: Закон РФ от 7.07.1993 г. № 5338-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1240.
3. Решение от 26.04.2006 г. по делу № 64/2005 // Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 2006 г. / Сост. М. Г. Розенберг. М., 2008. С. 151.
4. Мусин В. А. Международные торговые контракты. Л., 1986. С. 6.
5. Канашевский В. А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. М., 2008. С. 101.
6. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли - продажи товаров (заключена в г. Вене 11.04.1980) // Вестник ВАС РФ. 1994. № 1. С. 64–88.

7. Правовое руководство по международным встречным торговым сделкам (принято 12.05.1992 г.) // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. URL: <https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/sales/countertrade/countertrade-r.pdf> (дата обращения: 02.02.2019).

8. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИД-РУА) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

9. Глинщикова Т. В. Проблема квалификации в международном частном праве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 221–223.

УДК/UDC 34.096

Роль нотариуса в различных процедурах банкротства

Коротченко Алина Сергеевна

студентка магистратуры юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: ajanekor@gmail.com

Масленникова Людмила Владимировна

кандидат юридических наук, доцент

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные вопросы, которые касаются участия нотариусов в отношениях несостоятельности (банкротства). Анализируются положения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», регламентирующие полномочия нотариуса в различных процедурах банкротства. Определяется роль нотариуса, которая не сводится только к обеспечению защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения предусмотренных законодательством Российской Федерации нотариальных действий от имени государства, которые определяют порядок действий нотариусов при оказании помощи должнику в исполнении им некоторых обязательных действий. Рассматривается участие нотариуса при внесении сведений о банкротстве в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве. Анализируются отличительные черты рассмотрения дела о банкротстве гражданина в случае его смерти.

Ключевые слова: процедуры банкротства, несостоятельность, законодательство о банкротстве, нотариат, нотариус, законодательство о нотариате.

The Role of the Notary in Various Bankruptcy Procedures

Korotchenko Alina Sergeevna

student in the master's programme of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: ajanekor@gmail.com

Maslennikova Lyudmila Vladimirovna

Candidate of Law, assistant professor

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

Abstract

This article considers topical issues related to the participation of notaries in the relations of insolvency (bankruptcy). The provisions of the Federal Law On Insolvency (Bankruptcy) regulating the powers of a notary in various bankruptcy procedures are analyzed. The role of the notary is determined, which is not limited only to ensuring the protection of the rights and legitimate interests of citizens and legal entities by performing notarial acts provided for by the legislation of the Russian Federation, on behalf of the state, which determine the procedure for notaries when assisting the debtor in performing certain mandatory actions. The participation of a notary when entering information about bankruptcy in the Unified Federal Register of Bankruptcy Information is considered. The authors analysed the distinctive features of the consideration of a bankruptcy case of a citizen in the event of his death.

Key words: bankruptcy proceedings, insolvency, bankruptcy law, notary, notary, notary law.

Институт банкротства в Российской Федерации предназначен для того, чтобы исключить из гражданского оборота должников, неспособных оплатить свои долги, а также защитить права кредиторов.

Отдельные положения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) [1] регулируют отношения между должником и кредиторами, реализация которых позволяет

достичь компромисс между ними в целях восстановления платежеспособности должника. Таким образом, в равной степени предоставляется возможность учесть интересы как кредитора, так и должника.

В отношениях банкротства роль нотариуса не сводится только к обеспечению защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения предусмотренных законодательством Российской Федерации нотариальных действий, от имени государства, которые определяют порядок действий нотариусов при оказании помощи должнику в исполнении им некоторых обязательных действий, например при размещении сообщений о введении процедур банкротства или о прекращении производства по делу о банкротстве; об утверждении, отстранении или освобождении арбитражного управляющего; об удовлетворении заявлений третьих лиц о намерении погасить обязательства должника и др. в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве. Нормы, которые регламентируют деятельность нотариусов при банкротстве, условно делятся на три группы. К первой группе относят нормы, которые регулируют порядок внесения сведений о банкротстве в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве [2].

Законом о банкротстве предусмотрен порядок раскрытия сведений о банкротстве. В соответствии со ст. 28 Закона о банкротстве сведения, которые подлежат публикации, должны быть включены в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве, и должны быть опубликованы в официальном издании, определенном Распоряжением Правительства Российской Федерации от 21.07.2008 № 1049-р «Об официальном издании, осуществляющем опубликование сведений, предусмотренных Федеральным законом „О несостоятельности (банкротстве)“», исходя из результатов конкурса, проведенного регулирующим органом между различными редакциями печатных изданий [3].

Единый федеральный реестр сведений о банкротстве — это федеральный информационный ресурс, формируемый путем включения в него информации, предусмотренной Законом о банкротстве. В соответствии с ч. 2 ст. 28 Закона о банкротстве Единый федеральный реестр

сведений о банкротстве представляет собой неотъемлемую часть Единого федерального реестра сведений о фактах деятельности юридических лиц. Информация в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве обычно вносится арбитражным управляющим. Возможность внесения указанных сведений также предусмотрена в ст. 86 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате: сведения должны быть переданы нотариусу на бумажных или электронных носителях, а уже после этого переносятся им в указанные реестры. Нотариус, включающий сведения в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве, подписывает их своей квалифицированной электронной подписью. Лицо, которое обратилось за совершением нотариального действия, вправе получить от нотариуса свидетельство, подтверждающее направление документов адресату, а при невозможности их передачи, нотариус обязан указать причины отсутствия возможности их передачи, затем после подтверждения получения адресатом переданных документов, выдается свидетельство об их передаче.

Второй группой правовых норм установлены основания и условия внесения денежных средств в депозит нотариуса.

В соответствии со ст. 113 Закона о банкротстве учредители (участники) должника, собственник имущества должника — унитарного предприятия, третье лицо или третьи лица вправе в любое время до завершения внешнего управления в целях реализации прекращения производства по делу о банкротстве, удовлетворить все требования кредиторов, которые включены в реестр требований кредиторов, или же предоставить денежные средства должнику, которых будет достаточно, чтобы удовлетворить требования кредиторов в соответствии с реестром требований кредиторов. В такой ситуации лицо, имеющее намерение удовлетворить требования кредиторов к должнику, должно направить заявление об этом намерении в арбитражный суд, который рассматривает дело о банкротстве, а также внешнему управляющему. В этом заявлении необходимо указать способ, которым будут удовлетворены требования кредиторов в полном объеме, в том числе с возможностью перечисления

средств в депозит нотариуса.

Если арбитражный суд вынесет определение, в котором заявление о намерении погасить требования кредиторов путем перечисления денежных средств в депозит нотариуса будет удовлетворено, внешний управляющий, в свою очередь, обязан представить в арбитражный суд уведомление, в котором укажет информацию о получателях денежных средств, которая в дальнейшем необходима для заполнения платежных документов, подтверждающих совершение перечисления денежных средств, с обязательным указанием размеров требований для каждого из получателей указанных денежных средств.

В течение срока, который установлен определением арбитражного суда, заявитель должен перечислить в депозит нотариуса денежные средства в том порядке и в том размере, который установлен в определении. После истечения срока удовлетворения требований кредиторов путем перечисления денежных средств в депозит нотариуса, установленно арбитражным судом, внешний управляющий или заявитель должны направить в арбитражный суд заявление о том, что требования кредиторов удовлетворены. К указанному заявлению заявитель прилагает платежные документы, которыми подтверждается перечисление в депозит нотариуса денежных средств в размере, который содержится в определении арбитражного суда об удовлетворении заявления.

В случае соответствия осуществленного удовлетворения требованиям, содержащимся в определении арбитражного суда об удовлетворении заявления, по итогам рассмотрения заявления о признании требований кредиторов удовлетворенными, суд выносит определение о признании требований кредиторов удовлетворенными. Если требования кредиторов не будут удовлетворены в полном объеме или же требования кредиторов будут удовлетворены путем перечисления денежных средств в депозит нотариуса в размере меньшем, чем это установлено в определении арбитражного суда, или нарушены установленные этим определением сроки, арбитражный суд будет вынужден вынести определение об отказе в признании требований кредиторов удовлетворенными, то-

гда денежные средства, которые были перечислены в депозит нотариуса должны быть возвращены заявителю в течение 10 рабочих дней с даты, с которой определение арбитражного суда об отказе в признании требований кредиторов удовлетворенными вступает в законную силу.

Денежные средства, которые перечислены в депозит нотариуса сверх суммы, предусмотренной определением арбитражного суда, должны быть возвращены заявителю в течение 10 рабочих дней с даты вступления определения арбитражного суда в законную силу. В такой же срок денежные средства с депозита нотариуса перечисляются кредиторам в размере, установленном определением об удовлетворении заявления о намерении. Стоит сказать, что подобный порядок удовлетворения требований кредиторов учредителями (участниками) должника, собственником имущества должника — унитарного предприятия либо третьим лицом или третьими лицами в целях прекращения производства по делу о банкротстве действует и в конкурсном производстве.

В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 142 Закона о банкротстве, в случае невозможности перечисления денежных средств на счет (вклад) кредитора причитающиеся ему денежные средства вносятся конкурсным управляющим в депозит нотариуса по месту нахождения должника, о чем сообщается кредитору. Также законом закреплена обязанность нотариуса перечислить в федеральный бюджет денежные средства в случае невостребования их в течение трех лет с даты их внесения в депозит нотариуса.

Помимо указанных законодателем предусмотрены и иные случаи, при которых имущество передается в депозит нотариуса:

1. Так, по истечении 6 месяцев с даты принятия арбитражным судом решения о банкротстве профессионального участника рынка ценных бумаг, управляющей компании, клиринговой организации и об открытии конкурсного производства, если имущество клиентов не было передано клиентам, конкурсный управляющий передаст это имущество в депозит нотариуса, что предусмотрено п. 5 ст. 185.6 Закона о банкротстве.

2. В случае банкротства кредитной организации, осуществляющей профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг. Если в период деятельности временной администрации или конкурсного производства в кредитную организацию не поступило заявление от клиента о том, чтобы вернуть его имущество, которое было принято или приобретено такой организацией за его счет на основании договора хранения, доверительного управления, депозитарного договора или договора о брокерском обслуживании, имущество, будет передано в депозит нотариуса, за исключением ценных бумаг (п. 11 ст. 189.33 Закона о банкротстве).
3. В случае банкротства кредитной организации. Когда учредители (участники) кредитной организации или же третье лицо предоставляют денежные средства, которых достаточно для исполнения обязательств кредитной организации, но в то же время отсутствует возможность исполнения обязательства перед кредитором ввиду нарушения кредитором обязанности по предоставлению сведений о себе, которые необходимы для того, чтобы осуществить расчеты с кредитором, а также в случае, когда кредитор уклоняется от принятия исполнения обязательства кредитной организации, денежные средства вносятся в депозит нотариуса по месту нахождения кредитной организации (ее филиалов) (п. 10 ст. 189.93 Закона о банкротстве). Если органом или должностным лицом, которое осуществляет взыскание или налагает ограничения распоряжения денежными средствами, находящимися на счетах клиентов организации, к моменту направления ликвидационного баланса в Банк России, не сообщены реквизиты для перечисления денежных средств, указанных в п. 7 ст. 189.96 Закона о банкротстве конкурсному управляющему, он вносит эти денежные средства в депозит нотариуса и уведомляет об этом кредитора организации путем направления сообщения заказным письмом с уведомлением о

вручении в течение 5 рабочих дней со дня перечисления указанных средств в депозит нотариуса. Кредитору сообщается также о том, что денежные средства вносятся в депозит нотариуса по месту нахождения кредитной организации или ее филиалов в случае, когда кредитор уклоняется от принятия денежных средств (п. 8 ст. 189.96 Закона о банкротстве).

4. В случае банкротства участника клиринга. Имущество передается в депозит нотариуса, если имущество клиентов не было им передано по истечении 6 месяцев с момента принятия арбитражным судом решения о признании участника клиринга банкротом и об открытии конкурсного производства (п.5 ст. 201.17 Закона о банкротстве).

Третьей группой правовых норм урегулирован субинститут банкротства — банкротство гражданина. Роль нотариусов в данном субинституте значительно возрастает, ввиду того, что возможны категории дел о банкротстве граждан, которые объявлены умершими. Нормы, посвященные этому вопросу, содержатся как в Законе о банкротстве, так и в основах законодательства Российской Федерации о нотариате. Стоит сказать, что законодателем были изменены правила, которые регламентируют процедуры банкротства умершего гражданина, в связи с чем значительную роль в данной категории дел стал играть нотариус, который наделен определенными полномочиями [5].

В соответствии со ст. 223.1 Закона о банкротстве, производство по делу о банкротстве гражданина может быть возбуждено и после его смерти или объявления его умершим. С инициативой о начале данного процесса может выступить конкурсный кредитор или уполномоченный орган, а также наследники гражданина, которые приняли наследство. Отметим, что положения данной статьи применяются при рассмотрении дел о банкротстве вне зависимости от даты возбуждения производства по делу о банкротстве, если иное не предусмотрено ст. 23 Закона о банкротстве.

В соответствии со ст. 63.1 Основ законодательства Российской Фе-

дерации о нотариате, в случае смерти гражданина или объявления умершим гражданина (наследодателя), в отношении которого инициирована процедура банкротства, нотариус, в чьем производстве находится наследственное дело, осуществляет полномочия, которые предусмотрены Законом о банкротстве. Обратим внимание, что арбитражный суд должен указать в выносимом определении, что будут применены правила, которые предусмотрены § 4 гл. 10 Закона о банкротстве. Суд указывает о применении специальных норм либо в определении, которым принимается заявление о признании гражданина банкротом или же в отдельном определении о применении при банкротстве гражданина правил указанного параграфа, в случае если сведения о смерти гражданина или объявлении его умершим, стали известны арбитражному суду после возбуждения производства по делу о банкротстве, либо если гражданин умер или объявлен умершим после возбуждения производства по делу о банкротстве.

Отличительной чертой рассмотрения дела о банкротстве гражданина в случае его смерти является измененный субъектный состав.

Субъектами, которые участвуют в данной категории дел о банкротстве, являются наследники гражданина. Для того, чтобы признать наследников гражданина лицами, которые участвуют в деле, нотариус по запросу суда предоставляет копию наследственного дела. Соответственно, права и обязанности гражданина в деле о его банкротстве в случае смерти гражданина или объявления его умершим по истечении срока, установленного законом для принятия наследства, осуществляют наследники гражданина, принявшие наследство. До истечения этого срока, нотариус по месту открытия наследства выступает лицом, участвующим в процессе по делу о банкротстве гражданина, а также осуществляет определенные полномочия:

- заявляет ходатайство в арбитражный суд, который рассматривает дело о банкротстве гражданина, о том, что будут применяться правила § 4 гл. 10 Закона о банкротстве и переходе к реализации имущества, а в случае крестьянско-фермерских хо-

- зайств к конкурсному производству — в течение 5 рабочих дней с момента открытия наследственного дела, если применяется реструктуризация долгов гражданина;
- сообщает финансовому управляющему информацию о наследственном имуществе, которая стала ему известной ввиду исполнения своих полномочий.

Если на момент открытия наследственного дела существует возбужденное производство по делу о банкротстве в отношении наследодателя, нотариус осуществляет полномочия в деле о банкротстве со дня открытия наследственного дела.

Если производство по делу о банкротстве возбуждено в отношении наследодателя после открытия наследственного дела, нотариус осуществляет свои полномочия с момента, когда он получит соответствующее уведомление от финансового управляющего.

Нотариус вправе осуществлять полномочия в деле о банкротстве наследодателя лишь в период срока, установленного законодателем для принятия наследства.

В качестве последствий возбуждения производства по делу о банкротстве наследодателя также можно назвать следующее:

- 1) приостанавливается выдача свидетельства о праве на наследство до того момента пока производство по указанному делу не будет окончено;
- 2) нотариус не производит опись наследственного имущества;
- 3) не заключается мировое соглашение до истечения срока принятия наследства;
- 4) к требованиям по текущим платежам относятся расходы, связанные с совершением нотариусом нотариальных действий и удовлетворяются в первую очередь.

Когда оканчивается производство по делу о банкротстве гражданина до того момента, когда срок принятия наследства истек, финансовым управляющим передаются сведения об имуществе, которое составляет конкурсную массу и которое не было реализовано финансовым управля-

ющим, нотариусу, ведущему наследственное дело.

В итоге следует сделать вывод, что в условиях современного рынка законодатель довольно активно привлекает нотариусов к участию в процедурах банкротства, в связи с чем целесообразно включить статьи, посвященные правовому регулированию участия нотариуса в процедурах банкротства в Закон о банкротстве.

Список литературы

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) // Российская газета. № 49. 13.03.1993.
3. Об официальном издании, осуществляющем опубликование сведений, предусмотренных Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)»: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.07.2008 № 1049-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3674.
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) // Российская газета. № 49. 13.03.1993.

УДК/UDC 69.035.4

Методические рекомендации при обследовании объектов метростроения в рамках проведения судебной строительно-технической экспертизы

Любушина Екатерина Алексеевна

студент магистратуры Института экономики, управления и информационных систем в строительстве

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет

г. Москва, Россия

e-mail: katy_95@mail.ru

SPIN-код: 2552-8712

Аннотация

В последние годы в Москве активно развивается строительная сфера. Постоянно растут инвестиции в различные строительные программы, одной из которых является программа развития транспортной системы города. Основным направлением этой программы является развитие метрополитена. При этом периодически в СМИ проникает информация о срывах сроков ввода в эксплуатацию новых станций, об авариях, произошедших по причине недобросовестной работы подрядчиков, о неэффективном использовании денежных средств, инвестируемых в строительство метро. В ряде случаев споры могут доходить до судебных разбирательств, и тогда появляется необходимость в строительно-технической экспертизе, которая призвана внести ясность в сложившуюся ситуацию. В рамках работы рассмотрены особенности методических рекомендаций по проведению обследования объектов метростроения в рамках судебной строительно-технической экспертизы. Был выведен общий алгоритм проведения исследования экспертом, выделены особенности его этапов относительно объектов метростроения. Отдельно разобран этап натурного исследования.

Ключевые слова: методические рекомендации, натурные исследования, инструментальные методы, неразрушающие методы.

Methodological Recommendations in the Survey of Metro-Construction Objects Within the Framework of Judicial Construction Technical Examination

Lyubushina Yekaterina Alekseevna

student in the master's programme of the Faculty of the Institute of Economics,
Management and Information Systems in Construction and Real Estate

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Moscow, Russia

e-mail: katy_95@mail.ru

SPIN Code: 2552-8712

Abstract

In recent years, the construction industry has been actively developing in Moscow. Investments in various construction programs are constantly growing, one of which is the development program of the city's transport system. The main focus of this program is the development of the metro. At the same time, information about missed deadlines for commissioning new stations, accidents due to unfair work of contractors, and inefficient use of funds invested in the construction of the metro penetrates the media from time to time. In some cases, disputes can reach court proceedings, and then there is a need for construction and technical expertise, which is designed to clarify the situation. In surveying metro facilities, the most difficult to study may be arrays of fixed soils, since most often they are located behind the lining of tunnels. In the course of construction control, acceptance of works on soil consolidation consists in checking compliance with the requirements of the draft of the dimensions of the array and the characteristics of the fixed soil. The quality of the consolidation of the soil mass is checked by drilling wells and drilling holes with the selection of monoliths for laboratory tests, as well as by electric logging and sounding methods.

Key words: methodical recommendations, field studies, instrumental methods, non-destructive methods.

Судебную строительно-техническую экспертизу (ССТЭ), как и любую другую деятельность, можно охарактеризовать четырьмя составляющими: объектом, предметом, целью и задачами. Целью любой ССТЭ

является ответ, в форме заключения эксперта, на поставленный в постановлении (определении) вопрос касаясь объектов строительства [1]. При достижении этой цели решается ряд задач. ССТЭ объектов метроостроения имеет свои уникальные задачи. Но, как и при обследовании других объектов строительства, эти задачи можно классифицировать на определенные группы.

Задачи судебной экспертизы делят на идентификационные и диагностические (неидентификационные). В рамках деятельности эксперта-строителя принято не рассматривать идентификационные задачи, так как исследуемые объекты не требуют установления индивидуально-конкретного тождества. В связи с этим, как правило, изучают лишь диагностические задачи. Но объединение всех задач под одной группой не может способствовать эффективному решению вопросов, стоящих перед экспертом и лицом или органом, назначающим экспертизу. Классификация задач ССТЭ необходима для того, чтобы верно определить класс, род и вид экспертизы, чтобы четко формулировать конкретные вопросы в постановлении (определении) и, наконец, для эффективного использования в процессе доказывания заключения эксперта. Для решения этих вопросов задачи ССТЭ можно дифференцировать как:

- 1) классификационные;
- 2) диагностические;
- 3) каузальные;
- 4) нормативистские;
- 5) преобразовательные;
- 6) стоимостные.

Также для решения промежуточных вопросов выделяют подзадачи:

- 1) экзистенциальные;
- 2) атрибутивные;
- 3) ситуалогические [3].

Классификационные задачи призваны решать вопросы определения вида выполненных работ, вида используемых материалов и техно-

логий. Решение диагностических задач сводится к определению технического состояния объекта исследования. Каузальные задачи отвечают на вопрос о причинах произошедших событий.

Нормативистские — определяют соответствие изучаемого объекта существующим нормам. Преобразовательные задачи эксперт решает в случае раздела домовладений, путем создания новых границ. И стоимостные задачи дают ответ на вопрос о стоимости исследуемого объекта (в том числе о стоимости выполненных работ).

Подзадачи помогают при решении описанных выше задач. Так экзистенциальные подзадачи определяют факт существования работы или объекта, состояние или стоимость которого необходимо определить. Атрибутивные исследования определяют свойства объекта, которые в дальнейшем будут играть роль показателей, на основе которых решаются вопросы нормативного соответствия, износа или классификационной принадлежности объекта. И ситуалогические подзадачи определяют взаимоотношение объектов друг с другом в момент, интересующий эксперта [5].

При изучении задач ССТЭ объектов метростроения можно заранее исключить преобразовательные задачи. Объекты метрополитена являются собственностью города и судебные разбирательства, целью которых будет раздел между собственниками территории станций и тоннелей путем создания новых границ, маловероятны. Для определения роли остальных задач рассмотрим наиболее вероятные предметы споров касаясь объектов метростроения.

В первую очередь судебный иск может подать подрядчик, которому не заплатили за выполненные работы. В таком случае стоимостная задача является основной. Эксперт-строитель должен выяснить сколько стоят работы, выполненные подрядчиком, и какая сумма задолженности имеет место быть. Параллельно этой задаче решаются задачи классификационные и нормативистские, а также экзистенциальные и атрибутивные подзадачи. Разберем эти задачи на примере закрепления грунтов в зоне проходки. Первым делом определяется факт наличия заявленных

работ, то есть выполняется экзистенциальная подзадача. Так как при строительстве метрополитена скрытые работы занимают существенную часть в общем объеме выполняемых работ, экзистенциальные подзадачи играют определяющую роль в вопросах об объемах, качестве и стоимости выполненных работ. Классификационные задачи будут направлены на определение технологии выполнения работы (метод струйной цементации, метод силикатизации грунтов или устройства грунтоцементного массива), и на определение вида использованных материалов (марка цемента, вид химических добавок, реагентов). Нормативистские задачи определяют соответствие созданного массива заявленной прочности и водонепроницаемости, необходимой, в соответствии с нормами, для безопасного продолжения работ. Определение показателей прочности и водонепроницаемости является, в свою очередь, атрибутивной подзадачей. На основе полученной информации эксперт делает выводы о стоимости выполненных работ.

Второй по популярности проблемой является некачественно выполненные работы, последствия которых привели к дополнительным затратам заказчика. Тогда эксперту предстоит решать диагностические задачи, а также параллельно нормативистские и стоимостные. Если обратиться к предыдущему примеру, то в заключении эксперта должно быть отражено техническое состояние созданного массива, качество которого вызывает сомнения. Также исследуется вопрос о соответствии нормативам (нормативистская задача) полученных показателей (атрибутивная подзадача). И если ущерб и повлекшее его несоответствие работ заявленному качеству доказано, и если постановление (определение) предполагает определение стоимости ущерба, решается стоимостная задача. То есть определяется стоимость работ, выполнение которых потребуется для устранения выявленного несоответствия.

И, наконец, третья ситуация, предполагающая судебное разбирательство: несчастный случай, произошедший на площадке строительства. В таком случае встает вопрос о причинах произошедшего. Соответственно, определяющей является каузальная задача [5]. Сопутствующим

щими будут являться диагностические и нормативистские задачи и атрибутивные и ситуалогические подзадачи. Чтобы определить причину, например, поломки щита при прохождении проходки, экспертом будет оцениваться ряд показателей (атрибутивная подзадача) и создаваться модель ситуации, при которой произошла поломка (ситуалогические подзадача). Полученные результаты дадут понимание о техническом состоянии окружающих объектов (диагностическая задача) и о их соответствии нормам (нормативистская задача).

Особенности задач ССТЭ объектов метростроения заключаются в специфике производства работ при сооружении метрополитена. Решение нормативистских задач требует от эксперта знания строительных правил, регулирующих подземное строительство и строительство метро, в частности. Очевидно, эти правила существенно отличаются от правил строительства наземных объектов, что требует особой подготовки эксперта при осуществлении ССТЭ. То же касается и стоимостных задач, так как ценообразование строительства метрополитена регламентируется отдельным сборником и определяется расценками, отличающимися от общепринятых. Диагностические задачи требуют от эксперта применения особого инструментария, так как большинство ответственных конструкций находится за пределами доступа. Классификационные задачи могут быть решены экспертом лишь при уверенном знании технологий строительства метро, так как одна и та же конструкция может быть создана с помощью разных технологий, стоимость которых существенно отличается [4].

Проанализировав задачи ССТЭ объектов метростроения и изучив их специфику, можно четко определить те методики, которые могут быть применены при обследовании объектов метро в случае возникновения судебных споров. Четкое определение задач способствует формулировке «правильных» вопросов в постановлении (определении). А понимание содержания этих вопросов, основанных на вышеперечисленных задачах, помогает выбрать эксперта соответствующей квалификации.

Список литературы

1. Аминев Ф. Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: дисс. ... докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2016. 482 с.
2. Бутузова, Л. Фантазии и реальность. Какими темпами строится московское метро // Новые известия. URL: <https://newizv.ru/news/city/14-11-2017/fantazii-i-realnost-kakimi-temпами-stroitsya-moskovskoe-metro> (дата обращения: 14.05.2019).
3. Бутырин, А. Ю. Теория и практика судебной строительно-технической экспертизы / А. Ю. Бутырин. М. : ОАО «ИД „Городец“», 2006. 224 с.
4. Голицынский Д. М. Строительство тоннелей и метрополитенов: Учебник для техникумов трансп. стр-ва / Д. М. Голицынский, Ю. С. Фролов, Н. И. Кулагин и др.; под ред. Д. М. Голицынского. М.: Транспорт, 1989. 319 с.
5. Статива Е. Б. Строительно-техническая экспертиза в судебных спорах хозяйствующих субъектов: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 185 с.

УДК/UDC 343.2

Особенности института соучастия в российском уголовном праве

Медведев Сергей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: medvedewss@mail.ru

SPIN-код: 6447-6169

Морозова Регина Игоревна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: regina-morozova-2599@mail.ru

Аннотация

Институт соучастия в преступлении всегда представлял особую сложность для правового регулирования, поскольку в нем предписания уголовного закона применяются всегда иначе. Кроме того, на правовом регулировании данного института особенным образом сказываются направления уголовной политики Российской Федерации, поскольку здесь речь идет о борьбе с организованной преступностью, что является для нашего государства приоритетной задачей. Поэтому на правовом регулировании уголовной ответственности преступлений, совершенных в соучастии, сказываются особенности политической, социальной и криминологической ситуации в стране. Это обуславливает необходимость новых подходов к изучению данной проблемы, пересмотру уже сложившихся теорий, выработки новых взглядов в понимании сущности и признаков соучастия.

Ключевые слова: соучастие, уголовная ответственность, уголовная политика, исполнитель, умысел, акцессорная теория, индивидуальная ответственность.

Peculiarities of the Institution of Complicity in Russian Criminal Law

Medvedev Sergey Sergeyevich

Candidate of Law, assistant professor of the Department of Criminal Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: medvedewss@mail.ru

SPIN Code: 6447-6169

Morozova Regina Igorevna

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: regina-morozova-2599@mail.ru

Abstract

The institution of complicity in a crime has always been particularly difficult for legal regulation, since it always applies the provisions of the criminal law differently. In addition, the directions of the criminal policy of the Russian Federation have a special impact on the legal regulation of this institution, since here we are talking about combating organized crime, which is a priority for our state. Therefore, the peculiarities of the political, social and criminological situation in the country affect the legal regulation of the criminal responsibility of crimes committed in complicity. This necessitates a new approach to the study of this problem, the revision of already established theories, the development of new views in understanding the essence and signs of complicity.

Key words: complicity, criminal responsibility, criminal policy, performer, intent, accessory theory, individual responsibility.

В научных кругах вопрос о необходимости института соучастия является неактуальным: его необходимость давно очевидна. Однако еще в XX веке ситуация выглядела иначе. Доктрина соучастия оценивалась критически, поскольку неясным для многих ученых оставался вопрос о распределении вины и степени уголовной ответственности каждого из участников. На тот момент господствовала точка зрения об индивиду-

альной уголовной ответственности, а идеи о солидарной или общей вине отрицались [1].

Например, ученый И. Я Фойницкий писал: «Каждый отвечает и может отвечать только за свою вину, и как ни тесна иногда, по-видимому, связь виновного с другими лицами, при ближайшем рассмотрении вина каждого оказывается совершенно своеобразною и особенною» [2].

Однако со временем для исследователей стало очевидно, что умысел участников преступления может различаться, а отсюда происходит расхождение в действиях исполнителя и организатора. Однако долгое время господствовала точка зрения о необходимости применения в Особенной части Уголовного кодекса отдельных разъяснений об уголовной ответственности соучастников, а вопрос о включении в Общую часть норм о соучастии оставался нерешенным [3].

Все теории, связанные с институтом соучастия, по своей сути описывают один и тот же феномен: совершение общего преступления. Это отличается от квалифицирующего признака общей части, когда преступление совершается несколькими лицами. Связь между этими событиями возможна, но необязательна, т. е. уголовное дело в отношении нескольких соучастников может быть рассмотрено в рамках отдельно организованных процессов [4].

Также соучастие следует отделять от совпадения преступлений во времени и пространстве, например, хищение предметов из одного места несколькими лицами. Из соучастия также всегда исключается поведение, не связанное с причинением вреда интересам, охраняемых уголовным законом, т. е. попустительство, укрывательство или недоносительство – за каждое действие законом предусмотрена самостоятельная уголовная ответственность. Сущность института соучастия заключается в совершении преступления несколькими лицами, виновные действия участников связаны между собой [3].

Однако наука уголовного права в понимании института соучастия содержит два несовпадающих подхода: во-первых, большое внимание уделено организационным действиям, склоняющим или способствующим

совершению преступления. Неясны пределы наступления уголовной ответственности за чужую вину. С другой стороны, соучастие в совершении преступления является коллективной преступной деятельностью, где каждый вносит свой вклад для достижения преступного умысла [1].

Таким образом, существует связь лица с преступной деятельностью, однако действия лица могут выходить за рамки правоотношений, охраняемых уголовным законом, отсюда неясно, за какие действия и какие меры ответственности будут предусмотрены в таком случае.

Такое положение является основой построения двух теорий соучастия: теории акцессорного соучастия и теории самостоятельной ответственности каждого из соучастников.

Согласно принципу акцессорности соучастие возможно при наличии преступного поведения исполнителя, а действия каждого участника квалифицируются в зависимости от степени их вины и участия. Наличие единого основания и различная квалификация не противоречат друг другу, поскольку основанием ответственности является объективная сторона преступления, а ее квалификация является строго профессиональной, поэтому при едином основании уголовной ответственности ответственность каждого участника остается индивидуальной [2].

Важным дискуссионным вопросом относительно института соучастия в уголовном праве является вопрос о квалификации преступлений, совершенных в соучастии с двумя формами вины. Судебная практика по данной категории дел остается противоречивой. Вопрос о возможности совершения преступления в соучастии и с двумя формами вины остается нерешенным [5]. Согласно определению, указанному в Уголовном кодексе, соучастие — это умышленное участие двух и более лиц в преступлении, совершаемом умышленно [6].

Суть соучастия в объединении двумя и более лицами своих усилий для совершения преступления. Вряд ли в таком случае они могут неосторожно относиться к преступлению и наступлению общественно опасных последствий. Прямого ответа на рассматриваемый вопрос у законодателя нет, однако если вспомнить, что преступление с двумя формами вины

всецело является умышленным, то выходит, что и соучастие в данном случае нельзя исключать.

Однако в научных кругах господствует точка зрения, согласно которой в преступлениях, совершаемых с двумя формами вины, соучастия не предусмотрено. Правоприменители также разделяют данную позицию. Однако есть точки зрения, согласно которым в ст. 32 УК РФ необходимо внести изменения и закрепить возможность совершения преступления в соучастии с двумя формами вины [7].

В таком случае квалификация могла бы измениться и стать более правильной, например, при умышленно причинении вреда, повлекшим по неосторожности смерть. Хотя и в случае внесения изменений всех проблем в ходе квалификации решить не удастся.

Суть такой сложности состоит в том, что при совершении преступления в соучастии сообщники могут относиться к последствиям преступления неосторожно, поскольку надеются избежать ответственности и переложить вину на иного соучастника. Поэтому, учитывая психологию соучастников, необходимо изменить законодательный подход. Для этого необходимо обратиться к ст. 27 Уголовного кодекса, предусматривающей двойную вину. В ней указано, что если при совершении умышленного преступления наступают преступные последствия, не охваченные умыслом, то в целом преступление является совершенным умышленно. Таким образом, лицо совершает умышленное преступление и желает наступления общественно опасных последствий, а последствия, являющиеся более тяжкими, наступают по неосторожности [5].

Нынешняя конструкция не предусматривает настоящего психологического аспекта соучастия. Несмотря на то что соучастие в преступлениях в двумя формами вины не исключается, на практике положения норм УК толкуются иначе, правоприменитель избегает совмещения понятий «неосторожность» и «соучастие». Это не позволяет дать должную оценку действиям соучастников. Отсюда возникают сомнения в реализации принципа справедливости уголовного права.

Например, группа лиц по предварительному сговору умышленно

причиняет тяжкий вред здоровью, но в результате наступает смерть, чего соучастники не желали. На наш взгляд, конструкция ст. 111 УК предусматривает две формы вины. Ведь, причиняя тяжкий вред, лицо осознает общественную опасность своих деяний, а также возможность наступления смерти при неоказании соответствующей медицинской помощи. Получается, что преступнику нужно заявить, что он желал наступления тяжкого вреда, а не смерти [7].

Ряд ученых и правоприменителей скептически относятся к возможности лица, причиняющего тяжкий вред здоровью, не осознавать последствия наступления смерти. Такая квалификация не отражает всю степень общественной опасности. Кроме того, правоприменитель вынужден оставлять без внимания соучастие, поскольку оно не может быть неосторожным. Поэтому, на наш взгляд, подход необходимо изменить и предусмотреть возможность совершения преступления в соучастии, в рамках которого общественные опасные последствия могут наступить по неосторожности [8].

Таким образом, при квалификации преступлений, совершенных в соучастии, должен больше влиять психологический аспект соучастников. Необходимо тщательнее исследовать данную тему и внести изменения в те составы, предусматривающие уголовную ответственность за совершение преступления в двумя формами вины, поскольку они могут быть совершены как единолично, так и в соучастии.

Список литературы

1. Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии): учеб. пособие. М., 1997. С. 106–107.
2. Фойницкий И. Я. Уголовно-правовая доктрина о соучастии // Юридический вестник. М., 1891. Т. VII. Кн. 1 (Январь). № 1. С. 17, 20, 28.
3. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А. А. Арямов, Т. Б. Басова, Е. В. Благов и др.; отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев. М.: Контракт, 2017. 384 с.

4. Пудовочкин Ю. Е. Концепция соучастия: опыт теоретической разработки и нормативного закрепления // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 102–112.

5. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 56-АПУ18-22 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25122018-n-56-apu18-22/>

6. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.02.2018 № 14-АПУ18-2 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-27022018-n-14-apu18-2/>

7. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

8. Иванов Н. Г. Категории «соучастие» и «группа» в решениях Верховного Суда РФ (вновь о наболевшем) // Уголовное судопроизводство. 2019. № 1. С. 42–48.

УДК/UDC 343.352

Проблемы правового регулирования посредничества во взяточничестве

Медведев Сергей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: medvedewss@mail.ru

SPIN-код: 6447-6169

Саакян Мария Арамовна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: mariyasaakyan99@mail.ru

Аннотация

Статья направлена на подробное изучение ст. 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Посредничество во взяточничестве» и на выявление некорректных формулировок. В работе говорится о целесообразности внесения в Уголовный кодекс ст. 291.1. Дается общая характеристика посредника как третьего лица. Затрагивается исторический аспект посредничества во взяточничестве, а также его нынешнее правовое закрепление. Изучается квалификация данного преступления. Отмечается, что ответственность по данной статье наступает при совершении преступления в значительном размере. Рассматриваются условия освобождения от уголовной ответственности по ст. 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Указана характеристика обещания или предложения посредничества во взяточничестве. Уделено внимание мерам наказания за посредничество во взяточничестве. Также в статье внесены предложения по модернизации законодательства в части посредничества во взяточничестве.

Ключевые слова: посредничество во взяточничестве, уголовная ответственность, дача взятки, получение взятки, посредник.

Problems of Legal Regulation of Mediation in Bribery

Medvedev Sergey Sergeyevich

Candidate of Law, assistant professor of the Department of Criminal Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: medvedewss@mail.ru

SPIN Code: 6447-6169

Saakyan Mariya Aramovna

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: mariyasaakyan99@mail.ru

Abstract

The article is aimed at a detailed study of Article 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation called Intermediation in Bribery and at identifying incorrect formulations. The paper speaks about the expediency of introducing Article 291.1 into the Criminal Code. Given the general characteristics of the mediator, as a third party. It touches upon the historical aspect of bribery mediation, as well as its current legal framework. The qualification of this crime is being studied. It is noted that responsibility under this article comes when a crime is committed in a significant amount. The conditions for exemption from criminal liability under Article 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered. The characteristic is a promise or offer of mediation in bribery. Attention is paid to penalties for mediating bribery. The article also makes proposals for the modernization of legislation in terms of mediation in bribery.

Key words: mediation in bribery, criminal liability, giving a bribe, taking a bribe, mediator.

За последние годы заметно повысился контроль над коррупционной деятельностью. В связи с этим прорабатываются более детальные программы для дачи взятки, а также привлекаются помимо основных субъектов другие лица — посредники. Именно поэтому данная тема об-

ладает актуальностью и вызывает интерес в области уголовного права.

Прежде всего посредничество в получении взятки подрывает авторитет и законную деятельность власти. Посредник выступает третьим лицом в коррупционной деятельности как с помощью персональной передачи предмета материальной ценности, так и с помощью налаживания отношений между взяткодателем и взяткополучателем. Очевидно, что такое лицо преследует определенную цель. Она выражается, например, в получении денежного вознаграждения [1]. Что касается понятия «посредничество во взяточничестве», то этот термин был закреплен в правовом акте еще начала XX в.: Уголовный кодекс РСФСР 1922 года в ст. 114 указывает на то, что получение в каком бы то ни было виде взятки через посредника наказывается лишением свободы до двух лет с конфискацией имущества или без [2]. До введения специальной статьи за посредничество во взяточничестве в Уголовный кодекс 1996 года данное деяние квалифицировалось по совокупности преступлений получения и дачи взятки и ст. 33 [3]. Поэтому целесообразно было введение ст. 291.1 в Уголовный кодекс РФ. Следует отметить, что ответственность по данной статье наступает при совершении преступления в значительном размере. Диапазон взятки определен ст. 290, а именно примечанием названной статьи, где под значительным размером понимается сумма или предмет имущественного характера, превышающий 25 тыс. рублей.

Наряду с этим возникает проблема квалификации преступлений, совершенных до 25 тыс. рублей. Здесь, как правило, действуют нормы, которые были закреплены в Уголовном кодексе Российской Федерации до введения ст. 291.1. То есть они будут квалифицироваться как соучастие в дачи или в получении взятки [4].

Таким образом, введенная ст. 291.1 ограниченно регулирует преступления в сфере посредничества во взяточничестве. Верным будет внесение изменений в редакцию статьи и исключения из ч. 1 словосочетания «в значительном размере». Такие изменения способствуют упрощению квалификации преступления за посредничество во взяточничестве.

Согласно примечанию ст. 291.1 УК РФ лицо, совершившее посред-

ничество во взяточничестве, может быть освобождено от уголовной ответственности при условии, что после совершения общественно опасного деяния оно содействовало раскрытию и остановке преступления, а также самовольно призналось в совершении деяния соответствующему органу. Если виновное лицо выполнит вышеназванные условия, то его должны освободить от уголовной ответственности. Многие правоведы с такими положениями не согласны. Например, В. Борков считает, что такому лицу достаточно признаться в содеянном преступлении и указать местоположение и время, когда было совершено деяние [5].

Одним из условий для освобождения от уголовной ответственности лица является пресечение преступления. Однако оно не может быть осуществлено виновным лицом, так как на тот момент преступление уже окончено. В данном положении возможно только раскаяние виновного, но никак не пресечение [6]. По конструкции данная статья относится к формальному составу, а это значит, что преступление считается оконченным с момента непосредственной передачи взятки или ее получения, а также при посредничестве во взяточничестве в виде иного способа содействия. Под последним следует понимать, например, налаживание взаимоотношений между взяткодателем и взяткополучателем. В этом случае возможно пресечь преступление, а при даче и при получении взятки преступление уже совершено. Следовательно, можно сделать вывод, что пресечь совершенное преступление невозможно, а пресечь процесс посредничества во взяточничестве вполне допустимо. Можно только предположить, что, закрепляя данную норму, законодатель это и имел в виду. Для того чтобы разрешить этот вопрос, необходимо заменить словосочетание «пресечение преступления» на «пресечение посредничества во взяточничестве».

Еще один правовой аспект, который стал спорным в уголовном праве, — ч. 5 ст. 291.1 УК РФ. Законодатель впервые ввел в правовой акт такое положение, как обещание или предложение посредничества во взяточничестве. Оно предполагает, что лицо только умышляет совершить деяние, а если оно уже осуществило задуманное, то преступление будет

квалифицироваться по чч. 1–4 статьи 291.1 УК РФ. Таким образом, если обещание или предложение совершить посредничество осталось неисполненным, то виновного привлекут к уголовной ответственности по ч. 5 ст. 291.1 УК РФ. Относительно данного положения возникает спор в назначении наказания за совершения преступления. По ч. 5 ст. 291.1 УК РФ максимальная мера наказания составляет 7 лет лишения свободы, когда по чч. 1–4 данной статьи аналогичная мера составляет 5 лет. Из этого следует, что умысел совершить данное преступление карается строже, чем его непосредственное осуществление. Очевидно, что законодатель нарушает принцип справедливости. За счет введенной новеллы он ужесточает наказание за обещание или предложение посредничества во взяточничестве, тем самым недооценивая опасность самого посредничества во взяточничестве. Решением данной коллизии, по нашему мнению, может быть исключение ч. 5 из ст. 291.1 УК РФ и перенос ее в примечание с указанием на то, что в случае обещания или предложения посредничества во взяточничестве данное преступление будет квалифицироваться по настоящей статье. Еще одним вариантом разрешения такого спора является изменение максимальной меры наказания в совершение данного деяния. То есть установить максимальную меру наказания за совершение посредничества во взяточничестве — 7 лет, а за обещание или предложения осуществления деяния без непосредственной ее реализации — 5 лет.

Таким образом, вопросы правового регулирования посредничества во взяточничестве, которые были отмечены в статье, являются лишь частью данной проблемы. В ст. 291.1 есть ряд аспектов, которые подлежат корректной формулировке. Законодателю стоит проанализировать вышеназванную статью и внести соответствующие изменения в редакцию для справедливого и правильного разрешения общественно опасного деяния.

Список литературы

1. Степанова К. В. Информация как средство совершения преступлений против собственности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6. URL: http://online-science.ru/m/products/law_science/gid4672/pg0/.
2. Уголовный кодекс РСФСР от 26 мая 1922 года (утратил силу) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (изм. от 27 декабря 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 28. Ст. 4150.
4. Моисеенко М. И. Посредничество во взяточничестве: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации: автореф. дисс ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 25.
5. Борков В. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения // Уголовное право. 2011. № 4. С. 12.
6. Степанова К. В. Информация как предмет преступлений против собственности // Общество и право. 2018. № 2. С. 68.

УДК/UDC 343

Уголовно-правовое значение крайней необходимости

Медведев Сергей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: medvedewss@mail.ru

SPIN-код: 6447-6169

Топчиева Светлана Константиновна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: topchieva99@bk.ru

Аннотация

В этой статье объясняется понятие «крайняя необходимость». В своем исследовании авторы приходят к выводу, что условия, характеризующие крайнюю необходимость, включают следующее: опасность должна угрожать интересам государства, общественным интересам, личности, правам человека или других граждан; опасность должна присутствовать и присутствовать. В то же время условиями законности действий по устранению неизбежной опасности являются невозможность избежать опасности при данных условиях, а также то, что ущерб, нанесенный интересам охраняемых законом третьих сторон, должен быть менее важным, чем предотвращенный ущерб.

Ключевые слова: крайняя необходимость, правомерность, грозящая опасность, причинение вреда.

Criminal and Legal Meaning of Extreme Necessity

Medvedev Sergey Sergeevich

Candidate of Law, assistant professor of the Department of Criminal Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: medvedewss@mail.ru

SPIN Code: 6447-6169

Topchiyeva Svetlana Konstantinovna

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: topchieva99@bk.ru

Abstract

This article explains the concept of extreme necessity. In their study, the authors conclude that the conditions characterizing the most urgent need include the following: the danger must threaten the interests of the state, public interests, the individual, human rights, or other citizens; danger must be present and present. At the same time, the conditions for the legality of actions to eliminate imminent danger are the impossibility of avoiding danger under these conditions, and also that the damage caused to the interests of legally protected third parties should be less important than the damage prevented.

Key words: extreme necessity, legality, imminent danger, causing harm.

В теории права существуют различные толкования термина «крайняя необходимость», которые определяют социальную и правовую природу системы. Часто рассматривается необходимость устранения опасности путем нанесения вреда наименее ценным предметам.

Иногда авторы называют крайнюю необходимость законным правом на возможное применение действий, которые в иных ситуациях считались бы преступными. Также существуют точки зрения, охарактеризовывающие крайнюю необходимость как метод защиты наиболее важного блага, чем того, которому наносится ущерб. На этом характеристику крайней необходимости не завершают, так как к конкретному выводу

прийти достаточно сложно [1].

При рассмотрении различных точек зрения, вытекающих из понятия «крайняя необходимость», можно прийти к выводу, что последняя представляет собой ситуацию, в которой есть угроза законным интересам отдельного человека, интересам общества, государства или иных лиц и которая связана с необходимостью нанесения вреда, и лицо имеет право на его применение, но с оговоркой, что нанесен ущерб должен быть менее значим, чем предотвращенный.

Столкновение с опасностью — типичный аспект крайней необходимости. Нельзя назвать крайней необходимостью ситуацию, когда есть опасность, несущая угрозу для охраняемых законом прав субъекта, но это не воспринимается субъектом, который может принять меры для ее устранения. Уголовная ответственность не может быть применена к лицу, которое в связи с возложенной на него обязанностью должно совершать действия с целью предотвращения опасности, но так как оно не знает о существующей опасности, то оно не предприняло меры по ее предотвращению. Кроме того, необходимо учитывать, что возникновение опасности происходит, когда человек осознает, что существует выбор применения дальнейших мер, и либо реализует эти меры, либо избегает применения действий, направленных на защиту [2].

Крайняя необходимость — это субъективное право на совершение действий, направленных на причинение вреда. Субъективное право является ограниченной правовой базой для поведения субъекта. Таким образом, лицо по своему усмотрению может прибегнуть к реализации своего права либо же воздержаться от его применения. Источником права на ущерб в состоянии крайней необходимости является наличие угрозы, которая угрожает легальным благам.

Ущерб, вызванный крайней необходимостью, причиняется независимо от воли субъекта. Вмешательство в законные интересы является результатом объективно возникающих обстоятельств. Многие авторы подчеркивают принудительный характер совершаемых деяний, когда это необходимо.

Принцип рациональной обоснованности до сих пор не был включен в систему знаков, которая характеризует природу крайней необходимости. В то же время, по мнению некоторых ученых, которые исследовали особые случаи крайней необходимости, необходимо учесть целесообразность мер в состоянии крайней необходимости для некоторых.

Критерий рациональной обоснованности рассматривается как главный критерий крайней необходимости. Нормы, которые содержат крайнюю необходимость, обычно включают основные признаки того, что в случае возникновения ситуации, когда выбор мер возникает при столкновении с опасностью, которая ставит под угрозу блага человека, общества или государства, субъект обязан принять меры, которые являются наиболее разумными, целесообразными и рациональными. Социальная значимость института крайней необходимости четко прослеживается в общей формуле: то, что рационально, является законным.

Крайняя необходимость является правовой гарантией идеи рациональности, содержащейся в законе. Уголовное право указывает на существование права на рациональную инициативу после определения крайней необходимости. Законодатель предоставляет лицу, подвергающемуся риску, право выбора мер по противодействию угрозе. Человек имеет право наносить ущерб охраняемым благам, если он считает, что меры, принятые в этой ситуации, являются подходящими и оптимальными.

Основываясь на анализе чрезвычайной ситуации, человек самостоятельно решает, как поступить. Рациональность и оптимальное исполнение действий определяются с учетом общих принципов уголовного права в контексте реальной ситуации. В ситуации, когда крайняя необходимость имеет место, субъект может опираться на общие правила и нормы морали, а также на «здравый смысл» [3].

Уголовное право расширяет представление о том, что важнейшие критерии для крайней необходимости указывают на ситуацию, когда причиняется ущерб третьим сторонам, а именно физическим и юридическим лицам, при том часто бывает так, что они никак не связаны с возникновением опасности.

В значительном числе ситуаций в системе отношений этой категории существуют три стороны:

- 1) лицо, причинившее вред;
- 2) лицо, интересы которого защищены актом крайней необходимости;
- 3) лицо, чьи блага подвергаются ущербу.

Следует отметить, однако, что этот аспект описывает только некоторые обстоятельства крайней необходимости.

Отсутствие третьей стороны абсолютно очевидно, когда человек защищает свои блага и причиняет вред другим; в случае, если один человек защищает блага другого и нарушает законные интересы того же лица; в случае, когда обязательство не выполнено для выполнения другой, большей обязанности. Более того, можно различить более рациональное и разумное мнение ученых, которые считают, что вред третьей стороной является существенным, но необязательным критерием крайней необходимости.

Целью анализа юридического характера института крайней необходимости является определение функций этого института. Детальное изучение направлений правовых последствий анализируемого субъекта позволяет предположить, что существует четыре таких функции:

- 1) образовательная;
- 2) законотворческая;
- 3) нормативная;
- 4) корреспондирующая [3].

Статья Уголовного кодекса, которая содержит институт крайней необходимости, выполняет важную образовательную функцию. Установленные в нем стандарты создают общественно полезные поведенческие мотивы. Право граждан пожертвовать свои выгоды для достижения общественно-полезных целей создает основу для укрепления идеи, что общественная мораль осуждает людей, которые заботятся исключительно своими интересами [4].

Законодательная функция соответствующего института выража-

ется в большом количестве нормативно-правовых актов, которые имеют под собой основу крайней необходимости. Законодатели, которые принимают эти акты, заранее предвидят обстоятельства крайней необходимости в действиях юридических и физических лиц, и достаточно подробно излагаются в этих нормативно-правовых актах.

Нормативная функция выражается в том, что крайняя необходимость содержит в себе средства регулирования поведения людей в обществе. К таким средствам относятся правила поведения и правила разрешения споров касательно адекватности защиты при применении данного института на практике.

Институт крайней необходимости является межотраслевым институтом: он включен в гражданское, административное право и уголовное. Достаточно часто этот институт содержится в большом количестве нормативно-правовых актов, которые призваны регулировать деятельность правоохранительных и прочих органов. В этой связи целесообразно подчеркнуть соответствующую роль института крайней необходимости, которая категорически необходимо, и соответствие норм административно-правового законодательства, уголовного, гражданского, межотраслевых законодательных актов.

На основании того, что было изучено, можно сделать вывод, что институт крайней необходимости имеет первостепенное значение в современном уголовном праве и выполняет важные функции. С развитием информационного общества появляется все больше ситуаций, которые создают условия крайней необходимости. В связи с этим нахождение его в Уголовном кодексе считается необходимостью в современном цивилизованном обществе.

На основании проведенных исследований можно сделать вывод, что институт крайней необходимости имеет огромное значение для современного уголовного права, также немаловажно то, что данный институт несет в себе важные функции. В современном информационном обществе, ситуаций, когда необходимо применять крайнюю необходимость, становится все больше и больше. Таким образом, в любом цивилизован-

ном обществе просто необходимо присутствие этого института в Уголовном кодексе.

Список литературы

1. Антонов В. Ф. Крайняя необходимость в уголовном праве. М.: Юнити-Дана, 2005. 112 с.
2. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Под ред. В. П. Ревина. М.: Юстицинформ, 2016.
3. Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Институт крайней необходимости в российском уголовном праве. М.: Юрлитинформ, 2006. 240 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

УДК/UDC 343.3/.7

Проблемы квалификации и отграничения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью от смежных составов преступлений

Медведев Сергей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: medvedewss@mail.ru

SPIN-код: 6447-6169

Юрченко Елена Валериевна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: lenau1997@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются вопросы, возникающие при квалификации преступлений по ст. 111 УК РФ, анализируются ошибки, которые чаще всего возникают у правоприменителей. Важным моментом являются индивидуализирующие признаки, помогающие правильно отграничивать умышленное причинение тяжкого вреда здоровью от смежных по составу преступлений. Для более убедительного видения отграничения данного преступления используется судебная практика, на основе которой проявляются обстоятельства, способствующие раскрытию особенностей преступного деяния. Данная тема является весьма актуальной, потому что рассматриваемый вид преступления является весьма распространенным в практике, и в связи с постоянными изменениями в законодательстве возникают казусы в праве. Также предложена новая норма, которая поспособствовала бы устранению значительных погрешностей и недочетов в уголовном законодательстве.

Ключевые слова: умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, квалификация, отграничение от преступлений со смежными составами, преступление.

Problems of Qualification and Delimitation of Intentional Infliction of Grievous Bodily Harm From Related Offences

Medvedev Sergey Sergeevich

Candidate of Law, assistant professor of the Department of Criminal Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: medvedewss@mail.ru

SPIN Code: 6447-6169

Yurchenko Yelena Valeriyevna

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: lenau1997@mail.ru

Abstract

This article deals with issues that arise when qualifying crimes under Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation, errors that most often occur to law enforcers are analyzed. An important point is the individualizing signs that help to properly distinguish between the deliberate infliction of grievous bodily harm and related crimes. For a more convincing vision of the delimitation of this crime, judicial practice is used, on the basis of which the circumstances are revealed that contribute to the disclosure of the characteristics of a criminal act. This topic is very relevant, because the type of crime in question is very common in practice, and due to constant changes in the law, incidents of law arise. Also proposed a new rule that would contribute to the elimination of significant errors and omissions in the criminal law.

Key words: deliberate causing of heavy harm to health, qualification, delimitation of crimes with adjacent structures, crime.

К наиболее сложным для юридического аспекта преступлениям против личности относятся умышленные преступления, причиняющие тяжкий вред здоровью. При расследовании уголовных дел данной категории постоянно возникают проблемы и трудности при их квалифи-

кации. Основной ошибкой является неверное установление причинно-следственной связи между преступным деянием лица и наступившими в результате последствиями. Также немаловажно установить умысел лица и способ совершения преступлений, причиняющих тяжкий вред здоровью. Существует несколько направлений, по которым проводится отграничение данного преступления от смежных с ним составов, а именно от убийства (как умышленного преступления) и от причинения смерти по неосторожности.

Для изучения данного вопроса необходимо прежде всего начать с покушения на убийство. При покушении действия субъекта направлены на причинение смерти потерпевшему, но субъекту не удается довести их до конца по независящим от него обстоятельствам (вмешательство посторонних лиц и т. д.). При причинении тяжкого вреда здоровью виновный, сознавая общественно опасный характер своих действий, предвидит возможность причинения тяжкого вреда здоровью другого лица, потому и желает наступления таких последствий (прямой умысел) либо сознательно их допускает, либо же относится к ним безразлично (косвенный умысел). Таким образом, установление вида умысла при отграничении данных преступлений является основополагающим моментом.

Для того чтобы разграничить тяжкий вред здоровью, повлекший по неосторожности смерть жертвы, от убийства, важно изучить мотивации преступника. Под мотивом преступления понимается побудительный стимул, источник активности человека [1]. Есть мотивы, при наличии которых возможно и то, и другое преступление. Мотивы преступления могут быть любыми (зависть, месть и т. д.). Иногда мотивация выступает как единственное средство достижения цели: убийство матерью новорожденного ребенка, убийство наследником наследодателя и т. д. Важно уточнить, что неточная мотивации или неопределенность мотива по обстоятельствам дела не должны служить основанием для применения ч. 4 ст. 111 УК РФ, если имелся умысел на причинение смерти.

Часто встречающейся ошибкой при квалификации выступает заблуждение, будто существующий разрыв во времени между нанесением

травмы и наступлением смерти требует квалификации по ч. 4 ст. 111 УК РФ, а не убийства. На основании судебной практики выясняется, что при умышленном лишении жизни содеянное признается убийством, даже если смерть наступила спустя значительное время после нанесения ранения.

Состав убийства предусматривает лишение жизни потерпевшего, а при совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, отношение виновного к наступлению смерти потерпевшего выражается в неосторожности. Согласно п. 3 Постановления Пленума ВС РФ от 27.01.1999 № 1: «При решении вопроса о направленности умысла виновного следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения» [2]. Совокупность ошибок в квалификации связана с неучтением косвенного умысла либо с его неверным установлением по обстоятельствам уголовного дела. На практике те, кто привлекаются к ответственности по ч. 4 ст. 111 УК РФ, ссылаются на то, что они не желали смерти потерпевшему.

Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично [3]. А. И. Рарог в своей публикации четко отметил: «Желаемыми являются не только те последствия, которые приятны виновному, доставляют ему внутреннее удовлетворение, но и те, которые при внутренне отрицательном эмоциональном отношении к ним со стороны виновного представляются ему, тем не менее, нужными или неизбежными на пути удовлетворения потребности, ставшей побудительной причиной к действию» [4]. Так, виновный сознательно допускает наступление смерти потерпевшему, но его воля не направлена на

ее причинение (например, при поджоге помещения, в котором находился человек).

Существует множество постановлений и определений Верховного Суда РФ, согласно которым подсудимому вменялся косвенный умысел в вину, лишивший жизни потерпевшего. Если не удастся установить, какой же умысел был направлен на причинение смерти, то следует выяснить наличие неосторожности в отношении этого результата. В свою очередь, умысел можно определить по характеру причиненных травм: каким предметом они были нанесены и в какие места. Однако следует учитывать, что и при сознательном допущении смертельного результата содеянное может квалифицироваться как убийство с косвенным умыслом.

Так, по материалам судебной практики г. Мирного, Кузиев К. Р. совершил умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасное для жизни человека и повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. Судом было установлено, что к Кузиеву К. Р. пришел К., которому подсудимый предложил пройти к себе в дом. Зайдя в дом по приглашению Кузиева К. Р., К. расположился на кухне на стуле за столом. К., находясь в кухне, стал высказывать в адрес Кузиева К. Р. оскорбительные для последнего слова, в связи с чем между ними произошла словесная ссора, и у Кузиева К. Р. возникла личная неприязнь к К. и преступный умысел, направленный на причинение последнему тяжких телесных повреждений. Для этого он с целью причинения тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, и желая их наступления, но не предвидя возможности наступления смерти в результате своих действий нанес с размаху со значительной силой один удар правой ногой в область левой боковой поверхности шеи К. От полученного удара К. скончался на месте происшествия. Удостоверившись в том, что К. мертв, Кузиев К. Р. вынес труп на улицу и впоследствии перенес труп К. в бетонное строение П-

образной формы, где сжег труп с целью сокрытия следов преступления в металлической печи.

Суд приходит к выводу, что вина подсудимого полностью доказана. Анализ и оценка показаний подсудимого свидетелей обвинения, материалов уголовного дела привели суд к выводу, что именно противоправными умышленными действиями подсудимого Кузиева К. Р. причинен тяжкий вред здоровью, опасный для жизни человека, который по неосторожности повлек смерть потерпевшего К. Нанесение с размаха со значительной силой один удар правой ногой в область левой боковой поверхности шеи К., локализация причиненного повреждения, способ его нанесения, тяжесть наступивших последствий, взаиморасположение потерпевшего и нападавшего, время наступления смерти, последующие действия Кузиева К. Р. по сокрытию следов преступления (сжег труп в печи), свидетельствует об умысле подсудимого на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего К., т. е. Кузиев К. Р. осознавал характер и последствия совершаемых им действий в виде причинения тяжкого вреда здоровью и желал этого, предвидел возможность наступления смерти потерпевшего К., а к последствию в виде смерти относился по неосторожности. Следовательно, между действиями подсудимого Кузиева К. Р. и наступившими последствиями в виде наступления смерти К. имеется прямая причинно-следственная связь.

Таким образом, на основании приведенных выше согласующихся между собой доказательств суд приходит к выводу о виновности подсудимого Кузиева К. Р. в причинении К. телесного повреждения, повлекшего по неосторожности его смерть. Оснований для переквалификации действий Кузиева К. Р. на ч. 1 ст. 109 УК РФ не имеется [5].

Значительную роль играет правильное исследование способа причинения вреда, который отражен в характере орудия; силе и числе нанесенных ранений, травм и т. д. Все элементы способа необходимо рассматривать в совокупности.

При осуществлении квалификации следует исходить из совокупности имеющихся обстоятельств, которые имеют отношение к делу, а не

только из обстоятельств содеянного. Также для разрешения вопроса о квалификации при наличии одних и тех же обстоятельств содеянного может повлиять обстановка и место происшествия. К примеру, умышленное нанесение в область бедра удара, который привел к причинению смерти потерпевшего от обильной потери крови, можно квалифицировать и как убийство, и как предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ преступление, в зависимости от того, где произошло происшествие [6].

Сложнее произвести квалификацию, когда смерть возникает от единичного удара кулаком с большой силой в жизненно важный орган, отчего человек умирает. Вероятнее всего, подобное действие следует квалифицировать как умышленное действие, направленное на причинение тяжкого вреда здоровью с неосторожным отношением к последствиям — смерти потерпевшего.

Например: «Григорьев С. Н. после распития спиртных напитков, в результате ссоры, нанес О. С. один удар ребром ладони в область шеи, в результате чего причинил потерпевшей телесное повреждение в виде перелома рожка подъязычной кости, которое относится к повреждениям, причинившим тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни. Он же, ночью, в ходе ссоры с потерпевшей, толкнул ее, потерпевшая упала, ударившись затылком о дверной косяк, от полученных при падении телесных повреждений в области головы наступила смерть О. С.» [7]. Данные деяния суд квалифицировал по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 111 и ч. 1 ст. 109.

Таким образом, квалифицировать причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего, можно:

- по ст. 105 УК РФ — при наличии умысла на причинение тяжкого вреда здоровью по признаку опасности для жизни;
- по ч. 4 ст. 111 УК РФ — если субъект не предвидит возможности наступления смерти и при наличии умысла на причинение тяжкого вреда здоровью, не опасного для жизни, либо оказавшимся тяжким;
- по ст. 109 УК РФ — если субъект по небрежности не предвидит

возможность наступления вредных преступных последствий либо при легкомыслии создает лишь потенциальную угрозу жизни человека, предвидя возможность наступления последствий, но реально рассчитывая избежать их [8].

Немаловажен и тот факт, что при квалификации преступлений по ч. 1 ст. 111 УК РФ возникают разногласия, связанные с составами ст. ст. 113, 114 или 118 УК РФ, так как по объективной стороне они практически схожи.

Так, опираясь на положения ПП РФ № 522 [9]: вред, причиненный здоровью человека, определяется в зависимости от степени его тяжести на основании квалифицирующих признаков и в соответствии с медицинскими критериями определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека [10].

Признаком, позволяющих квалифицировать причинение тяжкого вреда здоровью, выступает: опасный для жизни вред человеку, потеря слуха, речи, зрения, или иного органа, психическое расстройство, прерывание беременности, заболевание токсикоманией или наркоманией, стойкая утрата общей трудоспособности не менее, чем на 1/3, полная утрата профессиональной трудоспособности.

Что касается причинения тяжкого вреда здоровью в состоянии аффекта, то важно заметить, что такое состояние виновного должно быть вызвано неправомерным или аморальным психическим воздействием потерпевшего [11]. Бытует суждение, что в период сильного душевного волнения, человек предвидит только ближайшие последствия своих деяний. В случае причинения в состоянии аффекта тяжкого вреда здоровью, которое повлекло за собой смерть потерпевшего по неосторожности, нужно привлекать виновного только за причинение тяжкого вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 113 УК РФ), поскольку вряд ли в таком состоянии лицо могло предвидеть, что его действия приведут к смерти потерпевшего. Судебная практика также квалифицирует содеянное в рассматриваемой ситуации только по ст. 113 УК РФ.

Из текста ст. 114 УК РФ следует, что субъективную сторону при-

чинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, составляет только умысел. Если тяжкий вред, причиненный при превышении пределов необходимой обороны, повлек за собой по неосторожности смерть посягающего или задерживаемого, содеянное надлежит квалифицировать только по ст. 114, поскольку неосторожное причинение смерти при превышении мер уголовной ответственности не влечет.

Объект преступления — это мишень, по которой бьет всякое преступление. Определяя положения ст. 118 УК РФ видно, что объективные признаки основного состава аналогичны указанному в ст. 111 УК РФ, отличие составляет лишь субъективная сторона, которая характеризуется неосторожной формой вины. Зачастую это связано с грубым нарушением правил бытовой предосторожности или несоблюдением правил предосторожности в сфере профессиональной деятельности. Ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей означает умышленное или неосторожное нарушение лицом официальных требований и стандартов, предъявляемых к его профессиональной практике [12].

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу, что для верной квалификации преступлений по ст. ст. 105, 109, 111, 125, а также ст. ст. 113, 114, 118 обязательно необходимо опираться на уголовно-правовые нормы, а также нормы уголовно-процессуального законодательства. Благодаря выполнению требований о всесторонности, полноте и объективности исследования доказательств, подлежащих доказыванию, устанавливаются все обстоятельства причинения вреда здоровью и характеристики субъекта. Но, к сожалению, пока существует большое количество взглядов, мнений, а также судебной практики по вопросам квалификации данных преступлений, будут существовать и ошибки. Например, наличие Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам о причинении тяжкого вреда здоровью» могло бы в полной мере поспособствовать ликвидации различных ошибок, недостатков и погрешностей. Таким образом, наличие нормы, которая будет направлена

на предупреждение многих нюансов и недочетов, позволила и помогла бы в значительной мере упростить данный проблемный вопрос при квалификации.

Список литературы

1. Уголовное право России. Общая часть: учебник // Под ред. В. П. Ревина. М.: Юстицинформ. 2016.
2. Пленум Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 3. 1999.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. ст. 2954.
4. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб: Юридический Центр Пресс. 2010. С. 85.
5. Приговор Мирнинского районного суда Республики Саха (Якутия) № 1-95/2018 от 28.09.2018 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XBВН9g9gnuWo/>.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII / отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017.
7. Приговор Белореченского районного суда Краснодарского края от 17.11.2011 по делу № 1-243/2011 г. // Росправосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-belorechenskij-rajonnyj-sudkrasnodarskij-kraj-s/act-513554884/>.
8. Балашов С. К. Проблемы квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Адвокатская практика. 2014. № 4. С. 49–50.
9. Об утверждении правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: Постановление Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. № 522 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 35. ст. 4308.
10. Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н (ред. от 18.01.2012) (Зарегистрировано в Минюсте РФ 13.08.2008 № 12118).
11. Сафуанов Ф. С. Определение аффекта у обвиняемого: проблемы правоприменительной практики и судебно-психологической экспертизы // CenterBereg. Юридический портал. URL: <http://www.center-bereg.ru/f779.html>.

12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2010. С. 407.

УДК/UDC 343

Смягчающие ответственность обстоятельства в административном и налоговом праве

Мельникова Анна Сергеевна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: arcon2121@mail.ru

Аннотация

В данной работе анализируется проблематика назначения административных и налоговых наказаний при наличии смягчающих обстоятельств. Изучение правоприменительной практики по назначению административных наказаний свидетельствует о наличии некоторых недостатков. Анализируется место таких обстоятельств при назначении соответствующих наказаний судом или иным уполномоченным органом. Рассматриваются особенности практического применения данных норм. Отмечены проблемные вопросы, препятствующие эффективной реализации применения смягчающих обстоятельств. Автор также упоминает, что для их учета судом либо другим компетентным органом обязательно соблюдение некоторых условий. Также в исследовании проводится сравнительный анализ аналогичных по теме статей КоАП РФ и НК РФ. Приведены непосредственно примеры применения обстоятельств, смягчающих ответственность, которые достаточно часто встречаются на практике при назначении наказания.

Ключевые слова: административная ответственность, налоговая ответственность, правонарушения, преступления.

Mitigating Circumstances in Administrative and Tax Law

Melnikova Anna Sergeyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: arcon2121@mail.ru

Abstract

This paper analyses the problems of administrative and tax penalties in the presence of extenuating circumstances. The study of law enforcement practice on the appointment of administrative penalties indicates the presence of some flaws. Analysed the place of such circumstances in the appointment of appropriate penalties by the court or other authorized body. The features are considered in the practical application of these norms. The problematic issues that hinder the effective implementation of the application of mitigating circumstances are noted. The author also mentions that in order for them to be taken into account by the court or another competent authority, certain conditions must be met. Also in the study a comparative analysis of similar articles of the Administrative Code of the Russian Federation and the Tax Code of the Russian Federation is carried out. There are examples of the application of circumstances that mitigate responsibility, which are often found in practice in sentencing.

Key words: administrative responsibility, tax liability, offences, crimes.

Одно из непреременных правил применения наказаний — необходимость учета обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность за правонарушение. Это обусловлено обязанностью неукоснительного следования конституционным началам уважения прав и интересов человека и гражданина. Тем не менее, как известно, ограничение таких прав возможно исключительно в строгом соответствии с законодательством, и лишь за правонарушения, посягающие на общественную безопасность и правовые основы в целом.

В теории существование обстоятельств, смягчающих административную ответственность, обусловлено тем, что административное взыска-

кание не должно иметь карательную функцию, так как его цель — профилактика административных правонарушений.

К обстоятельствам, которые смягчают административную ответственность за правонарушения, действующий закон относит:

- 1) раскаяние лица, совершившего административное правонарушение;
- 2) добровольное прекращение противоправного поведения лицом, совершившим административное правонарушение;
- 3) добровольное сообщение лицом, совершившим административное правонарушение, в орган, уполномоченный осуществлять производство по делу об административном правонарушении, о совершенном административном правонарушении;
- 4) оказание лицом, совершившим административное правонарушение, содействия органу, уполномоченному осуществлять производство по делу об административном правонарушении, в установлении обстоятельств, подлежащих установлению по делу об административном правонарушении;
- 5) предотвращение лицом, совершившим административное правонарушение, вредных последствий административного правонарушения;
- 6) добровольное возмещение лицом, совершившим административное правонарушение, причиненного ущерба или добровольное устранение причиненного вреда;
- 7) добровольное исполнение до вынесения постановления по делу об административном правонарушении лицом, совершившим административное правонарушение, предписания об устранении допущенного нарушения, выданного ему органом, осуществляющим государственный контроль (надзор) и муниципальный контроль;
- 8) совершение административного правонарушения в состоянии сильного душевного волнения (аффекта) либо при стечении тяжелых личных или семейных обстоятельств;

- 9) совершение административного правонарушения несовершеннолетним;
- 10) совершение административного правонарушения беременной женщиной или женщиной, имеющей малолетнего ребенка [1].

По нашему мнению, очень важно, что список обстоятельств не является исчерпывающим, поэтому судья, орган, должностное лицо, рассматривающие дело об административном правонарушении, могут признать смягчающими и иные обстоятельства, не указанные в КоАП РФ или в законах субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

Исходя из этих положений, можно решительно утверждать, что это прямо указывает на попытку законодателя индивидуализировать административную санкцию, но при этом в некоторых случаях наказание за административное правонарушение установлено без какой-либо альтернативы. И, как отметила Л. Б. Антонова в своей научной работе, даже указанные в КоАП РФ низший и высший порог размера штрафов, на практике условные. Именно такие аспекты в законодательстве делают невозможным индивидуализацию наказания в описанных ситуациях, так как при его назначении не учитываются личные факторы конкретного субъекта правонарушения [2].

Несмотря на существование отдельного Налогового кодекса Российской Федерации [3], административное и налоговое право неразрывно взаимосвязаны как минимум исходя из факта установления административной ответственности за налоговые правонарушения гл. 15 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, содержащей в себе составы правонарушений в области финансов, налогов и сборов, рынка ценных бумаг, страхования. Также, согласно нормам гл. 15 КоАП РФ, с должностных лиц, в действиях которых было обнаружено налоговое нарушение, взыскивается штраф.

Непосредственно Налоговым кодексом Российской Федерации (НК РФ) аналогично предусмотрена возможность при назначении наказания за совершенные налоговые правонарушения учитывать отягчающие и

смягчающие ответственность обстоятельства. Такие условия учтены в ст. 112 НК РФ:

- совершение правонарушения вследствие стечения тяжелых личных или семейных обстоятельств;
- совершение правонарушения под влиянием угрозы или принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости;
- тяжелое материальное положение физического лица, привлекаемого к ответственности за совершение налогового правонарушения;
- иные обстоятельства, которые судом или налоговым органом, рассматривающим дело, могут быть признаны смягчающими ответственность;
- обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность за совершение налогового правонарушения, устанавливаются судом или налоговым органом, рассматривающим дело, и учитываются при применении налоговых санкций.

Данные нормы, так же как и соответствующие нормы КоАП РФ, преследуют цель наказания равного деянию.

На основании п. 3 ст. 114 НК РФ при наличии хотя бы одного смягчающего ответственность обстоятельства размер штрафа подлежит уменьшению не меньше, чем в два раза установленного соответствующей статьей НК РФ. В постановлении ФАС Северо-Кавказского округа от 02.03.2010 № А32-30367/2009-51/349 и п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 41, Пленума ВАС РФ № 9 от 11.06.1999 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации» [4] находим пояснение, что в п. 3 ст. 114 НК РФ установлен именно минимальный предел снижения налоговой санкции, поэтому, суд может по своему решению уменьшить размер взыскания на свое усмотрение основываясь на личности правонарушителя, смягчающих обстоятельствах и др. [5]

Курьезный аспект, помимо всего прочего, заключается в том, что

Налоговый кодекс не отвечает на вопрос, что же будет, если присутствуют и смягчающие, и отягчающие обстоятельства. Однако практика показывает, что нужно оценить те и другие. Это значит, что и при наличии отягчающего условия допустимо снижение штрафа (см., например, постановление ФАС СКО от 08.05.2013 по делу № А32-13690/2012).

Изучив положения ст. 112 НК РФ и 4.2 КоАП РФ, становится видно, что налоговое законодательство предусматривает в разы меньше смягчающих обстоятельств. Стоит задаться вопросом почему. Можно предположить, что «смягчающие» — не новшество и, учитывая то, что список является открытым, применение таких обстоятельств не составит трудностей.

Также причиной может быть и наличие большего по размеру такого списка в КоАП РФ, из которого, по нашему мнению, произошел налоговый кодекс. Вероятно, по причине того, что наказание за налоговое преступление может быть помимо налогового — административным или уголовным — законодатель предусмотрел пересечение смягчающих обстоятельств, установленных в соответствующих законах и их взаимодействие.

Стоит отметить, что на практике значение обстоятельств, смягчающих административную и налоговую ответственность, применяются достаточно часто, чему способствует то, что оба списка указанных обстоятельств являются открытыми. «Интересно, что постановление административного органа может быть признано незаконным и изменено в случае, когда арбитражным судом на основании ч. 2 ст. 4.2 КоАП РФ будут признаны смягчающими обстоятельства, не указанные в КоАП РФ или в законах субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях. Суд может признать эти обстоятельства в качестве смягчающих независимо оттого, ходатайствовал ли заявитель об их учете на стадии рассмотрения дела административным органом» [6].

Помимо обстоятельств, указанных в федеральных законах, А. С. Дугенец выделил иные обстоятельства, которые применяются при совершении административного судопроизводства в отношении следующих:

инвалидов и лиц, получивших увечья при защите Родины в мирное время; ветеранов войны и труда; участников ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС; многодетных родителей; лиц, имеющих государственные награды; в ряде других случаев, не получивших достаточного распространения [7].

Проанализировав судебную практику, мы выявили часто встречающиеся смягчающие обстоятельства. Это привлечение к налоговой ответственности впервые, отсутствие умысла на совершение нарушения, раскаяние и признание своей вины, тяжелое финансовое состояние налогоплательщика (например, задолженность перед большим количеством кредиторов), банкротство компании либо ее нахождение в пограничном состоянии.

Смягчающими иногда признают добросовестность налогоплательщика или отсутствие у организации бухгалтера в момент нарушения.

Это лишь малая часть оснований, которые применимы к физическим и юридическим лицам. Существует большой список «личных» причин (такие как нахождение на иждивении детей или других членов семьи, наличие инвалидности, пенсионный возраст) и причин, применяемых к отдельным видам налоговых правонарушений (при непредставлении в инспекцию документов и сведений, необходимых для налогового контроля (ст. 126 НК РФ) обстоятельством, смягчающим ответственность мог служить значительный объем затребованных документов или предоставление документов по другим требованиям).

В заключение необходимо учесть, что всегда важно рассматривать под разными углами цели законодателя в вопросах, рассмотренных нами в содержании данной статьи. Но даже несмотря на это, существует ряд очевидных вопросов, все еще требующих внимания или некоторой конкретизации для подлинного понимания, и, как итог, в целях правильного применения. Классификация смягчающих за совершение налогового и административного правового нарушения обстоятельств должна исходить из факта возможной дифференциации данных обстоятельств по ряду критериев, касающихся степени общественной

опасности налогового или административного правового нарушения, обстановки совершения правонарушения, личности правонарушителя. Помимо этого, данные обстоятельства могут проявляться не только до, но и после совершения налогового и административного правонарушения. Смягчающие налоговую и административную ответственность обстоятельства могут быть дифференцированы в зависимости от субъекта совершения налогового и административного правового нарушения.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
2. Антонова Л. Б. Проблемы назначения административных наказаний // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 2. С. 75–78.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
4. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 41, Пленума ВАС РФ № 9 от 11.06.1999 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
5. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 02.03.2010 № А32-30367/2009-51/349 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
6. Кулаева Н. С. Судебная практика об административных правонарушениях // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
7. Дугенец А. С. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие административную ответственность // Юрист. 2001. № 5. С. 55.

УДК/UDC 343.221.51

Проблемы признания юридического лица субъектом преступления: зарубежный опыт и перспективы в Российской Федерации

Никулина София Алексеевна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: sofialexnik@mail.ru

Степанова Кристина Витальевна

преподаватель кафедры уголовного права

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: naumeuko93@gmail.com

Аннотация

В данной статье авторы провели анализ зарубежного законодательства в области назначения уголовных наказаний за совершение преступлений юридическими лицами. Были исследованы уголовные кодексы и иные акты стран англосаксонской (Великобритания, США) и романо-германской (Франция, ФРГ) правовой системы, а также правовой системы стран Дальнего Востока (КНР). Авторы рассмотрели основные аргументы за и против введения уголовной ответственности юридических лиц, изучили мнения российских юристов и судебную практику по данному вопросу. На основании проведенного исследования был сделан вывод о нецелесообразности признания юридического лица субъектом преступления. Также необходимо ужесточение санкций гражданского и административного законодательства и совершенствование процессуальных норм, учитывая при этом опыт зарубежных стран.

Ключевые слова: субъект преступления, юридическое лицо, преступление, уголовная ответственность, виды наказаний.

Problems of Recognition of a Legal Person by a Subject of Crime: Foreign Experience and Prospects in the Russian Federation

Nikulina Sofiya Alekseyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: sofialexnik@mail.ru

Stepanova Kristina Vitalyevna
lecturer of the Department of Criminal Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: naumeyko93@gmail.com

Abstract

In this article, the authors analysed the foreign legislation in the field of criminal penalties for crimes committed by legal entities. The criminal codes and other acts of the Anglo-Saxon (UK, USA) and Romano-German (France, Germany) legal system, as well as the legal system of the Far East (China) were studied. The authors considered the main arguments for and against the introduction of criminal liability of legal entities, studied the opinions of Russian lawyers and judicial practice on this issue. Based on the study, it was concluded that it is inappropriate to recognize a legal entity as a subject of a crime. It is also necessary to tighten the sanctions of civil and administrative legislation and improve procedural rules, taking into account the experience of foreign countries.

Key words: perpetrator, legal entity, crime, criminal liability, types of punishments.

Одним из элементов любого состава преступления является субъект. В соответствии со ст.19 УК РФ субъектом преступления признается вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного уголовным законодательством [1]. Несмотря на однозначность определения, в юридической науке не утихают споры о том, стоит ли признать юридическое лицо субъектом преступления. ГК РФ определяет юридическое

лицо как организацию, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде [2].

Во многих зарубежных странах уголовное законодательство предусматривает ответственность как физических, так юридических лиц. К ним относятся и представители англосаксонской правовой системы (Великобритания, Канада, США), и романо-германской (Франция, ФРГ).

В Великобритании идея об ответственности юридических лиц, наравне с физическими, возникла еще в середине XIX столетия. Изданный в 1978 г. Закон «Об интерпретации» закрепил, что ответственности за совершение статутного преступления, помимо физического лица, подлежат и корпорация, если иное не предусмотрено законом [3]. Тем не менее существуют случаи, когда принцип интерпретации применить невозможно (например, при совершении половых преступлений или умышленного убийства, т. к. за данное деяние предусмотрено наказание виде пожизненного лишения свободы).

В США данный принцип не поддерживался до начала XX века. В настоящее время корпорация признается субъектом уголовного преследования за действия своих представителей (например, за обманные приемы коммерческой деятельности, коммерческое взяточничество и т. д.) [4]. Так, в уголовном законодательстве штата Иллинойс наряду с положениями о тюремном заключении закреплены специальные нормы, устанавливающие фиксированные штрафы для корпораций [5].

В ст. 121-2 УК Франции закреплено следующее: «Юридические лица, за исключением Государства, подлежат уголовной ответственности в соответствии с положениями статей со 121-4 по 121-7 и в случаях, предусмотренных законом или регламентом за преступные деяния, совершенные в их пользу органами или представителями юридического лица» [6]. Такое лицо может быть субъектом таких преступлений, как преступления против человечества, посягательства на жизнь, неприкосновенность человека, распространение наркотических средств, проведе-

ние экспериментов на людях, хищения, «компьютерные» преступления и т. д. В качестве наказаний предусматриваются ликвидация юридического лица, запрет на осуществление определенных видов деятельности, конфискация имущества, штрафы, запрет на обращение к населению с целью получения вкладов.

В КНР, относящейся к правовой семье стран Дальнего Востока, юридическое лицо тоже признается субъектом преступления. Ст. 30 УК Китая гласит, что «компании, предприятия, организации, учреждения, коллективы, осуществляющие опасную для общества деятельность, должны нести уголовную ответственность» [7]. Под данной деятельностью понимаются преступления в сфере экологии, наказываемые штрафами.

Неудивительно, что некоторые юристы предлагают последовать примеру зарубежных коллег. Попытка узаконить уголовную ответственность юридических лиц была произведена еще в 1994 году при разработке проекта Общей части УК РФ. В нем говорилось, что данное лицо привлекается к уголовной ответственности, если оно «виновно в неисполнении или ненадлежащем исполнении прямого предписания закона, устанавливающего обязанности, либо запрет на осуществление определенной деятельности; виновно в осуществлении деятельности, не соответствующей его учредительным документам или объявленным целям; деяние, причинившее вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, обществу или государству, было совершено в интересах данного юридического лица, либо допущено, санкционировано, одобрено, использовано органом или лицом, осуществляющим функции управления юридическим лицом» [5]. При всем этом уголовная ответственность физических лиц не исключалась.

В целом мнения российских правоведов разделяются на несколько направлений. За введение уголовной ответственности юридических лиц выступают Е. Ю. Антонов, С. Г. Келина, А. П. Козлов, А. С. Никифоров и др., против — Г. И. Богуш, Н. Ф. Кузнецова, Н. А. Лопашенко, В. Г. Павлов. С компромиссным мнением выступают Б. В. Волженкин, А. Во-

стоков, Н. В. Щедрин. Кроме того, выделяют четвертое направление, в котором рассматривается возможность применения к юридическим лицам мер уголовно правового характера (Г. А. Есаков, Н. Е. Крылова, Г. Смирнов) [8].

Осветим главные аргументы за введение уголовной ответственности для юридических лиц. Во-первых, деятельность юридических лиц сопряжена с риском причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам (прежде всего экономическим). Помимо этого, может оказываться влияние на здоровье населения и состояние окружающей среды. Таким образом, в качестве превентивных мер предлагается ввести уголовную ответственность для этих лиц.

Во-вторых, предлагается ввести по отношению к юридическим лицам понятие «отождествление» (идентификация) вместо «вина», «виновность», тем самым обозначив, что совершаемое этим лицом преступление реализуется через виновное поведение его работников, контролирующих осуществление им прав и обязанностей.

В-третьих, вред, причиняемый юридическим лицом в результате совершения преступления, и ответственность за него зачастую несоизмеримы [9].

В-четвертых, привлечение физических лиц за преступления «корпорации» не является гарантией того, что это юридическое лицо не совершит новое преступление с помощью других физических лиц [10].

Эти доводы представляются достаточно логичными и целесообразными, но решение о признании юридического лица субъектом преступления должно основываться на более убедительных аргументах, не оставляющих после себя сомнений. В действительности существует целый ряд причин, по которым стоит привлекать к уголовной ответственности лишь физических лиц.

В большинстве своем сторонники, выступающие «за», основывают свою позицию на приравнивании понятий юридического и физического лица, т.е. на их отождествлении. Так, американские юристы Э. Вайсман и Д. Ньюман считают, что уголовная ответственность юридических лиц

представляет собой судебное признание легального антропоморфизма в корпоративной форме [11]. Но юридическое лицо является лишь правовой конструкцией, инструментом, с помощью которого человек участвует в гражданском обороте. Его стоит рассматривать, скорее, как орудие преступления, чем как субъект.

Многие юристы отмечают, что ответственность юридических лиц не следует ужесточать за счет внесения значительных изменений в УК РФ. Основываясь на опыте зарубежных коллег, можно вносить поправки и дополнения в ГК РФ и КоАП, предусматривающих ответственность юридических лиц.

С признанием юридического лица субъектом преступления необходимо будет решить следующий вопрос: за какие общественно опасные деяния будет наступать уголовная ответственность? Некоторые преступления просто не могут быть совершены юридическим лицом (например, изнасилование, убийство). Тем не менее в судебной практике бывают случаи, когда корпорацию обвиняют в совершении именно таких преступлений. Так, в США приобрело широкую известность дело американской химическо-промышленной компании Union Carbide. В результате ее деятельности в индийском городе Бхопал, где располагалось одно из отделений корпорации, произошла утечка токсичного газа, повлекшая гибель по меньшей мере 18 тыс. человек [12]. В рамках внесудебного урегулирования в 1987 году компанией было выплачено 470 млн долларов жертвам катастрофы. Они, в свою очередь, отказались от дальнейших судебных исков. В 2010 году индийским судом были приговорены к тюремному заключению и штрафу семи бывших руководителей местного отделения Union Carbide. Это дело ставит под сомнение не только целесообразность наказания юридического лица за массовую гибель людей, но правомерность привлечения к ответственности и корпорации (юридическое лицо), и ее руководителей (физические лица).

В конце концов, признание юридического лица субъектом преступления повлечет перестройку всей системы уголовного права, так как данное положение будет противоречить принципу личной виновной ответ-

ственности, который означает, что отвечать за совершенное преступление вправе лишь лицо, обладающее психикой, способное сформировать виновное отношение к своему деянию [13].

Таким образом, признание юридического лица субъектом преступления не достигнет одной из своих главных целей — разрешения существующих в уголовном праве проблем и противоречий, а лишь породит ряд новых: за какие преступления должна наступать ответственность, необходимо привлекать к ней только юридическое лицо или же наравне с ним наказанию должно быть подвергнуто и физическое, какими должны быть эти уголовно-правовые санкции и т. д. Опыт зарубежных стран показывает, что признание лишь физического лица субъектом преступления в уголовно-правовой системе РФ полностью оправдывает себя, способствуя эффективной квалификации и справедливому назначению наказаний. Представляется, что необходимость привлечения юридических лиц к уголовной ответственности в законодательстве зарубежных стран была продиктована несоразмерностью материальной ответственности физических лиц причиненному ущербу. Однако, это опасение является излишним, учитывая положение ст. 1058 ГК РФ, согласно которому юридическое лицо обязано в полном объеме возместить вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей. Желаемого результата можно добиться путем ужесточения санкций гражданского и административного законодательства, а также с помощью более четкого урегулирования процессуальных норм.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.1994 № 52-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
3. Hendry I., Dickson S. British Overseas Territories Law. Second Edition. Oxford: Bloomsbury Publishing, 2018. 432 p.
4. Кондратов М. А., Медведев С. С. Преступления, совершаемые юридическими лицами в зарубежных странах и виды наказаний, применяемые к ним (системати-

зированный обзор зарубежной практики) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. № 108 (04), 2015. С. 891–903.

5. Кравец Ю. П. Об уголовной ответственности юридических лиц за преступления в сфере предпринимательской деятельности // Журнал российского права. 2004. № 6. С. 29.

6. Уголовный кодекс Франции от 22 июля 1992 г. // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: <https://constitutions.ru/?p=5859>.

7. Уголовный Кодекс Китайской Народной Республики от 14 марта 1997 года // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm>.

8. Кондратов М. А., Медведев С. С. Отражение проблемы об определении юридического лица как субъекта преступления в современном уголовном законодательстве России // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. № 108 (04). 2015. С. 107–119.

9. Келина С. Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ. Уголовное право: новые идеи. М., 1994. С. 50.

10. Бобкина Н. В. Юридическое лицо как субъект преступления // Молодой ученый. 2017. № 52. С. 135–137.

11. Weissmann A. Rethinking corporate liability / Andrew Weissmann, David Newman // Indiana Law Journal. 2007. Vo. 82, № 2. P. 411–451.

12. Дворецкий М. Ю. Уголовная ответственность юридических лиц в законодательстве Великобритании, США и РФ: проблемы теории и практики применения // Вестник ТГУ, выпуск 4 (96), 2011. С.303–310.

13. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / (отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев. М.: Контракт, 2017. 704 с.

УДК/UDC 641.05

Традиции питания в авраамических конфессиях

Обмоина Алевтина Владимировна

студентка факультета перерабатывающих технологий

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: alevtina699@mail.ru

Папикян Араксия Армановна

студентка факультета ветеринарной медицины

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: araxia.papikyan@yandex.ru

Папикян Татевик Армановна

студентка факультета перерабатывающих технологий

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: papikyan_tatev@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема современного питания, а также культуры питания, сложившиеся в авраамических религиях. Вопросы питания в большей или меньшей степени как элементы культа присутствуют во всех религиях. Это пищевые запреты и ограничения (посты), обычаи, традиции и другие предписания. Чаще всего предписания и запреты органично вписывались в систему уже сложившихся кулинарных традиций. Однако влияние религии в целом на особенности национальных кухонь является неоспоримым и значительным фактом. В данной работе представлены допустимые и запрещенные к употреблению продукты питания; отражены рекомендации к способам их кулинарной обработки, а также приведены существующие ограничения в пищевых продуктах во время соблюдения поста с учетом вероисповедания.

Ключевые слова: религия, еда, безопасность продуктов питания, халяль, кошерность, пост.

Food Traditions in the Abrahamic Faiths

Obmoina Alevtina Vladimirovna
student of the Faculty of Processing Technologies
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: alevtina699@mail.ru

Papikyan Araksiya Armanovna
student of the Faculty of Veterinary Medicine
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: araxia.papikyan@yandex.ru

Papikyan Tatevik Armanovna
student of the Faculty of Processing Technologies
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: papikyan_tatev@mail.ru

Abstract

This article deals with the problem of modern nutrition, as well as the culture of nutrition, prevailing in the Abrahamic religions. Nutritional issues are more or less present in all religions as elements of a cult. These are food prohibitions and restrictions (fasts), customs, traditions and other regulations. Most often prescriptions and bans organically fit into the system of already established culinary traditions. However, the influence of religion in General on the peculiarities of national cuisines is an indisputable and significant fact. This paper presents the permissible and prohibited food products; reflects the recommendations for methods of their culinary processing, as well as the existing restrictions in food during fasting, taking into account religion.

Key words: religion, food, food safety, halal, kosher, fasting.

Культура «представляет собой более сложную реальность, чем природа, человек, формируя культурный мир вокруг себя и в себе, опирается не только на природное начало, но и на разум, формируя религиозные, эстетические, нравственные и другие основания своей жизни»

[1].

Проблема современного питания является актуальной на сегодняшний день. Многие производители пищевых продуктов в погоне за удешевлением себестоимости выпуска товара применяют пищевые и технологические добавки, негативно влияющие не только на качество полученной продукции, но и на здоровье его потенциальных потребителей. Однако большинство из них обладают канцерогенными, мутагенными, тератогенными свойствами, вызывая нарушения пищеварительной, сердечно-сосудистой, репродуктивной и других систем в организме человека.

Возникает вопрос: является ли допустимым использование данных объектов при производстве продуктов питания с религиозной точки зрения?

С древних времен во многих религиях и народах сложились отчетливые убеждения о допустимых и недопустимых продуктах питания. Лишь спустя столетия становится понятно, что табу на использование некоторых продуктов основано не на простых предположениях, а на вполне весомых причинах, связанных с целью защитить организм от неблагоприятных последствий.

По моему мнению, значительное влияние в формировании вкусовых предпочтений и режимов питания различных народов оказали климатические особенности и географическое положение стран. Если проанализировать данные факторы, то можно отчетливо заметить, что народы, находящиеся в южных странах, предпочитают изобилие специй и приправ, что отлично помогает в жарких условиях продлить сохранность продуктов; северяне преимущественно питаются продукцией животноводства, что помогает им преодолевать стрессовые ситуации, связанные с суровым климатом; в рационе питания народов, проживающих вблизи морей и океанов, преобладают рыба и морепродукты.

«Общая тенденция состоит в рассмотрении новых форм поведения, навыков, знаний, которые не кодируются или кодируются генами (знаковыми системами) частично и передаются через поколения посредством механизмов обучения» [2]. Есть основания полагать, что культура имеет

природное происхождение.

Культура питания христиан. Предполагается, что еда последователей христианства должна быть настолько проста и сытна, чтобы человек мог, утолив голод и, тем самым, получив энергию, заняться богоугодными делами. Адепты данной религии могут подбирать рацион, основываясь на собственные вкусы и умеренность, так как особых запретов на принятие в пищу некоторых продуктов в христианстве нет. Однако все же существуют исключения, такие как запреты на употребление пищи, приготовленной из мертвого животного, а также блюд, в составе которых присутствует кровь животных.

Одной из главных составляющих христианской культуры питания является потребность поститься. В процессе соблюдения поста адепты данной религии в большей степени концентрируются на совершенствовании духовного начала, а также учатся обуздывать свои физические желания, питаясь растительной пищей. Несомненно, пост не является диетой. Это особое время, посвященное усердному служению Богу и усиленной молитве. В период зарождения христианства уходило много сил и времени на добычу и приготовление пищи животного происхождения. Отказ от мяса позволял освободиться от чрезмерных забот и переключить мысли на богоприятные дела.

Культура питания мусульман. Учения и идеология ислама жестко регламентируют мусульманскую культуру питания и выделяют, дозволенные и запрещенные к употреблению в пищу продукты питания.

К неразрешенным продуктам питания в исламе включают следующее: мясо «грязных» животных (к ним мусульмане относят свиней и ослов); пища, в составе которой, присутствует кровь; мясо любого животного, убитого не по правилам шариата; мясо хищников; мертвечина; мясо хищных птиц; мясо рыб, не имеющих чешуи; мясо рептилий; внутренности животных, а также спиртные напитки.

Догматами ислама регулируется процедура проведения убоя животного. Согласно им, перед рассечением сонной артерии животного забойщик обязан прочитать молитву. Кроме того, учения ислама утвер-

ждают, что животные должны быть выращены на экологическом корме, в котором исключено наличие гормональных, трансгенных и других добавок.

В начале и конце принятия пищи адепты ислама рекомендуют употреблять соль, так как она обладает бактерицидным действием.

Во время Рамадана — основного поста мусульман, который длится месяц, — запрещен прием пищи и питья от восхода солнца до заката [3].

Учитывая, что ислам преимущественно развит в странах с жарким климатом может показаться, что не есть и пить целый день опасно для здоровья, однако определенные категории людей, не способные соблюдать пост из-за угрозы здоровью (пожилые, несовершеннолетние дети, туристы, беременные и кормящие женщины и т. д.), освобождаются от данной обязанности. В последующем они должны восполнить соответствующее количество пропущенных дней.

Культура питания иудеев. В иудаизме регламентировано все: от выращивания до приготовления продуктов питания. Еда, которую может употреблять еврей, называется кошерной.

Кошерными могут называться парнокопытные, жвачные животные, а рыбы обязательно должны иметь чешую и лучевые плавники. Адепты иудаизма включают в рацион птицу только домашнего происхождения, кошерность которой подтверждена традициями.

Забой животных проводится религиозным евреем, прошедшим обучение. Перерезание сонной артерии, яремной вены и блуждающего нерва проводится одним моментальным и точным движением лезвия.

Так как догматами иудаизма недозволено употребление в пищу крови, животных мясо замачивается в воде, а затем посыпается крупной солью. Благодаря соли кровь выходит наружу и мясо требуется просто промыть.

Йом Кипур считается самым главным праздником и постом в иудаизме. Во время данного поста верующие евреи ограничены в принятии пищи и питья от захода солнца до появления звезд вечером следующего дня.

Хотелось бы отметить, что во всех представленных религиях прослеживаются заметные сходства в вопросах традиций питания. Например, общей целью соблюдения поста в христианстве, исламе и иудаизме является духовное совершенствование. Единым также следует считать щадящее отношение к животному во время убоя.

Есть основания полагать, что мудрость традиций питания носит интуитивный характер. Так, например, традиции начинать и заканчивать трапезу солью и обильное добавление специй в блюда в жарких странах возникли еще до того, как человечеству стало известно о микроорганизмах.

Из приведенных выше сведений следует, что наше здоровье неразрывно связано с тем, что мы едим. Обращение к религии в вопросах питания позволит в современных условиях не только сохранить здоровье организма, так как во всех представленных религиях прослеживается запрет на употребление в пищу продуктов, содержащих добавки, негативно влияющие на человека, но и укрепить духовно-нравственную составляющую, благодаря соблюдению поста.

Большой вклад в интеграцию, активизацию и творческий обмен национальных и этнических меньшинств вносит Кубанский государственный аграрный университет. Одной из главных направлений университета является обучение зарубежных студентов. КубГАУ сотрудничает с организациями из 18 республик и стран мира.

Для укрепления добрососедских отношений, культурного обмена и интеллектуального обогащения в университете ежегодно проводятся такие мероприятия, как «Венок Дружбы» и фестиваль Краснодарских клубов интернациональной дружбы, где угощают блюдами из различных кухонь мира.

Таким образом, питание и религия обладают взаимными двусторонними связями. В современных культурах религиозный фактор оказывает все более расширяющееся воздействие на систему питания. Дозволенность в потреблении еды «людей писания» в христианстве, иудаизме и зороастризме для мусульман и дозволенность еды мусульман для хри-

стиан, иудаистов и зороастристов, иными словами — для их совместной трапезы, создает в соответствии с правилом дружбы и безопасности основу, благодаря которой можно считать еду и совместную трапезу одним из важнейших компонентов и каналов установления взаимных связей и контактов между различными религиями.

Список литературы

1. Лугинина А. Г., Данилова М. И. Методология научных исследований в области культуры // Краснодар: Новация, 2018. С. 51.
2. Данилова М. И., Суховерхов А. В. Природные основания происхождения культуры // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 109. С. 608–623.
3. Новикова М. В., Султаева Н. Л., Галицкий В. В. К вопросу об особенностях питания приверженцев различных религиозных традиций // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 5 (43). С. 96–103.

УДК/UDC 17.021.1

Некоторые философские аспекты питания

Обмоина Алевтина Владимировна

студентка факультета перерабатывающих технологий

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: alevtina699@mail.ru

Папикян Араксия Армановна

студентка факультета ветеринарной медицины

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: araxia.papikyan@yandex.ru

Папикян Татевик Армановна

студентка факультета перерабатывающих технологий

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: papikyan_tatev@mail.ru

Аннотация

Условно человека можно представить как объединение двух начал — физического и духовного. Обе составляющие нуждаются в питании. Однако в какой зависимости эти две потребности находятся друг от друга? Не оказывается ли духовность ущемленной в своем развитии вследствие превознесения потребности организма в пище? Мы живем в эпоху большого продуктового изобилия. Высокая доступность, разрекламированность, ассортиментное разнообразие продуктов питания ставят человека в эмоциональную зависимость перед едой. Физической пище отводится высокая позиция в мыслях человека, позицию, которую по праву должны занимать размышления о познании самого себя и окружающего мира, размышления о становлении себя как эмоционально зрелой личности и выходе за пределы собственных узких интересов. В данной статье анализируется влияние пищи и ее потребления на духовное развитие человека, а также описывается один из возможных способов уменьшения этого воздействия.

Ключевые слова: духовность, потребности, духовное становление, питание, пища физическая, пища духовная.

Some Philosophical Aspects of Nutrition

Obmoina Alevtina Vladimirovna
student of the Faculty of Processing Technologies
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: alevtina699@mail.ru

Papikyan Araksiya Armanovna
student of the Faculty of Veterinary Medicine
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: araxia.papikyan@yandex.ru

Papikyan Tatevik Armanovna
student of the Faculty of Processing Technologies
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: papikyan_tatev@mail.ru

Abstract

Conventionally, a person can be represented as an union of two principles—physical and spiritual. Both components need to be powered. However, what is the relationship between that two needs? Is not spirituality impaired in its development due to the exaltation of the body's need for food? We live in an era of great food abundance. High availability, advertising, variety of food products put a person in an emotional dependence on eating. Physical food is given a high position in the thoughts of a person, a position that should be rightfully occupied by reflections on the knowledge of oneself and the world around us, reflections on the formation of oneself as an emotionally mature person, who is going beyond one's own narrow interests. This article analyses the impact of food and its consumption on the spiritual development of man and describes one of the possible ways to reduce this impact.

Key words: spirituality, needs, spiritual formation, nutrition, physical food, spiritual food.

Когда существует баланс, между духовным и материальным в человеке, то можно говорить о гармоничной личности. «Различать и клас-

сифицировать ценности можно по объективным характеристикам явлений, выступающих ценностями (материальные и духовные, большие и малые)» [1]. В последнее время материальные ценности преобладают над духовными, особенно это заметно в культуре питания и потребления пищи.

Питание — это жизненно важный процесс для организма человека, нет питания, нет и жизни. Человек является открытой системой, не способной существовать без восполнения жизненных сил извне. В живом организме постоянно происходит распад клеток, на смену которым синтезируются новые.

Однако, несмотря на значимость питания, современный человек сталкивается с проблемами несбалансированности питания (недостаток полноценных белков, витаминов, пищевых волокон, избыток полиненасыщенных жирных кислот и углеводов), нарушения режима и ритма питания, загрязнение пищи ксенобиотиками и контаминантами, употреблением заведомо вредных продуктов (фастфуд).

Решение проблем питания является важной задачей для человечества. Физическое существование человека напрямую зависит от питания. Но, рассматривая проблему питания с точки зрения духовного развития человека, какое же место следует ей отвести? Какое отношение к пище является истинно верным для поддержания гармонии между нашими физической и духовной составляющими?

В настоящее время остро встает проблема высокой озабоченности населения темой питания, что может оказывать существенное влияние не только на здоровье человека, но также и на его духовное состояние.

Пища, правильное питание, кулинария, анорексия, булимия, ожирение, диеты, здоровый образ жизни — это те понятия, которых современный человек даже при большом желании не сможет не коснуться. Социальные сети, телевидение, обсуждение в социуме — все это, так или иначе, приводит нас к вопросу масштабности темы питания. «Возможности человека в настоящее время расширяются и умножаются, но одновременно растут масштабы манипулирования сознанием, ведутся информа-

ционные войны, где все средства хорошо для достижения определенных целей» [2]. Это также касается «навязывания» определенных продуктов питания и питья в обществе массового потребления.

Питание является не просто процессом поддержания жизни и здоровья человека, качественного существования его физической оболочки, оно представляет собой в той или иной мере либо одну из причин духовной деградации человека, либо инструментом его духовного становления. В зависимости от осмысления места питания в своей жизни человек либо становится рабом идеи насыщения (а в некоторых случаях — идеи отказа от пищи), либо довольствуется частичным уравниванием физических и духовных потребностей, либо возвышает духовное «Я» за счет качественного удовлетворения нужд своего физического начала.

Диеты диктуют думать о пище. Никогда нельзя переесть, нужно следить за тем, что вы едите, одни продукты являются разрешенными, а другие запрещенными, нужно считать калории, белки, жиры, углеводы и т. д. Времени на «духовное» остается все меньше.

Идеология анорексии и булимии диктует думать о пище. Еда — это зло. Если вы съели, сорвались, значит, должны чувствовать вину. Угрызения совести, появление проблем со здоровьем, погоня за мнимым физическим идеалом опять же не оставляют сил на духовное развитие.

Проявления нестабильного эмоционального состояния побуждают нас думать о пище. Еда становится вкусным антидепрессантом, помогает отвлечься от неурядиц и проблем или просто поднять настроение. Конечно, все это можно сделать путем различных психологических приемов, самоанализа, переосмысления вещей и явлений вокруг. Но зачем так усложнять? Можно легко замаскировать гнетущие чувства кусочком торта или порцией мороженого, а может и не одной. Так можно сделать в этот раз, и в следующий, так как от зависимости нелегко избавиться. А где же место духовности? Однозначно не рядом с зависимостью.

Кулинарные программы, передачи про еду в разных уголках мира, праздники с широкими застольями, всевозможные рестораны и кафе быстрого питания — все это является неотъемлемой частью нашей жиз-

ни, где ключевым словом является «еда».

Какой же смысл нужно вкладывать в питание, чтобы не быть зависимым от него ментально? Как же уменьшить одержимость человека едой и темами, связанными с ней? В философии питания существует множество направлений, самым действенным из них для решения данной проблемы можно назвать метод интуитивного питания.

В 70-х годах XX века в США зародилась новая философия питания — философия интуитивного питания. За интуитивным питанием стоит большая философия о любви к себе и свободе выбора, о том, что лучшая диета — отсутствие таковой, и умный организм сам попросит, что ему нужно. Необходимо прислушиваться к своему организму, понимать его истинные потребности и больше доверять себе [3].

Смысл интуитивного питания в том, что чувство голода — единственное разумное основание для принятия пищи. Его подменяют социальные нормы и стереотипы. Когда человек съедает лишнее, вполне логичным результатом становится набор веса. Есть без чувства голода вредно для организма и фигуры. Но точно так же вредно терпеть это чувство. Если вы по-настоящему проголодались, нужно поесть. Если вы дождетесь момента, когда голод станет сильным, переедания не избежать. Добравшись до еды, вы съедите больше, чем нужно.

Интуитивное питание основано на отказе от внешнего контроля за питанием. Единственная инстанция, которая отныне будет определять, когда вам есть — ваше тело, а точнее, чувство голода [4].

Гармонизировать пищевое поведение — задача не столько поведенческая, сколько экзистенциальная. В первую очередь приходится вернуть себе самоуважение, научиться заботиться о себе без назойливого контроля и самонаказаний за ошибки, вернуть себе такие очевидные, казалось бы, права — сколько, что и когда есть, как двигаться, сколько весить — потому что только наше тело имеет право это определять [5].

Таким образом, следует оставить вопрос питания для нашей физической сути, очистить от них наш разум, оставив только знания о биологических нуждах организма накопленные путем обучения и самораз-

вития. Для лучшей основы духовного развития человека лучшим может быть только чистый разум. Разум, необремененный задачами постоянного удовлетворения нужд своего организма, может быть более открыт для таких аспектов духовности, как самопознание, самосовершенствование, определение своей роли в этом мире и ответственности перед грядущими поколениями, установление духовно-нравственных ценностей, и стремление к познанию и анализу культурных достижений человечества.

Список литературы

1. Философия: учебник / отв. за выпуск М. И. Данилова. Краснодар: Новация, 2017. 410 с. С.284

2. Данилова М. И. Социокультурные основания и механизмы манипулирования общественным сознанием в СМИ // Современные СМИ как отражение аксиологических ориентиров общества: материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. О. Е. Павловская. Краснодар: «Издательский Дом-Юг», 2018. С. 304. С 16.

3. Интуитивное питание: новая диета или способ есть все и худеть // Wday.ru. URL: <http://www.wday.ru/krasota-zdorovie/encyclopedia-zdorovia/intuitivnoe-pitanie-chto-eto-takoe/> (дата обращения 27.04.2019).

4. Интуитивное питание: все, что вы хотели знать // Psychologies. URL: <http://www.psychologies.ru/wellbeing/intuitivnoe-pitanie-vse-chto-vyi-hoteli-znat/> (дата обращения: 27.04.2019).

5. 10 настоящих принципов Интуитивного питания // Intueat. Центр интуитивного питания. URL: <https://intueat.ru/journal/10-nastoyashhih-printsipov-intuitivnogo-pitaniya/> (дата обращения: 27.04.2019).

УДК/UDC 343.1

Актуальные вопросы квалификации террористического акта

Погорелов Николай Анатольевич

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: ipos911@mail.ru

Аннотация

В нынешнее время терроризм является фактором глобального значения, с которым приходится считаться любому правительству. Степень его угрозы постоянно возрастает. Исполнители и организаторы применяют новые технологии и совершенствуют подготовки террористических актов, кроме того, в их руках оказываются рычаги идеологического, информационного и финансового влияния. Одним из факторов, способствующих развитию терроризма, является интернет. С его помощью в террористическую деятельность вовлекаются представители молодежи, что не может не вызывать тревогу у представителей власти. В Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года в качестве целей указаны защита основ конституционного строя, сохранение мира, стабильности путем совершенствования работы системы правоохранительных органов по выявлению и пресечению актов терроризма. Террористическая угроза в российской Федерации продолжает сохраняться и сегодня, а масштабы таких последствий всегда значительны.

Ключевые слова: террористический акт, квалификация, правоприменитель, совокупность преступлений, состав преступления.

Topical Issues of Qualifying a Terrorist Act

Pogorelov Nikolay Anatolyevich

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: ipos911@mail.ru

Abstract

At present, terrorism is a factor of global importance, which has to be considered by any government. The degree of his threat is constantly increasing. The executors and organizers apply new technologies and improve the preparation of terrorist acts, in addition, they are in their hands the levers of ideological, informational and financial influence. One of the factors contributing to the development of terrorism is the Internet. With its help, representatives of young people are involved in terrorist activities, which can not but cause concern among the authorities. In the National Security Strategy of the Russian Federation until 2020, the goals are to protect the foundations of the constitutional order, preserve peace and stability by improving the work of the law enforcement system to detect and suppress acts of terrorism. The terrorist threat in the Russian Federation continues to persist today, and the magnitude of such consequences is always significant.

Key words: terrorist act, qualification, law enforcer, set of crimes, corpus delicti.

Одной из мер, направленных на борьбу с терроризмом, является совершенствование уголовного законодательства и практики его применения. И изменения, связанные с совершенствованием антитеррористического законодательства, являются тому подтверждением. Кроме того, Верховный суд не раз затрагивал вопросы, связанные с квалификацией террористических преступлений.

Такая активная работа законодателей и правоприменителей не может не вызывать реакции в научных кругах. Возникает множество вопросов к следственной и судебной практике. Одним из самых распространенных является вопрос, связанных с квалификацией террористического акта. Научные основы квалификации терроризма, связанные с уточнением и разъяснением понятий «терроризм», «террористический акт» являются актуальными и значимыми для науки уголовного права. Чтобы верно применять нормы уголовного права, необходимо изучить теорию и разбираться в вопросах квалификации [1].

Квалификация преступления представляет собой установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотрен-

ного уголовно-правовой нормой. Основу квалификации представляет состав преступления. Для уяснения поставленных вопросов рассмотрим состав преступления подробно.

Все составы преступлений, связанные с осуществлением террористической деятельности расположены в гл. 24 «Преступления против общественной безопасности» и в разделе «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Родовым объектом являются общественные отношения, связанные с обеспечением состояния защищенности. Непосредственным объектом являются общественная безопасность. Но есть и иной подход к определению объекта преступления [2].

Он основан на понимании терроризма как многообъектного преступления, в рамках совершения которого вред причиняется общественной безопасности и работе органов власти, а также жизни и здоровью граждан. Однако выбор общественной безопасности в качестве непосредственного у многих вызывает вопросы. Под объектом преступления понимается совокупность общественных отношений, охраняемых законом, иными словами, то, на что направлено преступление [3].

В качестве непосредственного объекта выделяют общественную безопасность, дополнительного — жизнь, здоровье, собственность, общественный порядок. Общественная безопасность — это совокупность общественных отношений, связанных с обеспечением безопасности граждан. При этом, многие ученые склоняются к мнению, что нарушение общественной безопасности является единственным последствием указанного преступления, а дополнительных объектов не предусмотрено.

В составе террористического акта указана цель совершения преступления — это дестабилизация деятельности органов государственной власти и международных организаций, а также оказание давления на принимаемые ими решения. Учитывая, что цель преступления обозначена в самом составе и указывает на объект, то выходит, что в качестве объекта необходимо рассматривать безопасность государства, а одним из аспектов государственной безопасности является стабильность.

Также безопасность государства составляет государственный су-

веренитет. Суть государственного суверенитета заключается в том, что никто не должен вмешиваться в политические дела государства и ограничивать свободу принимаемых им решений. Исполнители террористических актов ставят своей целью именно оказание давления при принятии решений [4].

Объективная сторона рассматриваемого преступления связана в осуществлении взрывов, поджога и иных устрашающих действий, направленных на запугивание населения. Терроризировать — значит устрашать, запугивать и держать в состоянии страха. Опасность представляет собой возможность осуществления негативного воздействия, результатом которого может стать вред.

Любые умышленные действия, создающие опасность хотя бы для одного человека, такие как распространение эпидемии, затопление объектов, повреждение линии электропередач, или создающие угрозу наступления таких последствий, которая может быть выражена устно и публично.

Состав преступления является формальным и считается оконченным с момента совершения взрыва, поджога или выражения угрозы, т. е. фактического наступления вышеназванных последствий не требуется. Ущерб, причиненный имуществу, определяется с учетом его стоимости и значимости утраченных материальных ценностей, а также имущественного положения потерпевших. Под иными общественно опасными последствиями понимают причинение вреда здоровью, устрашение населения, массовые беспорядки, дезорганизацию деятельности органов государственной власти.

Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла и цели — лицо осознает общественно опасный характер своих действий и стремится их совершить с целью дестабилизации деятельности органов государственной власти и давления на них для принятия соответствующих решений.

Субъектом является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет [5].

Квалифицирующим признаком рассматриваемого состава преступления является причинение смерти в процессе совершения террористического акта. Сложность квалификации связана с тем, что при совершении террористического акта вред причиняется общественной безопасности и многим объектам уголовно-правовой охраны. Данный квалифицирующий признак был внесен в 2008 году [6].

Законодатель, внося такие изменения, полагал, что общественная безопасность подразумевает под собой причинение любого вреда, в том числе смерть. Однако на практике правоприменитель сталкивается с трудностями при разграничении террористического акта и убийства. Любое посягательство на жизнь должно иметь отдельную и самостоятельную юридическую оценку. Также неясно, как квалифицировать террористический акт, при котором смерть причиняется не одному, а нескольким потерпевшим?

В ст. 205 УК РФ нет такого квалифицирующего признака и правоприменитель при квалификации должен дать собственную правовую оценку. Ясность в данный вопрос не внести разъяснения Пленума Верховного суда РФ. Например, в постановлении «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указано, что, если при разбойном нападении произошло убийство, то деяние квалифицируется по совокупности преступлений [7].

В ходе квалификации часто возникают сложности при разграничении преступлений, предусмотренных ст. ст. 205 и 207 УК РФ. По данному спорному вопросу сложилось несколько позиций. Первая сводится к тому, что в отличие от заведомо ложного сообщения об акте терроризма угроза теракта включает в действия, образующих объективную сторону не только намерения, но и их реализацию: приобретение взрывчатого вещества, изготовление механизмов и устройств, совершение предупредительных действий. Например, Волгоградский областной суд принял отказ прокурора от обвинения по ст. 205 УК РФ и квалифицировал действия подсудимого по ст. 207 УК РФ, поскольку подсудимый отправил сообщение на портал Президента РФ, где высказал угрозу произвести

террористический акт, если ему не предоставят жилье. Проводя пере-квалификацию, суд указал, что подсудимый не имел намерения реально совершить террористические действия [8].

Согласно второй позиции, умысел преступника при осуществлении угроз направлен на то, чтобы его слова были восприняты реально. Например, подсудимый решил под угрозой совершения террористических действий выдвинуть политические требования, а для реализации угрозы приобрел автомат Калашникова и изготовил муляж взрывного устройства, поместив его в машину и прибыв на ней к зданию ФСБ на Лубянке в Москве. Предъявив устройство, он потребовал личной встречи с Президентом. Предъявленный макет был воспринят как реальный и действия подсудимого получили квалификацию по ст. 205 УК РФ [9].

В постановлении Пленума Верховного суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» указано, что действия участников незаконного вооруженного формирования, совершившего террористический акт, квалифицируются по совокупности преступлений [10].

Таким образом, Пленум склоняется к квалификации по совокупности преступлений. Однако в постановлении «О некоторых вопросах по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» отмечается, что при совершении террористического акта, повлекшего смерть потерпевшего дополнительная квалификация не требуется. Логика предложенных рекомендаций не вполне ясна. Степень общественной опасности причинения смерти намного выше, тем более, если при совершении террористического акта смерть причиняется сразу нескольким людям. Однако Пленум предлагает квалифицировать только по ст. 205 УК РФ. На наш взгляд, такие действия образуют совокупности преступлений, указанное положение требует внимания законодателя. Возможно, в ст. 105 следует внести дополнительный квалифицирующий признак, а из ст. 205 его исключить, или же разработать единые рекомендации и подходы, предусматривающие квалификацию по совокупности преступлений.

Список литературы

1. Габидуллин Э. С. Об основном непосредственном объекте посягательства террористического акта и террористической деятельности // Российский следователь. 2019. № 1. С. 42–46.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
3. Габдрахманов Р. Л. Квалификация террористического акта по УК РФ // Российский следователь. 2015. № 4. С. 16–20.
4. Наумов А. В. Российское уголовное право: В 3 т. М.: Федеральная палата адвокатов РФ, 2016. Т. 1: Общая часть. 768 с.
5. Алехин В. П. К вопросу об исполнителе в террористической деятельности // Общество и право. 2008. № 3. С. 148–150.
6. Алехин В.–П. Соучастие в террористической деятельности: монография. М.: Юристформ, 2009. 208 с.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
8. Приговор Волгоградского областного суда от 14 марта 2017 г. // Архив решений судов общей юрисдикции на сайте «Консультант Плюс». URL: <http://soj.consultant.ru>.
9. Определение Верховного Суда РФ от 26 декабря 2002 г. № 5-О02-257 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
10. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

УДК/UDC 347

Основные черты механизма реализации норм непосредственного применения в Российской Федерации и в зарубежных странах

Порожняк Майя Владимировна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: nenastoyashchiy2026@mail.ru

Аннотация

В настоящее время необходимость применения сверхимперативных норм получает все большее признание со стороны международного сообщества, что находит выражение во включении данной категории норм в национальные акты различных государств, а также в международные договоры. Вместе с тем при применении сверхимперативных норм возникает множество вопросов, требующих рассмотрения: о сфере применения, обратной силе сверхимперативных норм, соотношении таких норм с нормами международных договоров. Кроме того, в статье рассматривается вопрос взаимодействия коллизионных и императивных норм, а также выделены два критерия, согласно которым нормы можно отнести к сверхимперативным. Особое внимание уделяется соотношению сверхимперативных норм и публичного порядка. Применение сверхимперативных норм имеет существенные особенности. Решение вопроса о применении таких норм зависит от того, к какой категории относится соответствующая сверхимперативная норма. Автор отмечает, что негативное воздействие на правоприменительную практику оказывает отсутствие законодательного закрепления понятия и признаков категории сверхимперативных норм.

Ключевые слова: императивные нормы, международный договор, публичный порядок, коллизионная норма, автономия воли сторон.

The Main Features of the Mechanism of Implementation of the Norms of Direct Application in the Russian Federation and in Foreign Countries

Porozhnyak Maya Vladimirovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: nenastoyashchiy2026@mail.ru

Abstract

At present, the need to apply super-imperative norms is increasingly recognized by the international community, which is reflected in the inclusion of this category of norms in national acts of various states, as well as in international treaties. At the same time, the application of super-imperative norms raises many questions that require consideration: the scope of application, the reciprocal of the force of super-imperative norms, the relationship of such norms with the norms of international treaties. In addition, the article discusses the issue of interaction between collisional and imperative norms, and also highlights two criteria according to which the norms can be attributed to hyper-imperative ones. Special attention is paid to the differences between superamptive norms and public order. The author comes to the conclusion that the use of superamptive norms has significant features compared to the use of other categories of norms. It is concluded that the decision on the application of such norms depends on which category the corresponding supereperative norm belongs to. The author notes that a negative impact on law enforcement practice also has a lack of legislative consolidation of signs and the concept of progressive norms.

Key words: imperative norms, international agreement, public policy, conflict of laws rule, autonomy of the will of the parties.

Концепция «сверхимперативных норм» была разработана в середине XX в. и на сегодняшний день получила закрепление как в национальном законодательстве, так и в международных договорах. Гражданский кодекс Российской Федерации в п. 1 ст. 1192 [1] предусматривает, что правила шестого раздела третьей части не затрагивают действия

императивных норм и не ограничивают возможность их применения. Иной подход можно встретить в законодательстве, например, Доминиканской Республики, в соответствии с которым применение императивных норм в сфере международных частноправовых отношений ограничивается. В законодательстве Российской Федерации и иных зарубежных стран предусмотрена возможность применения судом императивных норм иностранного права, близкого к частноправовому отношению [2].

Согласно Гражданскому кодексу, сверхимперативные нормы применяются в случаях указания на их применение, а также ввиду особого их значения. Таким образом, речь идет не о российских нормах частного права, а о нормах, действующих помимо его в сфере международного частного права независимо от коллизионных норм, по сути, устрояя их.

Взаимодействие коллизионных и императивных норм является не только теоретическим вопросом, с ним часто сталкиваются и на практике. Коллизионная норма используется юрисдикционными органами для решения вопроса о том, право какого государства подлежит применению. Правовая доктрина зарубежных государств сходится во мнении, что существуют «сверхимперативные» нормы, не являющиеся частью публичного порядка, которые действуют независимо от коллизионных норм, иногда и вовсе ограничивая их действие.

Идея приоритета «сверхимперативных» норм нашла отражение в Гаагской конвенции о праве применимом к режиму собственности 1978 года и во многих других международных актах, регулирующих частноправовые отношения. В частности, Регламент Европейского парламента и Совета от 17 июня 2008 года «О праве, применимом к договорным обязательствам» установил преобладание императивных норм.

Выделяют два критерия, согласно которым нормы относятся к сверхимперативным. Первый связан с указанием на сверхимперативную норму в самой норме, второй обозначается формулировкой «особое значение», который позволяет отнести к правилам такого рода гражданско-правовые установления, которые несмотря на частный характер связаны с публичными интересами и выступают в качестве публичных начал в

частном праве.

Например, к таким правилам могут относиться положения о свободном перемещении товаров, услуг и финансовых средств по территории Российской Федерации или положения о сроках исковой давности. В Гражданском кодексе к числу таких норм были отнесены положения о пределах осуществления гражданских прав, о недействительности сделки, о свободе договора [3].

В зарубежной юридической литературе к «сверхимперативным» нормам причисляются правила об исковой давности, защите прав потребителей, о форме сделок, об антимонопольном законодательстве и о защите слабой стороны договора [4].

Применяются нормы с целью защиты общественно-значимых интересов слабой стороны, правовой природой — они являются своего рода пограничными между нормами частного и публичного права: нормы частного права являются продолжением публичных отношений, публичные нормы воздействуют на частноправовые отношения.

Устранить применение рассматриваемых норм невозможно ни действиями суда, ни выбором права сторонами, поскольку сам механизм данной нормы применяется до установления правопорядка и представляют собой преобладающие императивные положения, ограничивающий действие коллизионной нормы [5].

С появлением сверимперативной нормы все чаще можно столкнуться с мнением о преобладании данных норм над концепцией публичного порядка, однако, на наш взгляд, произошла не замена, а раскрытие правовой природы концепции публичного порядка.

Признания необходимости применения сверимперативных норм носит повсеместный характер и относится как к договорным правоотношениям, так и к трансграничным частно-правовым, так и внедоговорным, брачным, семейным и наследственным, также сверхимперативные нормы применяются к корпоративным отношениям и в сфере защиты прав интеллектуальной собственности [6, с. 322–341].

Сверхимперативные нормы тесно связаны с публичным порядком,

однако они различаются по содержанию: сверхимперативные носят более конкретный характер и являются предписаниями, а в состав публичного порядка входят принципы и общественные устои.

Также имеются отличия и в механизме действия: сверхимперативные нормы применяются до установления компетентного порядка, а обращение к оговорке применяется после избрания иностранного права как регулятора общественных отношений.

При обращении к оговорке оцениваются последствия применения иностранного права, сверхимперативные нормы в этом плане устраняют действие иностранного права, даже если его содержание имеет сходство с отечественной нормой права.

Как и любые другие нормы права, сверхимперативные нормы подвержены частым изменениям, в свою очередь, публичный порядок более устойчивая категория, его изменения связаны с коренными преобразованиями в праве.

Действие сверимперативных норм направлено на защиту интересов государства, обеспечение его безопасности, прав и свобод его граждан, реализацию ключевых интересов различных сфер жизни общества.

При анализе судебной практики выявляются такие проблемы как отсутствие объяснений суда, чем он руководствуется при применении сверимперативных норм. Как правило, суды только цитируют положения, не приводя оснований для их применения [6, с. 250–261]. Также суды не отличаются единообразием судебной практики при разрешении вопроса о применении положений сверимперативных норм.

При этом судебная практика не может в одиночку решить проблемы применения сверимперативных норм — здесь важна судебная доктрина. Ее положения содержатся в источниках УНИДРУА, а также в различных договорах [7].

Несмотря на закрепление в документах возможности применения сверимперативных норм, они не предусматривают признаков, позволяющих установить предписания и дефиниции — такая ситуация связана с наличием различных подходов при разрешении вопроса применения

сверимперативных норм в различных странах.

Негативное воздействие на правоприменительную практику также оказывает отсутствие законодательного закрепления признаков и понятия сверимперативных норм. Кроме того, на практике часто оказывается, что российские судьи не подготовлены к решению данного вопроса. Как следствие, возникает необходимость решения проблемы путем единообразия судебной практики — это, в свою очередь, требует разъяснений Верховного Суда Российской Федерации. В частности, в таких разъяснениях следует указать, что отсутствие оговорки в тексте сверимперативной нормы о ее применении еще не является основанием для отказа в ее признании.

Концепция сверимперативных норм развивается и сегодня, появляются нормы, имеющие «наднациональное» происхождение, являющиеся следствием имплементации Директив Европейского Союза в законодательство его членов.

Сфера применения императивных норм расширяется, что вызывает необходимость их применения не только к договорам, но и к иным частноправовым отношениям.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Российская газета. 2001. № 238–239.
2. Об имплементации расширенного сотрудничества в сфере юрисдикции, применимого права, признания и исполнения решений по вопросам режима имущества супругов: Регламент № 2016/1103 Совета Европейского Союза (Принят в г. Люксембурге 24.06.2016) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
3. Межамериканская конвенция о праве, применимом к международным контрактам (Заключена в г. Мехико 17.03.1994) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
4. Конвенция о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров [рус., англ.] (Заключена в г. Гааге 22.12.1986) // Розенберг М. Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996. С. 209–220.

5. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова. М., 2002 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

6. Международное частное право: Иностранное законодательство / предисл. А.Л. Маковского; сост. и научн. ред. А. Н. Жильцов, А. И. Муранов. М.: Статут, 2000. 892 с.

7. Конвенция о праве, применимом к агентским соглашениям (Заключена в г. Гааге 14.03.1978) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

УДК/UDC 343

Административный прецедент в системе источников административного права: проблемы теории и практики

Прилипко Андрей Геннадьевич

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

Суховеров Константин Александрович

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

Аннотация

В данной работе были рассмотрены основные теоретические проблемы признания административного прецедента как источника права в системе источников административного права. Была рассмотрена проблема определения понятия и сущности административного прецедента как источника права. В ходе исследования данной темы было определено отношение административного прецедента к специальным правовым положениям, которые имеют структуру нетипичных нормативных предписаний, которые в своей структуре содержат элементы правовой нормы и в которых содержится сущность решения той специфической ситуации, куда и направлено действие и создание данного административного прецедента. Был установлен факт интеграции административных прецедентов в практику правоприменения уполномоченными государственными органами и гражданами.

Ключевые слова: административное право, административный прецедент, источник права, источники административного права, правоприменительная практика.

Administrative Precedent in the System of Sources of Administrative Law: Problems of Theory and Practice

Prilipko Andrey Gennadyevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

Sukhoverov Konstantin Aleksandrovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

Abstract

In this paper, the authors examined the main theoretical problems of recognizing administrative precedent as a source of law with a system of sources of administrative law. The problem of defining the concept and essence of administrative precedent as a source of law was considered. During the study of this topic, the relation of administrative precedent to special law cases, which have a structure of atypical regulatory prescriptions, which in their structure contain elements of the legal norm, and also contains the essence of the solution of the specific situation on which the action and creation of this administrative precedent and directed. The fact of the integration of administrative precedents into the practice of law enforcement by authorized state bodies and citizens was established.

Key words: administrative law, administrative precedent, source of law, sources of administrative law, law enforcement practice.

Поскольку в нынешней отечественной юридической науке доминирует позиция относительно принадлежности российской правовой системы к романо-германской правовой семье, то остаются незатронутыми различные вопросы касательно признания юридического, в частности административного прецедента как источника права.

В романо-германской правовой системе, а также в системе социалистического права, к которой относили ранее правовую систему СССР,

категорически отрицают признание правового обычая и прецедента, в отличие от стран с англосаксонской правовой моделью [1].

На сегодняшний день в контексте усиления глобальных интеграционных процессов, которые непосредственным образом сказываются и на развитии и взаимодействии ранее отличных друг от друга правовых систем, становится все менее очевидным отрицание правового обычая и прецедента в странах с романо-германской правовой системой, в том числе и РФ.

Судебные решения по аналогичным делам формируют судебный прецедент, который уже продолжительное время является предметом споров в отечественной научной периодике последних лет в вопросах отнесения его к полноценному, самостоятельному, формально определенному источнику права.

В данном контексте стоит отметить, что проблема признания административного прецедента источником права не имеет комплексного научного анализа и советующих исследований, несмотря на то что данный вопрос так или иначе упоминается при составлении и классификации перечня источников права, также были даны различные авторские определения и конкретизированы специфические признаки.

Для конкретизации теоретического аспекта по данному вопросу стоит обратиться к ретроспективе данного вопроса. Первое упоминание о формировании административной практики по отдельным случаям относится к Киевской Руси. Административные прецеденты на данном этапе представляли собой обобщение правоприменительной практики, которые потому преобразовывались и становились равными по своей значимости норме права [2].

В послереволюционный период комиссары Временного правительства, комитеты рабочего контроля, а также народные комиссариаты вели общегосударственный контроль и иные органы создавали административный прецедент, однако его значение на данном этапе было крайне незначительным, поскольку доктрины социалистического права категорически исключала возможность создания и развития прецедентной си-

стемы права.

Органы государственного администрирования и их структура с течением времени развиваются и изменяются, в то же время при различных жизненных ситуациях, при выявлении в процессе их разрешения в силу отсутствия законодательного регулирования тех или иных вопросов, которые возникают на практике, соответствующие органы в пределах их компетенций формируют соответствующее решение вопроса, которое может в последующем стать общеобязательным и нести в себе определенные модели поведения, которые выражаются в форме административного прецедента.

Сущность административного прецедента заключается в создании определенной правовой модели поведения органом исполнительной власти по конкретному делу, которое в дальнейшем будет использовано как образец при рассмотрении схожих дел. В подобной форме, а также в виде акта по толкованию конкретизации законодательства административный прецедент позитивно сказывается на систематизации правоприменительной практики и создает возможность для наиболее оптимального разрешения отдельных жизненных ситуаций в условиях отсутствия или недостаточности правовой регламентации.

В силу того, что законодатель не может регламентировать все общественные отношения, возникает ситуация, при которой органы оперативного реагирования принимают соответствующие правовые решения в тех или иных случаях с целью устранения правовых пробелов, а также улучшения правоприменительной практике при недостаточной регламентации.

Правоположение, которое возникает в процессе деятельности компетентных органов, продолжительный период времени является предметом споров в юридической науке. С. С. Алексеев в своих работах высказывает точку зрения, что правовоположениями являются определенные решения, которые носят типовой характер и конкретизируют содержание правовых норм в контексте содержания прав и обязанностей участвующих субъектов [3]. Ключевым моментов в формировании правовоположе-

ния является выход за пределы правосознания и внешнее выражение в актах правоприменительных органов. Исходя из этого С. С. Алексеев резюмирует, что правоположения являются «специфическими правовыми явлениями», которые представляют собой нормы, находящиеся между субъектным правосознанием и нормой права.

Весьма актуальной позиции придерживается В. В. Лазарев, который классифицирует правоположения на конкретизирующие, разъяснительные и те, которые способствуют устранению пробелов в праве [4]. Как отмечает автор, при подобном разграничении общим является поднормативный характер, а также условия самостоятельности действия.

По мнению ряда авторов, правоположения, которые создаются в силу однородного характера правоприменительной практики и авторитета правоприменительного органа, приобретают силу юридического прецедента, для которого свойство прецедентности исходит из преюдициального характера решений, которые были ранее в правоприменительной практике [5].

Так, позиции Н. Н. Волненко и В. В. Лазарева едины в плане определения основной задачи административного прецедента. В качестве основной задачи является создание определенных правил поведения, целью которых является соответствующих правил для целей регулирования общественных отношений [6].

Правоположения могут содействовать оперативному разрешению споров, поскольку административный прецедент представляет собой концентрированное выражение юридической практики в сфере исполнительной власти.

К административным прецедентам можно отнести акты государственных органов, которые содержат положения, не характерные для признаков правовых актов. Определенные ситуации требуют создания административного прецедента или обращения к нему для того, чтобы устранить определенные правовые трудности правоприменительной практики, также в силу наличия значимого социально-политического контекста той или иной ситуации.

Таким образом, административные прецеденты можно отнести к специальным правовым положениям, которые имеют структуру нетипичных нормативных предписаний, которые в своей структуре содержат элементы правовой нормы, а также в которых содержится сущность решения той специфической ситуации, на которую действие и создание данного административного прецедента и направлено. Административные прецеденты интегрируются в практику правоприменения уполномоченными государственными органами, гражданами и содержат в себе рекомендации оптимального правового решения конкретной жизненной ситуации, носят характер образца разрешения и урегулирования правовых споров.

Список литературы

1. Надежин В. И. Эволюция правовой системы в России (советский и постсоветский периоды): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2006. 226 с.
2. Чернов Ю. И., Салова К. О. Гражданско-правовые и административно-правовые аспекты создания и развития в России системы «Антиплагиат» // Власть закона. № 4 (32). 2017. С. 162–169.
3. Алексеев С. С. Теория права. М.: Издательство БЕК, 1995. — 320 с
4. Архипов С. И., Белканов Е. А., Берг Л. Н. и др. Проблемы правопонимания: коллективная монография по результатам III Алексеевских чтений. Екатеринбург, 2018. 276 с.
5. Жеребцов А. Н., Павлов Н. В. Вопросы сущности и правоприменительного значения административной практики // Lex Russica. № 3 (148). 2019.
6. Лазарев В. В. Нормативная природа судебного прецедента // Журнал российского права. 2012. № 4 (184). С. 92–99.

УДК/UDC 343

О принципах административного процесса

Прилипко Андрей Геннадьевич

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

Суховеров Константин Александрович

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

Аннотация

В данной работе были рассмотрены ключевые принципы административного процесса. В ходе работы была использована классическая классификация принципов административного процесса, а именно деление на общую и специальную группу принципов. Были проанализированы такие основные принципы административного процесса как принцип процессуального равенства, принцип законности, принцип компетентности. Рассмотрен ряд основных специальных принципов административного процесса, которые определяют сущность и специфику административного процесса. В данной связи было особо отмечено принцип экономии и быстроты, который отчетливо характеризует определенные преимущества административного процесса, в данном контексте также было отмечено, что экономичность и быстрота не должны противоречить интересам сущности того или иного дела, также не должны являться факторами, которые повлияют на принятие обоснованного решения.

Ключевые слова: административное право, административный процесс, принцип законности, принцип экономии и быстроты.

On the Principles of the Administrative Process

Prilipko Andrey Gennadyevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

Sukhoverov Konstantin Aleksandrovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

Abstract

This paper examined the key principles of the administrative process. In the course of the work, a classical classification of the principles of the administrative process was used, namely, the division into general and special groups of principles. There were analysed such basic principles of the administrative process as the principle of procedural equality, the principle of legality, the principle of competence. A number of basic special principles of the administrative process, which determine the nature and specifics of the administrative process, are considered. In this regard, the principle of economy and speed, which clearly characterizes certain advantages of the administrative process, was highlighted, in this context it was also noted that efficiency and speed should not contradict the interests of the essence of a particular case, and should not be factors that affect the adoption reasonable decision.

Key words: administrative law, administrative process, principle of legality, principle of economy and speed.

Исходя из положений действующего законодательства и анализа практики правоприменения различных органов исполнительной власти можно выделить принципы административного процесса и классифицировать данные принципы на две основные группы:

- 1) основополагающие, ключевые принципы, определяющие вектор развития соответствующего законодательства и правоприменительной практики;
- 2) специальные нормы, которые характерны только для отдель-

ных положений и регламентируют деятельность органов исполнительной власти.

К первой категории принципов можно отнести принцип законности, положения о котором закреплены в ст. 15 Конституции РФ [1]. Сущность данного принципа заключается в определении порядка деятельности публично-правовых субъектов, к которым и относятся органы исполнительной власти и их должностные лица, исключительно действующим законодательством. Принцип защиты прав человека и гражданина связан с возложенными на государство обязанностями по соблюдению прав, свобод и законных интересов частноправовых субъектов [2]. Поскольку указанная ранее обязанность возложена на государство, соответствующие положения распространяются и на соответствующие органы, а также их должностных лиц. Во многих аспектах с данным принципом связан принцип защиты интересов государства. Во многом потому, что основной целью государственной деятельности в сфере управления является разработка и реализация целенаправленной политики. Исходя из этого, органы исполнительной власти при реализации административно-процессуальных процедур должны соблюдать баланс частных и публичных интересов в своей деятельности.

Далее рассмотрим один из наиболее значимых принципов административного процесса, а именно принцип процессуального равенства сторон. Данный принцип заключается в равенстве участвующих в процессе субъектов перед законом, а также в предоставлении им соответствующих равных взаимных прав и обязанностей. Данный факт предполагает целесообразное использование участвующими субъектами этих прав и обязанностей в ходе административного судопроизводства. Частные субъекты в лице граждан и организаций обладают аналогичными правами, что и публичные субъекты. На органы исполнительной власти возложена обязанность по предоставлению возможности представлять свои объяснения и доказательства, а также надлежащим образом и своевременно рассматривать жалобы и обращения сторон [3]. В данном контексте стоит отметить, что в процессе реализации прав участников

административного процесса отвечает сразу двум целям: данные меры способствуют реализации как частных, так и публичных интересов.

Весомое положение в системе принципов административного процесса занимает принцип компетентности. Сущность данного принципа заключается в том, что публичные субъекты в лице органов исполнительной власти и их должностных лиц вправе совершать исключительно те процессуальные действия, которые определены его полномочиями соответствующим законодательством [4]. В данной связи стоит отметить, что рассматриваемый принцип непосредственно связан с принципом подведомственности. В КоАП РФ регламентирован круг органов и должностных лиц, которые уполномочены рассматривать дела об административных правонарушениях, также в нормах КоАП РФ определена компетенция конкретного органа, к которой отнесено рассмотрение определенных категорий дел [5].

Далее рассмотрим вторую категорию принципов: те принципы, которые по своему характеру и содержанию относятся к специальным. Один из наиболее значимых принципов — принцип беспристрастности административного процесса, который заключается в том, что орган исполнительной власти в ходе административного процесса не должен защищать интересы какого-либо из участвующих субъектов.

Принцип доступности административного процесса заключается в том, что каждый из участвующих субъектов может беспрепятственно участвовать в административном процессе, а также совершать определенные процессуальные действия.

Следующий принцип можно отнести как к группе общих принципов, так и к специальным — принцип достижения объективной истины. Сущность данного принципа заключается в объективном исследовании обстоятельств, доказательств в рамках конкретного административного дела, для того чтобы наиболее полно и объективно было определено фактическое положение вещей и последующее принятие законного и обоснованного решения.

Ключевое значение для реализации целей административного про-

цесса является принцип экономичности и быстроты. Данный принцип предполагает реализацию административного процесса в условиях достижения максимально коротких сроков, а также минимальных расходах. На сегодняшний день законодатель регламентировал достаточно сжатые сроки для разрешения административных дел с участием частных субъектов. Например, согласно положениям Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ лицензирующий орган должен принять решение о предоставлении лицензии в срок, который не превышает шести дней со дня поступления заявления о предоставлении лицензии со всеми необходимыми документами [6].

Экономичность и быстрота не должны противоречить интересам сущности того или иного дела, а также не должны являться факторами, которые повлияют на принятие обоснованного решения.

В заключение стоит отметить, что развитие процессуального законодательства является одним из ключевых векторов осуществления основного принципа правового государства, а именно подчинения власти. Данный аргумент является весьма весомым в контексте существования административного процесса как самостоятельного вида юридической деятельности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Гринь Е. А. Способы защиты прав при изъятии земельного участка для государственных и муниципальных нужд. // Современная научная мысль. 2015. № 5. С. 138–145.

3. Курдюк Г. П., Чернов Ю. И. Взаимосвязь административно-деликтного и уголовного процессов (вопросы общей и отраслевой теории): монография. Краснодар: Эпомен, 2018. 116 с.

4. Жеребцов А. Н., Павлов Н. В. Административная правоприменительная практика: теоретический и практический аспекты: монография. М.: Юстицинформ, 2018. 168 с.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

6. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ // Российская газета. № 97. 06.05.2011.

УДК/UDC 343.2

Отличие предмета преступления от средства и орудия совершения преступления

Репухова Дарья Андреевна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: repukhovadar@gmail.com

Аннотация

Автор данной статьи обращает внимание на необходимость разграничения предмета преступления от средства и орудия преступления. Для этого в статье приведен анализ мнений различных ученых, который показал, что на данный момент нет единого понимания предмета, средства и орудия преступления, в этом заключается актуальность выбранной автором темы. В статье отмечается, что информация может выступать и как орудие преступления, и как средство совершения преступления, и как предмет преступления. Также в статье приводится судебная практика, касающаяся правильного определения предмета, орудия и средства преступления. В конце автор просит не пренебрегать значением предмета, орудия и средства преступления, так как учет данных признаков объективной стороны преступления помогает правильно и справедливо назначить наказание за совершенное преступное деяние, с учетом всех отягчающих и смягчающих обстоятельств.

Ключевые слова: предмет преступления, орудие преступления, средство преступления.

The Difference Between the Object of a Crime and the Means and Instrument of a Crime

Repukhova Darya Andreyevna

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: repukhovadar@gmail.com

Abstract

The author of this article draws attention to the need to distinguish the object of crime from the means and instruments of crime. For this, the article provides an analysis of the opinions of various scientists, which showed that at the moment there is no common understanding of the object, means and tools of crime, this is the relevance of the topic chosen by the author. The article notes that information can act both as an instrument of crime, and as a means of committing a crime, and as the object of a crime. The article also provides court practice regarding the correct definition of the object, instrument and means of crime. In the end, the author asks not to neglect the value of the object, instrument and means of crime, since taking into account these signs of the objective side of the crime helps to correctly and fairly set the punishment for the committed criminal act, taking into account all aggravating and mitigating circumstances.

Key words: object of a crime, instrument of a crime, means of a crime.

Актуальность данной темы заключается в том, что до настоящего времени она имеет дискуссионный характер. Правильное понимание предмета преступления способствует четкому пониманию о непосредственном объекте общественно опасных посягательств, а также позволяет сделать верное различие между предметом, средством и орудием преступления.

Если говорить о предмете преступного посягательства, то ученые не могут прийти к одному определению, так как у каждого имеется свое понимание. Так, по словам Н. А. Беляева, предметом будет являться элемент преступного деяния, воздействуя на который, преступник нарушает или пытается нарушить общественные отношения [1]. Это более узкое по объему толкование данного понятия, так как из него невозможно определить, что это за элемент, какие признаки ему присущи и как вообще законодатель фиксирует его в процессе законотворчества. Теория уголовного права считает, что предметом выступают материальные вещи, но никак не действия субъектов общественных отношений.

Н. И. Коржанский в своих работах приводит более лаконичное и более точное определение предмета общественно опасных посягательств.

Под ним ученый понимает конкретную материальную вещь, которая обладает свойствами объекта преступления, на который оказывается физическое или психологическое воздействие, тем самым причиняется социально-опасный вред общественных отношений [2]. То есть можно сказать, что Н. И. Коржанский в своем определении исключает такие элементы, как субъекты общественных отношений и их деятельность.

Еще одно понятие предмета преступления приводит С. Ф. Кравцов. Он пишет, что данный феномен является вещественным элементом общественных отношений, указанный или подразумеваемый в уголовном законе, путем воздействия на который совершается посягательство на объект преступного деяния [3].

М. П. Бикмурзин отмечает в своих трудах, что предметом общественно опасного деяния выступает указанный в уголовном законе объект материального мира или информация, с помощью создания которых виновный осуществляет преступление [4]. В данном определении подчеркивается, что не только вещи, но и информация могут выступать в качестве предмета преступлений. В частности, К. В. Степанова в своей научной работе отмечает, что информация может быть получена, оценена, похищена или уничтожена [5].

Предмет преступления, помимо перечисленных свойств, также обладает и аксиологическими свойствами. Это значит, что он охватывает устойчивые представления о благах, объектах, которые значимы для человека.

К. В. Степанова обращает внимание на то, что ученые до сих пор не пришли к единому пониманию предмета преступлений [6]. Одно можно сказать точно, от правильного установления предмета и объекта, на который он действует, зависит правильная квалификация содеянного.

В ст. 228 УК РФ предметом преступления будут являться наркотические и психотропные вещества, а объектом – общественные отношения, охраняющие здоровье [7]. Так, в судебной практике имеются случаи, когда были осуждены и приговорены к реальному наказанию ветеринары за сбыт психотропного вещества (кетамин). Например, приговором

Сузунского районного суда Новосибирской области 23 апреля 2007 г. по ч. 1 ст. 228 УК РФ был осужден Б. за хранение и перевозку с целью сбыта (выполнения инъекции собаке) психотропного вещества — кетамина [8]. Но в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [9], если лицо приобретает незаконное психотропное вещество в целях лечения животных, то в его действиях будут отсутствовать признаки состава преступления, то есть он не будет подвержен уголовной ответственности за сбыт незаконных психотропных веществ. Необходимо отметить, что решение в отношении Б. было отменено Верховным судом РФ, за отсутствие состава преступления. Данный пример показывает, что для определения элементов состава преступления необходимо применять правильное толкование предмета и объекта преступления, а также четко понимать с помощью какого предмета и на какой объект посягает деяние. Да, кетамин является психотропным веществом, однако Б. его приобрел для оказания помощи животным, то есть действия Б. не были направлены на общественные отношения, связанные со здоровьем населения.

Также точное понимание о предмете имеет важное теоретическое и практическое значение, для ограничения его от орудия и средств совершения преступления.

Толкование средства и орудия совершения преступления также содержит некоторые проблемы понимания. Зачастую данные термины могут заменять друг друга, поскольку имеют достаточно схожие определения. Однако в юридической науке средство и орудие имеют четкое различие.

Многие правоведы ограничивают круг объектов, которые могут выступать в качестве средств совершения преступных посягательств. Так, В. Н. Кудрявцев относит к средствам преступления только вещи, которые преступник использовал для воздействия на объект и (или) предмет преступления [10]. В. А. Наумов поддерживает данное определение,

добавляя лишь, что не только вещи, но и физические процессы могут выступать в качестве средства преступления.

В. Н. Гуров считает, что средства преступления не имеют значения для определения состава преступления, но являются значимыми для доказательства вины субъекта преступления [11].

В. Б. Малинин считает, что различие понятий средства преступления обусловлено тем, что в уголовном праве само понятие средства применяется в двойном смысле [12]. С одной стороны, это все, что помогает достичь поставленную цель. А с другой стороны, средство — это вещи материального мира, находящиеся во владении субъекта преступного посягательства, используемые им при совершении воздействия на объект преступления. В работах К. В. Степановой можно найти подтверждение слов В. Б. Малинина, так примером первого случая будет выступать информация, так, преступник с помощью сведений, носящих угрожающий характер, подавляет волю потерпевшего, тем самым обеспечивает себе достижение преступной цели. Как пример второго случая можно выделить оружие, с помощью которого преступник воздействует на потерпевшего для осуществления своей преступной задумки [13].

С. А. Яшков считает, что средство совершения преступлений выступает не только в форме вещей материального мира, но еще и в форме приемов, методов и способов совершения преступного посягательства. Орудием преступления С. А. Яшков называет непосредственно предметы материального мира, в качестве которых чаще всего выступают оружие, нож, топор, отмычка и тому подобное [14].

В. П. Ревин в своих работах закрепляет, что орудием преступного деяния выступают предметы, приспособления и вещества, а также транспортные средства, при помощи которых осуществляется преступление [15].

Таким образом, понятие средства совершения преступления значительно шире определения орудия совершения преступления, поскольку она включает не только предметы и приспособления, но и приемы и способы осуществления преступного деяния.

В большинстве случаев, средства и орудия совершения преступления повышают степень общественной опасности преступных посягательств, из-за чего выступают в качестве квалифицирующих признаков или в качестве отягчающих обстоятельств. Так, если при разбое были применены оружия или предметы, которые использовали в качестве орудий, то данное преступление влечет квалификацию по ч. 2 ст. 162 УК РФ. Использование орудий, боевых припасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств и тому подобного при совершении преступления является отягчающим обстоятельством, согласно п. «к» ст. 63 УК РФ.

Однако не стоит смешивать орудия и средства преступления с предметом преступления. Так как мы уже поняли, что предмет — это общественные отношения, на которые осуществляется воздействие при совершении преступлений, а орудие и средства — это предметы и способы, с помощью которых осуществляется преступное посягательство.

Благодаря примерам предмета преступления и средства совершения преступления, в частности информация как предмет и как средство, можно сделать вывод о том, что в некоторых случаях одна и та же вещь может выступать в одном составе преступления в роли орудия или средства посягательства, а в другом — предметом. Исходя из этого, их соотношение и различия следует рассматривать только из конкретных обстоятельств того или иного преступления. Так, например, оружие, боеприпасы, а также взрывчатое вещества и устройства при хищении или вымогательстве будут выступать в качестве предмета преступления, а при бандитизме или квалифицированном пиратстве — орудием преступления.

В связи с этим предмет, средства и орудия совершения преступления необходимо различать по некоторым основаниям. Во-первых, их стоит отличать друг от друга по характеру использования при совершении преступного посягательства, во-вторых, по характеру принадлежности к элементам состава преступления. Мы знаем, что предмет преступления является факультативным признаком объекта общественно опасного деяния, таким образом, если действие будет совершаться в связи или по

поводу вещи, то эта вещь будет признана предметом. В случае с орудием и средством совершения преступлений, вещь должна использоваться в качестве инструмента воздействия на объект общественно опасного деяния, тем самым она будет выступать в качестве факультативного признака объективной стороны преступления.

По этому поводу возникают многочисленные дискуссии среди ученых-правоведов. Так, во многих учебниках и комментариях к Уголовному кодексу при анализе состава преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ правоведы утверждают, предметом данного преступления будет являться автомобиль или любое другое механическое средство, но ряд других ученых полагают, что автомобиль является орудием преступного посягательства, а предметом будет потерпевший, которому был причинен тяжкий вред здоровью или смерть.

Так, Заводоуковский районный суд Тюменской области в приговоре от 28 сентября 2018 года по ч. 4 ст. 264 УК РФ установил, что Р., управляя автомобилем, нарушил правила дорожного движения, находясь в состоянии опьянения, и это повлекло по неосторожности смерть человека. Его транспортное средство суд признал средством совершения преступления, а потерпевшего, который вследствие получения травм в дорожно-транспортном происшествии скончался, — предметом [16].

Подводя итог всему вышесказанному, хочется отметить, что нельзя недооценивать значение орудия и средства совершения преступлений. Субъекты преступных посягательств для достижения своих целей используют различные предметы, приемы и способы, которые вызывают общественно опасные последствия. Они могут выступить не только в качестве объективной, для того чтобы определить мотивы и цель преступника, а также индивидуализировать его. Учет данных признаков помогает правильно и справедливо назначить наказание за совершенное преступное деяние, с учетом всех отягчающих и смягчающих обстоятельств. Однако, смотря на разнообразие определений понятий предмета, средства и орудия совершения преступления, можно только догадываться, насколько сложно использовать их на практике.

Список литературы

1. Беляев Н. А. Курс советского уголовного права. Т. 1. Л., 1968.
2. Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны в СССР: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1981. 248 с.
3. Кравцов С. Ф. Предмет преступления: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Л., 1976. 183 с.
4. Бикмурзин М. П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М.: Юрлитинформ, 2006. 191 с.
5. Степанова К. В. Информация как предмет преступлений против собственности // Общество и право. 2018. № 2 (64). С. 68–72.
6. Степанова К. В. Предмет преступления в уголовном праве // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сборник статей по материалам 72-й научно-практической конференции преподавателей по итогам НИР за 2016 г. Краснодар, 2017. С. 815–817.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
8. Производство по уголовному делу о незаконном обороте психотропного вещества прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления: Определение Верховного Суда РФ от 12.05.2011 № 67-Д11-10 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
9. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 // Справочно-правовая система «Гарант».
10. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. С. 75.
11. Гуров В. И. Понятия «орудие» и «средство» совершения преступлений в уголовном и уголовно-процессуальном праве // Вопросы совершенствования уголовно-правового регулирования: межвузовский сб. науч. тр. Свердловск: Издательство Свердлов. юрид. ин-та, 1988. С. 71.
12. Малинин В. Б., Парфенов А. Ф. Объективная сторона преступления. СПб.: Издательство юридического института, 2004. С. 218.
13. Степанова К. В. Информация как средство совершения преступления против собственности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6. С. 174–177.
14. Яшков С. А. Информация как предмет преступления: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2005. С. 19–22.

15. Уголовное право России. Общая часть: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юстицинформ, 2010. 496 с.

16. Приговор № 1-172/2018 от 26 сентября 2018 г. по делу № 1-172/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/pigovor.1.172.2018>.

УДК/UDC 347

К вопросу о некоторых проблемах фактического землепользования

Саакян Мария Арамовна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: mariyasaakyan99@mail.ru

Аннотация

Статья призвана более детально изучить основные проблемные аспекты фактического землепользования. Рассмотрен исторический аспект фактического землепользования. Затронут вопрос о правовом закреплении фактического землепользования. Дается характеристика фактического земельного участка, а также указаны лица, которые могут фактически пользоваться земельными участками. Рассматриваются основные причины уклонения от законного оформления земельных участков. Уделено внимание такой проблеме, как доказательство права собственности на землю. Анализируются способы признания лиц фактическими землепользователями. Дана характеристика понятию приобретательной давности, а также указываются условия для получения такого права. Рассматривается вопрос об использовании земли вместе с расположенным на нем объектом недвижимого имущества. Также в статье внесены предложения по модернизации законодательства в этой части.

Ключевые слова: фактическое землепользование, преобретательная давность, право собственности на землю, фактические пользователи земельных участков.

On the Issue of Some Problems of Actual Land Use

Saakyan Mariya Aramovna

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: mariyasaakyan99@mail.ru

Abstract

The article is intended to study in more detail the main problematic aspects of actual land use. The historical aspect of actual land use is considered. The question of the legal consolidation of actual land use is raised. The characteristic of the actual land plot is given, and also persons who can actually use the land plots are indicated. The main reasons for evading the legal registration of land plots are considered. Attention is paid to such a problem as proof of land ownership. Ways of recognizing individuals as actual land users are analyzed. The characteristic is given to the concept of acquisitive prescription and the conditions for obtaining such a right are indicated. The author also raises the question of the use of land together with located on it the object of real estate. Also in the article made proposals for the modernization of legislation in this part.

Key words: actual land use, acquisitive prescription, land ownership, actual land users.

Одним из проблемных аспектов в земельном праве является регулирование вопроса фактического землепользования. Участники данного процесса прежде всего не следуют правилам оформления и регистрации прав собственности на землю. Это в особенности влияет на темпы развития рынка недвижимости Российской Федерации и на процессы осуществления деятельности на таких территориях. Именно поэтому данная тема обладает актуальностью и вызывает интерес в области земельного права.

В законодательстве Российской Федерации отсутствует правовое закрепление понятия «фактическое землепользование». Тем не менее впервые такое определение было отмечено в п. 4 ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 года № 137 «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» [1]. В данном пункте было закреплено положение о том, что у граждан есть право зарегистрировать право собственности на земельные участки, на которых расположены их жилые дома. Это было обусловлено тем, что вышеуказанные земельные участки находились в пользовании до вступления в силу Закона СССР от 6 марта 1990 года номер 1305 «О собственности в СССР» [2].

Согласно ст. 5 ЗК РФ землепользователями могут быть физиче-

ские и юридические лица, а также образования государственного и муниципального значения [3]. В юридической науке сложилось мнение, что можно выделить три группы фактических землепользователей: лица, которые используют земельные участки после окончания срока ее использования. Это может быть аренда, безвозмездное пользование; лица, которые являются собственниками объектов недвижимого имущества; лица, которые пользуются земельным участком без надлежащего документального оформления. Стоит отметить, что за незаконный захват территории следует административная ответственность. Согласно статье 7.1 КоАП РФ такое действие влечет за собой административный штраф [4]. Участники земельных правоотношений чаще всего уклоняются от законного оформления земельных участков. Это обусловлено рядом причин: не хотят брать на себя ответственность по оплате налогов; уклоняются от уплаты за аренду; не желают проводить восстановительные мероприятия с земельными участками. Решением такого вопроса станет введение положения в ЗК РФ об обязательном надлежащем оформлении прав на землю, которое находится в фактическом пользовании. Прежде всего, это способствует повышению ответственности за земельные участки, на которых лица осуществляют свою деятельность.

Существует еще одна проблема, которая касается доказательства права собственности на землю. Так как пользование землей законно не оформлено, то и доказать, что этот участок является собственностью, почти невозможно. Сложность состоит в том, что отсутствуют критерии для идентификации конкретного земельного участка. Практически определить границы земельного участка не удастся, если в Кадастре государственной недвижимости отсутствуют данные об участке территории. В этом случае, если законодательно закрепить права и обязанности лиц, которые пользуются землей фактически, они смогут на основании закона защищать личные права и интересы.

Государственная власть вынуждена применять в осуществлении своей деятельности понятие «фактическое землепользование», и, соответственно, оно должно быть закреплено конкретными документами.

Ими являются: бумаги, которые будут указывать на законное разрешение использовать отдельную часть земли; договор о приобретении объекта недвижимости, находящийся на конкретном участке. Многие правове- ды с такими положениями не согласны. Например, Т. Г. Иванова считает, что рациональным способом признания лиц фактическими землепользо- вателями может быть: решение уполномоченного органа о предоставле- нии земельного участка; документы о приобретении объекта недвижи- мости на данном участке, Под вышесказанным она подразумевает, что в таком варианте разрешения вопроса использование земельным участ- ком будет происходить на законных основаниях, но без официального и надлежащего оформления документов по не зависящим обстоятельствам [5]. С другой стороны, предоставление этих документов не может быть основанием для фактического землепользования. Это прямо указывает на несовершенство законодательства в данной области.

Фактическое землепользование, как уже говорилось, законодатель- но никак не закреплено, но, несмотря на это, в ГК РФ (ст. 234) суще- ствует понятие приобретательной давности [6]. Суть данного положения в том, что лица, использующие земельный участок на протяжении пят- надцати лет, могут претендовать на право собственности. Но есть опре- деленные условия для получения такого права: лицо должно непрерывно пользоваться конкретным земельным участком; добросовестно осуществ- лять деятельность на такой территории; обеспечивать ее содержание и целостность. Если вышеуказанные условия будут выполнены, то земель- ный участок может перейти к лицу в собственность на законных осно- ваниях. Процесс получения такого права достаточно продолжительный, поэтому для разрешения вопроса о фактическом землепользовании це- лесообразнее будет законодательное закрепление статуса «фактического землепользователя» [7].

Еще одна проблема, которая возникает при фактическом земле- пользовании, — использование земли вместе с расположенным на нем объектом недвижимого имущества. Исходя из норм Земельного кодекса, такое явление создало массу сложностей. Это может довести даже до

сноса недвижимого объекта, если признают строительство на земельном участке самовольным занятием, не говоря уже о невозможности строения. Согласно пп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ в данной сфере действует принцип единства судьбы земли и недвижимости. Суть состоит в том, что вместе с правом собственности на недвижимое имущество у лица возникает право и на земельный участок, на котором он расположен [8]. В этом случае также видна необходимость законодательного закрепления фактического землепользования.

Вопросы правового регулирования фактического землепользования, которые были отмечены в статье, являются лишь частью данной проблемы. В таких условиях законодателю стоит глубоко изучить право фактического землепользования и закрепить такую норму в Земельном кодексе Российской Федерации для справедливого и правильного разрешения споров.

Список литературы

1. О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 25.10.2001 № 137-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001 г. № 44. Ст. 4148.
2. О собственности в СССР: Закон СССР от 06.05.1990 № 1305 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1990. № 11. Ст. 164.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Российская газета. 2001. № 211–212.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256.
5. Иванова Т. Г. Особенности правоотношений по установлению границ в современных условиях // Экологическое право. 2011. № 1. С. 45.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.2004 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994 г. № 238.
7. Ландаков В. Н. О некоторых проблемах давностного владения // Цивилист. 2011. № 3. С. 15.
8. Колиева А. Э. О доверительном характере правоотношений по управлению имуществом // Черные дыры в Российском законодательстве. 2011. № 6. С. 34.

УДК/UDC 347.2/.3

Спорные вопросы сферы вещного права в действующем законодательстве Российской Федерации

Стародубцева Наталия Вячеславовна
студентка юридического факультета
Волгоградский государственный университет
г. Волгоград, Россия
e-mail: nstarodubtseva@inbox.ru

Аннотация

Статья посвящена обзору категории вещных прав, понятию вещного права и его разновидностям. Освещаются права собственника и лиц, наделенных правами распоряжаться и пользоваться имуществом. Приводится перечень ограниченных вещных прав, утвержденный действующим законодательством Российской Федерации. Рассматриваются отдельные виды прав, в законе не названных прямо ограниченными вещными правами, но близких к данной категории по природе и содержанию. Автор называет их спорными и предлагает более детально изучить их природу для отнесения или неотнесения к категории вещных прав. В заключение предлагаются пути реформенных преобразований для построения законченной системы гражданского законодательства в области вещных прав с более широким перечнем ограниченных вещных прав.

Ключевые слова: вещные права, собственность, пользование, распоряжение, имущество, обременение.

Controversial Issues in the Field of Property Law in the Current Legislation of the Russian Federation

Starodubtseva Nataliya Vyacheslavovna
student of the Faculty of Law
Volgograd State University
Volgograd, Russia
e-mail: nstarodubtseva@inbox.ru

Abstract

The article touches upon the review of the category of property rights, the concept of property rights and its varieties. The rights of the owner and persons with the rights to dispose and use the property are covered. A list of limited real rights, approved by the current legislation of the Russian Federation. Certain types of rights are considered, in the law, not called directly limited property rights, but close to this category in nature and content. The author calls them controversial and offers a more detailed study of their nature for their categorization or non-categorization as property rights. In conclusion, the author proposes ways of reform for the construction of a complete system of civil law in the field of property rights with a broader list of limited property rights.

Key words: real rights, property, use, disposal, property, encumbrance.

В современном мире существует огромное множество различных материальных благ, как созданных человеком, так и данных ему от природы, на которые он претендует и заявляет свои права. Сферу таких прав, занимающую одно из центральных мест в области гражданского права, принято называть категорией вещных прав.

Стоит отметить, что, несмотря на длительный этап эволюции данной сферы, действующее законодательство Российской Федерации не содержит четкого определения понятия вещного права как такового.

Вещные права принято подразделять на право собственности и прочие, так называемые ограниченные вещные права. Право собственности наделяет правообладателя (владельца) свободой пользоваться и распоряжаться имуществом по своему усмотрению любым не противоречащим закону образом. Однако уже на данном этапе в действующем законодательстве возникает множество пробелов и коллизий. Дело в том, что законодатель не может учесть всех нюансов, связанных с абсолютным правом на имущество. Невозможно предусмотреть, учесть и урегулировать все варианты поведения собственника в отношении принадлежащего ему имущества.

Стоит ли в таком случае говорить о том, что подкатегория ограниченных вещных прав еще более многогранна, в связи с чем на сего-

дняшний день действующее законодательство не имеет исчерпывающего перечня таких прав?

Институт ограниченных вещных прав подразумевает под собой права пользования чужими вещами. Именно пользование или, другими словами, возможность распоряжаться объектом имущества только с разрешения собственника накладывает ограничения, связанные, например, с самовольной продажей этого имущества, уничтожением, передачей его в аренду (субаренду) и т. д.

Действующая редакция Гражданского кодекса Российской Федерации [1] относит к подкатегории ограниченных вещных прав следующие разновидности (ст.216 ГК РФ):

- право пожизненного наследуемого владения земельным участком (ст. 265 ГК РФ);
- право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком (ст. 268 ГК РФ);
- сервитуты (ст. ст. 274, 277 ГК РФ);
- право хозяйственного ведения имуществом (ст. 294 ГК РФ);
- право оперативного управления имуществом (ст. 296 ГК РФ).

Стоит сделать оговорку: «... статья 216 ГК РФ позволяет отнести к перечню вещных прав права, прямо не перечисленные в статье. Таким образом, конструкция ст. 216 ГК РФ влечет возникновение споров в теории гражданского права относительно перечня вещных прав» [2].

Анализируя положения действующего законодательства РФ, нельзя не упомянуть о такой разновидности обременения, как аренда. По сути, арендатор имеет право пользоваться вверенным ему имуществом согласно договору аренды, но с существенным ограничением. Арендатор не вправе продавать имущество, сдавать его в субаренду (если это не предусмотрено договором аренды), даже капитальные вложения, перепланировку он может делать только с разрешения собственника. Таким образом, аренду также следовало бы закрепить в Гражданском кодексе в как разновидность категории ограниченных вещных прав. Право залога и право владения в течение срока приобретательной давности также сто-

ит детально изучить, проанализировав их правовую природу. Возможно, законодатель в последствие и придет к выводу, что и их необходимо включить в систему вещных прав.

Кроме того, до сих пор не разрешен спор в случае отнесения ипотеки к категории вещных прав. В соответствии со ст. 131 Гражданского кодекса РФ [1] право собственности (его возникновение, переход и прекращение) подлежит государственной регистрации [3] в Росреестре. Вместе с тем ипотеку также необходимо регистрировать в соответствии с положениями Федерального закона от 21.07.1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [4] (ст. 29). Вещно-правовой характер ипотеки обуславливается тем фактом, что объектом ипотеки выступает недвижимое имущество, а также тем, что данное обременение подлежит государственной регистрации [5]. «Однако Закон № 122-ФЗ в п. 1 ст. 4 определяет ипотеку как обременение прав на недвижимое имущество и обязывает регистрировать ограничение прав не в качестве вещного права, а наряду с ним, тем самым не включая его в перечень видов вещных прав. Важно отметить, что согласно абз. 2 п. 4 ст. 334 ГК РФ к залогу недвижимого имущества применяются правила о регулировании вещных прав» [2]. Подводя, таким образом, резюме, напрашивается вывод, что закон прямо указывает на принадлежность ипотеки к категории вещных прав в связи с распространением норм о вещном праве на регулирование данного механизма.

Отечественное законодательство динамично. Оно непрерывно развивается, дополняется, в связи с чем и перечень ограниченных вещных прав может изменяться или расслаиваться. Однако никакое соглашение (или договор) участников имущественного оборота не может изменить содержание и характер вещных прав, закрепленных законом в актуальной редакции.

Исследователи-правоведы единогласно приходят к мнению, что в области вещного права требуются радикальные реформы, в первую очередь связанные именно с выстроением системности в сфере ограниченных вещных прав. «Отсутствие должной последовательности в

гражданско-правовом оформлении развивающейся рыночной экономики способствует сохранению ее „полурыночного“, переходного характера, а также “полурыночного правопорядка“, поскольку право не может опережать реальное экономическое развитие» [6].

На сегодняшний день задачу выстроения системы вещных прав с учетом всех обстоятельств реальной действительности можно решить, разработав полноценную концепцию в области корректировки действующего законодательства.

В частности, такие попытки уже предприняты законодателем при создании проекта Федерального закона № 47538-6 [7]. Данный проект, наряду с правом собственности, определяет расширенный закрытый перечень ограниченных вещных прав, таких как:

- право постоянного землевладения;
- право застройки;
- сервитут;
- право личного пользования;
- ипотека;
- право приобретения чужой недвижимой вещи;
- право вещной выдачи;
- право оперативного управления;
- право ограниченного владения земельным участком.

Сама идея реформ гражданского законодательства в области вещных прав порождает много споров исследователей-правоведов. И связано это в первую очередь с неизбежным разрушением некоторых функционирующих институтов гражданского права в целом и вероятностью недостижения поставленных целей таких реформ.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. № 238–239.

2. Смердина Ю. С. Проблемы построения системы вещных прав в гражданском законодательстве Российской Федерации / Ю.С. Смердина // Современное право. 2015. № 1. С. 43–49.

3. Усанова В. А. Некоторые аспекты создания муниципального бюджетного учреждения / В. А. Усанова // Вестник волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2016. № 4 (33). С. 91–95.

4. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: Федеральный закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ // Справочно-правовая система «Гарант».

5. Об ипотеке (залоге недвижимости): Федеральный закон от 06.07.1998 № 102-ФЗ // Справочно-правовая система «Гарант».

6. Суханов Е. А. Ограниченные вещные права / Е. А. Суханов // Хозяйство и право. 2016. № 1. С. 7–9.

7. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект федерального закона № 47538-6 (внесен Президентом РФ) // Справочно-правовая система «Гарант».

УДК/UDC 343.2/.7

Проблема ответственности за незаконное пересечение государственной границы Российской Федерации

Степанова Кристина Витальевна

преподаватель кафедры уголовного права

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: naumeuko93@gmail.com

Щербань Илья Сергеевич

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: sherban_iliya98@mail.ru

SPIN-код: 7738-7092

Аннотация

В данной статье анализируется предусмотренная законодательством Российской Федерации ответственность за незаконное пересечение границы РФ. За указанное деяние в нашей стране наступает уголовная ответственность, хотя существует схожий состав правонарушения, за которое наступает административная ответственность. Такая ситуация вызывает проблему, суть которой, на наш взгляд, заключается в том, что уголовная ответственность за данное деяние является слишком серьезной мерой наказания. Пути решения указанного пробела в законодательстве были изложены в работе. Миграция является очень важной частью жизни всего общества. На протяжении уже многих лет во всех странах мира осуществляется взаимодействие в области реализации внешней политики по миграционной деятельности. Стоит отметить, что при соблюдении положений законодательства о пересечении государственной границы данная сфера оказывает положительное воздействие на международные отношения конкретных стран.

Ключевые слова: государственная граница РФ, преступление, административное правонарушение, преюдиция.

The Problem of Responsibility for Illegal Crossing of the State Border of the Russian Federation

Stepanova Kristina Vitalyevna

lecturer of the Department of Criminal Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: naumeyko93@gmail.com

Shcherban Ilya Sergeyeovich

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: sherban_iliya98@mail.ru

SPIN Code: 7738-7092

Abstract

This article analyses the liability provided by the legislation of the Russian Federation for illegal border crossing of the Russian Federation. In Russia, a person is criminally liable for this act, although there is a similar offence for which there is administrative responsibility. This situation raises a problem, the essence of which is that criminal liability for this act is too serious a punishment. Ways to address this gap in the legislation were set out in the work. Migration is a very important part of the life of the whole society. For many years, cooperation in the field of foreign policy on migration has been carried out in all countries of the world. It should be noted that in compliance with the provisions of the legislation on crossing the state border, this sphere has a positive impact on the international relations of specific countries.

Key words: state border of the Russian Federation, crime, administrative offence, prejudice.

Данная проблема актуальна на сегодняшний день тем, что миграция населения, как легальная, так и нелегальная, приобретает социально значимый и в то же время опасный характер не только для нашего государства, но и для мирового сообщества в целом [1]. Каждый год в нашу страну пребывает большое количество мигрантов, часть из которых не

соблюдает установленный законодательством режим пересечения государственной границы РФ.

Причины совершения такого правонарушения могут быть различными: недостаток денежных средств, необходимых на перелет (переезд); бумажная волокита, связанная с оформлением документов, разрешающих мигрантам на законных основаниях находиться на территории РФ; причиной может быть также низкий уровень правосознания: лицо, пересекающее границу, может не знать том, что за такое деяние предусматривается юридическая ответственность [2].

Говоря о лице, незаконно пересекающем границу РФ, т. е. о субъекте преступления, следует отметить, что в большинстве случаев таковым является иностранный гражданин либо лицо без гражданства. Данные лица в российском законодательстве имеют особое место, так как, к примеру, ведется отдельный учет преступлений, совершенных иностранцами либо лицами без гражданства. Так, согласно данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ на территории Краснодарского края за март 2019 года было зарегистрировано 336 преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства [3]. Следует отметить, что среди этих преступлений — в том числе и те, что предусмотрены ст. 322 Уголовного кодекса Российской Федерации [4]. Данная норма в ч. 1 предусматривает наказание за пересечение государственной границы Российской Федерации без действительных документов на право въезда в Российскую Федерацию или выезда из Российской Федерации либо без надлежащего разрешения, полученного в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях [5] имеется норма, схожая с вышеупомянутым преступлением: ст. 18.1 «Нарушение режима Государственной границы Российской Федерации». За это правонарушение предусматривается административная ответственность. Отличие указанных составов заключается в степени общественной опасности: за преступление лицо подвергается более серьезному наказанию, чем за административный проступок. Так, ответствен-

ность по КоАП наступает в случае нарушения правил пересечения государственной границы РФ, которые предусмотрены Законом РФ «О Государственной границе РФ» [6]. В ст. 1 указанного закона содержится определение понятию «Государственная граница» — линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, то есть пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации. Уголовная же ответственность наступает в случае фактического пересечения лицом границы без действительных документов на право въезда в Российскую Федерацию или выезда из Российской Федерации либо без надлежащего разрешения.

При анализе указанных норм можно прийти к выводу, что состав преступления по ч. 1 ст. 322 УК РФ, по сути, охватывается ч. 1 ст. 18.1 КоАП. В связи с этим возникает вопрос о необходимости введения преюдициального состава преступления. Суть преюдиции отражена в ст. 90 УПК РФ: обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки [7]. По нашему мнению, уголовная ответственность за данное деяние является слишком серьезной мерой наказания, что является проблемой действующего законодательства. Предлагается декриминализовать состав преступления по ч. 1 ст. 322 УК РФ: ввести уголовную ответственность за повторное нарушение правил пересечения Государственной границы РФ лицом, подвергнутым административной ответственности за аналогичное деяние. Либо следует полностью исключить ч. 1 ст. 322 УК РФ, оставив уголовную ответственность по квалифицирующим признакам указанной нормы.

На наш взгляд, первый вариант решения указанной проблемы является наиболее эффективным: в случае привлечения изначально к административной ответственности лицо предупреждается о возможном

уголовном преследовании в случае повторного совершения аналогичного правонарушения. Такой подход отвечает принципу гуманизма в российском уголовном законодательстве.

Также следует отметить, что в данной норме имеется институт освобождения от уголовной ответственности [8]: в силу примечания к данной статье лицо может быть освобождено от уголовной ответственности в случае, если будут нарушены правила пересечения Государственной границы РФ для использования политического убежища. В связи с этим значительное количество уголовных дел прекращаются до направления материалов в суд. Такая ситуация свидетельствует о неэффективности действия указанной нормы уголовного закона, что соответственно приводит к выводу о необходимости декриминализации ст. 322 УК РФ.

Таким образом, проблема ответственности за незаконное пересечение Государственной границы РФ является актуальной. Уголовная ответственность за данное деяние является слишком серьезной мерой, в связи с чем следует ввести преюдициальный состав преступления либо исключить данный состав из УК РФ, так как суть такого правонарушения охватывается диспозицией нормы КоАП.

Список литературы

1. Пашнин В. В., Пелипенко Д. С., Медведев С. С. Организация незаконной миграции // Аллея науки. 2018. № 6 (22). Т 4. С. 706.
2. Кобылинская С. В., Усенко А. С. Современная миграционная политика России // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 103. С. 1037–1052.
3. Показатели преступности России // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_rate (дата обращения: 27.04.2019).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.

6. О Государственной границе Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 01.04.1993 № 4730-1 // Ведомости Съезда Народных Депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 17. Ст. 594.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.

8. Чермит Р. Р., Шульга А. В. Освобождение от уголовной ответственности в РФ: понятие, основание и виды, актуальные проблемы реализации // Интеграция наук. 2017. № 4 (8). С. 50.

УДК/UDC 349.41

Рациональное использование химических удобрений

Чебурахина Александра Андреевна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: sasha_3200@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается актуальная на современном этапе тема, связанная с рациональным использованием химических удобрений. Особое внимание в статье уделено основным проблемам нерационального использования химических удобрений, в частности отсутствию четкой системы, позволяющей оценить степень обеспеченности почвы необходимыми элементами, низкой степени внедрения прогрессивных агротехнических и растениеводческих приемов, направленных на эффективную обработку почвы, мелиорацию, совершенствование техники возделывания культур. В рамках статьи представлены возможные пути решения указанных проблем, в частности разработка системы краткосрочного и долгосрочного детального планирования удобрений с учетом подходящих доз, сроков и способов внесения химических удобрений с учетом специфических биологических особенностей возделываемых культур.

Ключевые слова: удобрение, химические удобрения, плодородие почвы, сельское хозяйство, урожайность, экологический режим, агрохимические приемы, мелиорация.

Rational Use of Chemical Fertilizers

Cheburakhina Aleksandra Andreyevna

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: sasha_3200@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the subject connected with rational use of chemical fertilizers. Special attention in the article is paid to the main problems of irrational use of chemical fertilizers, in particular lack of the accurate system allowing to estimate degree of security of the soil with necessary elements, low extent of introduction of the progressive agrotechnical and crop receptions directed to effective processing of the soil, melioration, improvement of the technology of cultivation of cultures. The article also presents possible solutions of the specified problems, in particular development of the system of short-term and long-term detailed planning of fertilizers taking into account suitable doses, terms and ways of introduction of chemical fertilizers taking into account specific biological features of the cultivated cultures are offered.

Key words: fertilizer, chemical fertilizers, fertility of the soil, agriculture, productivity, the ecological mode, agrochemical receptions, melioration.

На современном этапе стало очевидным, что поступательное развитие сельского хозяйства в различных регионах России невозможно без систематического использования разнообразных химических и биологических средств, направленных на защиту растений от болезней и вредителей, а также на повышение плодородности почв. Проблема рационального использования химических удобрений напрямую взаимосвязана с эффективностью использования земли [1] и повышением плодородия почв, поскольку выступает в качестве определяющего условия получения качественной сельскохозяйственной продукции с целью последующего обеспечения продовольственной безопасности России.

Рассматривая значимость химизации земледелия, следует отметить, что данный фактор на современном этапе выступает в качестве определяющего в рамках повышения эффективности сельскохозяйственного производства. Непосредственная цель внесения химических удобрений в сельском хозяйстве состоит в последовательной оптимизации минерального питания сельскохозяйственных культур, подлежащих возделыванию. Химические удобрения не просто оказывают целенаправленное влияние на почву, повышая уровень концентрации в ней питательных ве-

ществ, меняя ее буферность и поглощающую способность, но и активно совершенствуют ее физические свойства в целом. Более того, химические удобрения позволяют существенным образом повышать активность биологических процессов, протекающих в почве с целью улучшения условий питания растений. В результате, это обеспечивает их активный рост и повышает урожайность. За счет средств химизации становится возможным регулирование процесса повышения плодородия почв, улучшения качества сельскохозяйственной продукции, а также поддержание оптимального экологического режима природной среды в целом [2].

Следует также отметить, что актуальность рассматриваемой темы обусловлена тем, что в условиях финансового кризиса во многих регионах России было существенным образом снижено применение различных видов химических удобрений, что постепенно приводит к невосполнимому расходованию накопленных запасов элементов почвенного плодородия, снижению степени продуктивности пашни [3].

Таким образом, проблема рационализации процесса применения химических удобрений очевидна. В связи с этим разработка и совершенствование способов рационального применения средств химизации имеет стратегическую значимость.

Рассматривая аспект нормативно-правового регулирования процессов использования химических удобрений, следует выделить Федеральный закон «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами» от 19.07.1997 № 109-ФЗ [2].

В соответствии со ст. 22 указанного Федерального закона, порядок применения химических удобрений (пестицидов и агрохимикатов) определяется федеральными органами исполнительной власти в сфере безопасного обращения с пестицидами и агрохимикатами с учетом множества факторов, таких как сложившаяся фитосанитарная, санитарная и экологическая обстановка, потребности растений в агрохимикатах, состояние плодородия земель и т. д. Отметим, что рациональное применение пестицидов в соответствии с рассматриваемым ФЗ должно происходить строго на основании специальных разрешений уполномоченных феде-

ральных органов исполнительной власти, а также гражданами, имеющими специальную профессиональную подготовку. В ст. 17 установлены особые требования к особенностям хранения и реализации пестицидов и агрохимикатов. Так, каждый поставщик обязан обеспечить каждую единицу емкости с пестицидом или агрохимикатом актуальными рекомендациями о применении, транспортировке и хранении пестицидов и тарной наклейкой. На территории РФ возможно производство и использование только пестицидов и агрохимикатов, прошедших в установленном порядке токсиколого-гигиеническую экспертизу, государственную регистрацию. Также на них должны присутствовать соответствующие санитарно-эпидемиологические заключения органов и учреждений государственной санитарно-эпидемиологической службы РФ.

В соответствии со ст. 9 рассматриваемого ФЗ, процесс рационального использования химических удобрений обеспечивается регистрационными испытаниями, которые включают определение эффективности применения пестицидов и агрохимикатов, разработку регламентов их применения, оценку опасности негативного воздействия пестицидов и агрохимикатов на здоровье людей, а также разработку гигиенических нормативов и санитарных норм.

В качестве проблемы следует отметить тот факт, что применение химических удобрений с экологической точки зрения будет рациональным только в том случае, если оно будет осуществляться в оптимальном соотношении, поскольку слишком малые и слишком большие дозы не приводят к желаемым результатам. Тем не менее в сельском хозяйстве очень часто имеет место избыточное внесение химических удобрений. Это влечет за собой ряд негативных последствий, в частности выпуск продукции низкого качества, загрязнение внешней среды. Более того, существенно возрастают затраты на единицу выпускаемой продукции.

Следующая проблема рационального применения химических удобрений также напрямую связана с ухудшением качества экологической обстановки. Факторов, связанных с химическими удобрениями и вызывающих такое ухудшение, очень много: низкое качество технологий

транспортировки, отгрузки, хранения химических удобрений. Также существенную роль играет несовершенство и низкое качество самих удобрений, в частности их специфических химических и физических свойств.

В качестве вывода следует отметить, что рациональное использование удобрений невозможно в отсутствии понимания основных аспектов влияния удобрений на почву и возделываемые культуры. В связи с этим значимую роль играют квалифицированные сотрудники в отрасли сельского хозяйства. Помимо этого, необходима разработка системы, позволяющей оценивать степень обеспеченности почвы необходимыми питательными элементами, которые должны находиться в доступе. Важную роль, как было упомянуто выше, играют прогрессивные агротехнические и растениеводческие приемы, направленные на эффективную обработку почвы, мелиорацию, совершенствование техники возделывания культур [4].

Особое внимание следует уделять не только количеству удобрений, но и соотношению питательных веществ, которые должны обеспечивать в будущем максимальный урожай и высокое качество продукции [5].

Для этого необходимо разрабатывать систему краткосрочного и долгосрочного детального планирования удобрений, учитывать подходящие дозы, сроки и способы внесения химических удобрений с учетом специфических биологических особенностей возделываемых культур.

Список литературы

1. Гринь Е. А. Некоторые проблемы правового регулирования объектов растительного мира // Теория и практика современной аграрной науки. 2018. С. 854.
2. Клубук В. В. Современное состояние и пути решения агрохимических проблем в контексте научных исследований Института орошаемого земледелия НААН // Молодой ученый. 2016. № 8. С. 816–821.
3. О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами: Федеральный закон от 19.07.1997 № 109-ФЗ // Российская газета. № 142. 25.07.1997.
4. Глушко О. А., Гринь Е. А., Грядя Э. А. Экологическое право: конспект лекций // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. С. 153.

5. Потеряхина Т. П. Перспективы развития рынка химических удобрений // Молодой ученый. 2014. № 12. С. 340–342.

УДК/UDC 347

К вопросу об особенностях гражданско-правовой ответственности управляющей организации, осуществляющей деятельность в сфере ЖКХ

Чуяко Айтеч Азаматович

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: chuяako2012@mail.ru

Аннотация

В данной работе рассматриваются различные аспекты, связанные с гражданско-правовой ответственностью управляющей организации в сфере ЖКХ. Рассмотрены различные теоретические основы гражданско-правовой ответственности управляющей организации в сфере ЖКХ. Были проанализированы различные доктринальные точки зрения относительно развития института гражданско-правовой ответственности управляющей организации, осуществляющей управление в многоквартирном доме. По итогам работы был сделан вывод, что институт ответственности управляющей организации представляет собой комплекс защиты и контроля за действиями управляющей организации со стороны других субъектов правоотношений, которые возникают в процессе реализации деятельности управляющей организации. В ходе работы также были рассмотрены различные позиции авторов по данной теме и был дан краткий анализ этим авторским позициям.

Ключевые слова: управляющая организация в сфере ЖКХ, гражданско-правовая ответственность.

On the Issue of Civil Liability Features of the Managing Organization Operating in the Housing and Utilities Sector

Chuyako Aytech Azamatovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: chuyako2012@mail.ru

Abstract

This paper discusses various aspects related to the civil liability of a managing organization in the housing and utilities sector. Considered various theoretical foundations of civil liability of the managing organization in the field of housing and utilities. Different doctrinal points of view regarding the development of the institution of civil liability of the managing organization that manages the apartment building were analysed. At the end of the work, it was concluded that the institution of responsibility of the managing organization is a complex of protection and control over the actions of the managing organization by other legal entities that arise in the process of implementing the activities of the managing organization. In the course of the work, various positions of the authors on this topic were also considered; a brief analysis of these author positions was also given.

Key words: managing organization in the sphere of housing and utilities sector, civil liability, form of guilt.

Гражданско-правовая ответственность управляющей организации является формой принудительного государственного воздействия посредством применения относительно нее санкций, предусмотренных гражданским законодательством за совершение в процессе реализации своих функций гражданское правонарушение.

Условием возникновения гражданско-правовой ответственности является наличие правонарушений, которые указаны в Гражданском кодексе РФ, а также в законах об ООО (Федеральный закон «Об обществах

с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ) и АО (Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208-ФЗ) [1, 2].

Можно выделить три главных критерия возникновения гражданско-правовой ответственности управляющей организации.

Во-первых, таким условием может быть противоправный характер поведения, который связан с управлением юридическим лицом, например, принятие незаконного управленческого решения.

Во-вторых, причинение вреда или убытков акционерам, а также частным интересам юридического или физического лица, причинение вреда публичным интересам государства.

В-третьих, подобным условием может являться наличие причинной связи между убытками или вредом, которые явились следствием принятия и реализации противоправного управленческого решения и причинением имущественного и (или) неимущественного ущерба, вины и противоправного поведения [3].

Далее в нашей работе рассмотрим перечисленные выше условия подробнее.

Рассматривая противоправное поведение как условие возникновения гражданско-правовой ответственности управляющей организации, стоит отметить, что поведение лиц, которые представляют орган управления, возможно считать противоправным в случае, если были нарушены условия договора между ними и обществом, а также нормы соответствующего законодательства.

Следующим условием возникновения гражданско-правовой ответственности рассмотрим причинение вреда. Данное условие предусмотрено и ст. 44 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «Об обществах с ограниченной ответственностью» и ст. 71 Федерального закона от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об акционерных обществах» [4]. Однако в контексте данного вопроса остается неясным, что именно можно считать убытками или вредом.

Согласно положениям п. 2 ст.15 ГК РФ убытки состоят из рас-

ходов лица, право которого было нарушено, которые были произведены или должны будут произвестись для восстановления нарушенного права, утраты, повреждения имущества, а также из недополученных доходов, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота.

Далее рассмотрим причинную связь между противоправным поведением и вредом. И. Л. Ивановым разрабатывалась концепция причинной связи в отношении гражданско-правовой ответственности органов управления управляющей организации [5]. В основу данной концепции легла теория адекватного причинения, а также теория возможности и действительности О. С. Иоффе. Согласно концепции И. Л. Иванова, причинная связь между поведением лиц, которые участвуют в управлении акционерным обществом, и вредным результатом приобретает правовое значение как элемент основания их гражданско-правовой ответственности исключительно при условии, что данное поведение вызвало действительность результата или создало конкретную возможность его наступления [6].

Следующим условием возникновения гражданско-правовой ответственности является вина. Положения ст. 71 Закона об АО и ст. 44 Закона об ООО определяют вину как обязательное условие наступления гражданско-правовой ответственности. Вина органов управления может выражаться по неосторожности, так и в форме умысла. Нормы п. 1 ст. 404 ГК РФ закрепляют условие уменьшения ответственности управляющего судом при неисполнении или ненадлежащем исполнении лицом своих обязанностей, которое осуществляет управление в хозяйственном обществе своих обязанностей, если такое неисполнение произошло не только по его вине, но и по вине хозяйственного общества. Данные положения характеризуют смешанную форму вины. Также стоит отметить недопустимость отождествления понятия смешанной вины и совместного причинения.

При смешанной форме вины виновен как причинитель, так и потерпевший, при совместном причинении потерпевший не виновен, одна-

ко, убытки у него возникают вследствие нескольких причинителей, такой позиции придерживается в своих работах О. С. Иоффе. Совместное причинение возможно в отношении органов управления в случае, если решение принято коллегиальным органом управления (голосование совета директоров) [7]. Стоит отметить, что при ответственности нескольких лиц возникает ответственность солидарного типа.

В контексте данного вопроса стоит сделать акцент на вопросе о субъекте доказывания своей невиновности. Отечественное законодательство по данному вопросу не содержит каких-либо формулировок того, что является основанием для самостоятельного доказывания представителя органа управления того, что его поведение было разумным и добросовестным и не противоречило нормам делового оборота [8]. Или противоположные положения относительно того, что законодатель не возлагает на указанных субъектов обязанность доказывания вины управляющих на тот субъект, которые заявляет к нему соответствующие требования [9].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что институт ответственности управляющей организации представляет собой комплекс защиты и контроля за действиями управляющей организации со стороны других субъектов правоотношений, которые возникают в процессе реализации деятельности управляющей организации. Также стоит отметить, что институт ответственности управляющей организации представляет собой совокупность санкций и обязанностей, которые установлены законодательством РФ в отношении управляющей организации как юридического лица, которое осуществляет особый вид деятельности.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301,
2. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1.

3. Пастухов М. М. О гражданско-правовой ответственности управляющей организации в сфере ЖКХ // Власть Закона. 2018. № 2 (34). С. 192–201.

4. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ // Российская газета. № 30. 17.02.1998.

5. Иванов И. Л. Гражданско-правовая ответственность лиц, участвующих в управлении акционерным обществом, в праве России и Германии: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 208.

6. Грибанов В. П., Иоффе О. С. Хозяйственное законодательство и гражданское право // Советское государство и право. 1976. № 3. С. 59–68.

7. Иоффе О. С. Обязательственное право. М., 1975. С. 171.

8. Масленникова Л. В., Копыл Ю. В. Лицензирование деятельности управляющих организаций // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 107 (03). С. 939–954.

9. Масленникова Л. В., Евглевская Е. С. Понятие и характеристика организационно-правовых форм инновационных организаций, используемых в сфере предпринимательства. Характеристика малых инновационных предприятий созданных с участием кубанского государственного аграрного университета // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 99. С. 1365–1377.

УДК/UDC 342.951:351.82

Проблема профилактики безнадзорности и совершения правонарушений несовершеннолетними на территории Краснодарского края

Щербань Илья Сергеевич

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: sherban_iliya98@mail.ru

SPIN-код: 7738-7092

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема, суть которой, по мнению автора, заключается в необходимости более тщательной и эффективной профилактики безнадзорности и совершения правонарушений лицами, не достигшими 18-летнего возраста, на территории Краснодарского края. Стоит отметить, что для решения указанной проблемы необходимо вмешательство как государственных, местных органов власти, должностных лиц, так и рядовых граждан, так как только при тесном взаимодействии перечисленных лиц можно добиться положительных результатов в профилактике безнадзорности и совершения правонарушений несовершеннолетними на территории Краснодарского края. Данная проблема является актуальной на сегодняшний день, так как нарушение законодательства в этой сфере происходит довольно часто.

Ключевые слова: несовершеннолетний, административная ответственность, безнадзорность.

The Problem of Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency in Krasnodar Krai

Shcherban Ilya Sergeyevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: sherban_iliya98@mail.ru
SPIN Code: 7738-7092

Abstract

This article discusses the problem, in the author's opinion, is the need for more thorough and effective prevention of neglect and offenses of persons under 18 in Krasnodar Krai. It should be noted that for the solution of this problem requires the intervention of the state, local authorities, officials, and ordinary citizens, because only through their close cooperation positive results in the prevention of neglect and offences of minors in Krasnodar Krai can be achieved. This problem is actual today as violation of the legislation in this sphere happens quite often.

Key words: minor, administrative responsibility, neglect.

Детская безнадзорность занимает важное место во всей системе имеющихся проблем на территории Краснодарского края. Безнадзорность — это отсутствие контроля за поведением несовершеннолетнего вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей или законных представителей либо должностных лиц [1]. Для регулирования данной сферы общественных отношений в 1999 году был принят Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [2]. Данный закон в качестве основных задач устанавливает предупреждение безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних, обеспечение защиты законных прав несовершеннолетних и т. д. Также на региональном уровне для более эффективного и упорядоченного регулирования указанных общественных

отношений в Краснодарском крае в 2008 году был принят Закон края «О мерах по профилактике безнадзорности и совершения правонарушений в Краснодарском крае» [3]. Данный нормативный правовой акт, в частности, устанавливает ограниченное время нахождения лиц, не достигших совершеннолетия, в общественных местах без сопровождения родителей. Так, в п. 4 ст. 3 Закона края содержится положение о том, что несовершеннолетние в возрасте до 7 лет не имеют права находиться в общественных местах без сопровождения законных представителей круглосуточно; в возрасте от 7 до 14 лет — с 21 часа до 6 часов; в возрасте от 14 лет до 18 лет — с 22 часов до 6 часов. Таким образом, законодатель пытается снизить риск возможных правонарушений, которые совершаются как несовершеннолетними, так и в отношении несовершеннолетних. Предполагается, что ночное время является наиболее опасным, так как возможность быстрого реагирования органов власти или граждан на происходящие правонарушения не так высока, как в дневное время.

Предотвращение всех вышеуказанных явлений может осуществляться посредством административной правоприменительной практики [4]. Она имеет важное значение, так как, помимо принятия соответствующего акта, в котором назначается наказание за правонарушение, может оказываться психологическое воздействие на субъект (несовершеннолетнее лицо) [5]. Таким образом, воздействуя на конкретное лицо, увеличивается вероятность того, что последнее больше не совершит противоправного деяния. Следует отметить, что административная практика является необходимой и закономерной реальностью функционирования всего механизма государственного (муниципального) управления [6].

Важное значение в профилактике безнадзорности и совершения правонарушений на территории Краснодарского края имеет деятельность органов власти, должностных лиц, а также обычных граждан. Так, частью 1 статьи 7 Закона Краснодарского края «Об участии граждан в охране общественного порядка в Краснодарском крае» [7] предусматривается возможность создания добровольных народных дружин (далее — ДНД). Такое общественное формирование осуществляет свою деятель-

ность в целях реализации целей и задач, установленных законом, в том числе, в целях профилактики безнадзорности и совершения правонарушений несовершеннолетними.

Несмотря на приведенные меры, обеспечиваемые государством, по профилактике указанных асоциальных явлений, на практике возникает ряд проблем, связанных с отсутствием положительных результатов профилактики.

К таким проблемам можно отнести недостаточное воспитание детей со стороны законных представителей, формальный подход к исполнению обязанностей по профилактике безнадзорности и совершения правонарушений несовершеннолетними со стороны должностных лиц и органов власти, неэффективность проводимых бесед с несовершеннолетними по поводу совершенных ими правонарушений и т. д. Также стоит отметить, что данные проблемы возникают в случаях попадания ребенка в «плохую компанию», вследствие чего на последнего оказывается негативное влияние со стороны окружающих.

Для решения указанных проблем, по нашему мнению, стоит ужесточить меры ответственности по отношению к должностным лицам, обязанным осуществлять профилактику безнадзорности, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения своих обязанностей. Также, возможно, стоит в большем объеме осуществлять информационно-пропагандистскую деятельность среди законных представителей несовершеннолетних в целях повышения уровня их правосознания в области ответственности за своих детей в случае нахождения последних в общественном месте без сопровождения взрослых после разрешенного времени.

Таким образом, проблема профилактики безнадзорности и совершения правонарушений на территории Краснодарского края действительно является актуальной на сегодняшний день. Государством предусмотрены различные меры по предупреждению данных асоциальных явлений. Данный вопрос регулируется также и краевым законодательством. Для решения обозначенных в работе проблем необходимо прежде

всего осознание последствий, которые могут возникнуть в случае отсутствия указанной профилактики. Также для устранения выявленных проблем в содержании были перечислены некоторые возможные решения.

Список литературы

1. Неваров А. А., Сахибова Р. И. Проблема детской беспризорности и безнадзорности в России // *Динамика систем, механизмов и машин*. 2014. № 5. С. 212.
2. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1999. № 26. Ст. 3177.
3. О мерах по профилактике безнадзорности и совершения правонарушений на территории Краснодарского края: Закон Краснодарского края от 21.07.2008 № 1539-КЗ // *Справочно-правовая система «Консультант Плюс»*.
4. Жеребцов А. Н., Павлов Н. В. Социально-философская сущность административной практики // *Общество и право*. 2014. № 4 (50). С.255.
5. Жеребцов А. Н., Павлов Н. В. Вопросы сущности и правоприменительного значения административной практики // *Lex Russica*. 2019. № 3 (148). С. 38.
6. Жеребцов А. Н., Павлов Н. В. Административная правоприменительная практика: теоретический и практический аспекты: монография. М.: Юстицинформ, 2018. С. 2.
7. Об участии граждан в охране общественного порядка в Краснодарском крае: Закон Краснодарского края от 28.06.2007 № 1267-КЗ // *Справочно-правовая система «Консультант Плюс»*.